СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ

ВОСПОМИНАНІЯ А. К. ЛЕФФЛЕРЪ

Герцогини ди-Кайянелло

ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО М. ЛУЧИЦКОЙ.

Съ приложеніемъ біографіи А. К. Леффлеръ, сост. Элленъ Кей и съ 2-мя портретами.

Изданіе Редакціи журнала „Сѣверный Вѣстникъ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

АННА-КАРЛОТТА ЛЕФФЛЕРЪ

Герцогиня ди-Кайянелло.

по личнымъ воспоминаніямъ)

Элленъ Кей.

АННА-КАРЛОТТА ЛЕФФЛЕРЪ,

ГЕРЦОГИНЯ ДИ-КАЙЯНЕЛЛО, РОДИЛАСЬ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ 1 ОКТЯБРЯ 1849 Г., УМЕРЛА ВЪ НЕАПОЛѢ 21 ОКТЯБРЯ 1892 Г.

«Когда мнѣ исполнится 70 лѣтъ, я напишу свою автобіографію», говорила какъ-то А. К. Леффлеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. «Со мною будетъ то же, что и съ Жоржъ Зандъ,—ни одинъ изъ написанныхъ ею романовъ не можетъ сравниться по интересу съ исторіею ея жизни, а между тѣмъ она многое скрыла, многое извратила, чего я не буду дѣлать.»

Эта правдивая автобіографія осталась ненаписанною. Не ея перу, а чужимъ придется разсказать жизнь А. К. Леффлеръ, когда наступитъ время для ея полнаго жизнеописанія. Всѣ теперешнія воспоминанія о ней не могутъ ни сообщить всего, ни на-

мекнуть на все. Но то немногое, что они даютъ, должно быть проникнуто такою же искренностью и правдивостью, какими дышетъ біографія Софьи Ковалевской, написанная А. К. Леффлеръ. Въ этомъ же духѣ составлено и настоящее жизнеописаніе. Мы не задаемся цѣлью дать полную характеристику писательницы; мы желаемъ нѣсколькими чертами нарисовать образъ женщины, раздѣлившей всецѣло судьбу всѣхъ талантливыхъ и искреннихъ людей: быть непонятою или включенною въ ту категорію, къ какой она никогда не принадлежала, хотя правда и то, что нѣтъ ни одной категоріи, которая оказывалась бы состоятельною, когда вопросъ идетъ о характеристикѣ живого лица.

Мать А. К. Леффлеръ была единственною дочерью пастора Миттага, высокообразованаго человѣка, который будучи еще магистромъ въ Упсалѣ, вступилъ въ тѣсную дружбу съ докторомъ С. П. Леффлеромъ, однимъ изъ издателей «Bibliotek der Deutschen Classiker». Дочери обоихъ друзей получили рѣдкое для того времени образованіе и раздѣляли въ значительной степени научные интересы своихъ отцовъ. Во время одного изъ посѣщеній упсальскихъ подругъ, Густава Миттагъ познакомилась со своимъ будущимъ мужемъ, I. О. Леффлеромъ (племянникомъ С. П. Леффлера), занимавшемъ впослѣдствіи долж-

ность ректора учительской семинаріи. Въ единственной дочери этихъ супруговъ выказались съ наибольшимъ блескомъ литературныя способности родителей. А. К. Леффлеръ родилась въ Стокгольмѣ въ 1849 г. и нерѣдко, говоря о своей страсти къ путешествіямъ и о своихъ постоянныхъ разъѣздахъ, замѣчала шутя, что, какъ это ни непріятно ея друзьямъ, но, появившись на свѣтъ 1-го октября, въ день перелета, она никакъ не могла примириться съ осѣдлою жизнью. Раньше ея родились два ея брата, теперешній профессоръ университетовъ, Геста Миттагъ Леффлеръ (род. въ 1846 г.) и Фрицъ Леффлеръ (род. въ 1847 г.), а позже—третій братъ, теперешній инженеръ Артуръ Леффлеръ (род. въ 1854 г.). Маленькая Анна-Карлотта выросла въ теплой атмосферѣ самой нѣжной любви, которою ее окружали родители, братья, и дѣдушка и бабушка съ материнской стороны. Ея лѣтнія посѣщенія пасторскаго дома Фогелосъ, на берегу Веттерна, навсегда оставили въ ней свѣтлыя воспоминанія, точно о какомъто дѣтскомъ раѣ. Она на свободѣ рѣзвилась въ этой чудной мѣстности; туда она стремилась всю зиму изъ своего стокгольмскаго дома; здѣсь положено было основаніе ея глубокой любви къ природѣ, здѣсь развилась въ ней страсть къ движеніямъ на свѣжемъ воздухѣ, такъ что пѣшеходныя путешествія, катанія на лодкѣ, купанье въ морѣ и въ особенности

жизнь среди природы сдѣлались для нея настоящею потребностью.

Больше всего подходящій къ ней по возрасту братъ Фрицъ былъ лучшимъ ея другомъ дѣтства. Онъ самымъ старательнымъ образомъ переписывалъ ея дѣтскія повѣсти, которыя она начала сочинять уже въ шестилѣтнемъ возрастѣ и которыя всѣ оканчивались очень трагически. Братъ игралъ всегда роль папы ея дорогихъ дѣтей-куколъ, но когда онъ въ качествѣ родителя возбуждалъ чѣмъ-нибудь ея неудовольствіе, негодованіе маленькой женщины проявлялось съ неудержимою силою: «ты никогда больше не будешь папою для моихъ дѣтей», на что обыкновенно слѣдовало возраженіе: «Но, Анна-Лотта, развѣ ты слышала когда-нибудь, чтобы мама говорила такъ съ папою?» Любимымъ удовольствіемъ дѣтей было играть въ театръ. Они сами сочиняли пьесы, которыя затѣмъ разыгрывали, тутъ же во время дѣйствія выдумывая реплики, и всегда спокойная Анна-Карлотта выказывала при этомъ такой необыкновенный драматизмъ, такое богатство фантазіи, столько живости въ отвѣтахъ, что одинъ изъ братьевъ выразилъ однажды свое удивленіе по этому поводу въ слѣдующихъ словахъ: «Анна-Карлотта навѣрное выйдетъ замужъ за наѣздника въ циркѣ».

Въ 12 лѣтъ Анна-Карлотта поступила въ Валлинскую женскую школу и затѣмъ всегда съ удовольствіемъ вспоминала объ этомъ періодѣ своей жизни.

Она съ отличіемъ прошла курсъ наукъ, который 25 лѣтъ тому назадъ въ женскихъ школахъ былъ далеко не обширенъ, и такъ какъ ей всегда недоставало сестры, то она теперь привязалась всѣмъ сердцемъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ товарокъ по ученію и на всю жизнь осталась вѣрна этой дружбѣ. На учителей она произвела сильное впечатлѣніе своими сочиненіями на шведскомъ языкѣ: одно изъ нихъ, написанное въ формѣ повѣсти, было прочтено громко въ классѣ. Ея радость по поводу этого отличія сильно омрачилась тѣмъ, что учитель предварительно высказалъ подозрѣніе, что ей помогалъ сочинять одинъ изъ ея старшихъ братьевъ; онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы она сама могла такъ хорошо излагать свои мысли. Даже многія изъ ея подругъ находили сначала въ высшей степени страннымъ, что Анна-Карлотта пишетъ повѣсти; онѣ никогда ни считали ее такою «даровитою», а только «ужасно умною».

Вмѣстѣ со своими любимыми подругами она издавала газету, играла ими самими сочиненныя пьесы и т. д. Одна изъ этихъ подругъ, описывая Анну-Карлотту въ школьный періодъ ея жизни, говоритъ, что она была всегда чрезвычайно точна въ исполненіи своихъ обязанностей и въ то же время очень весела. Она отъ души радовалась успѣхамъ своихъ подругъ, и никогда не гордилась, когда ей самой случалось отличиться. Въ ней не было и тѣни капризовъ, ничего искусственнаго, никакой наклонности

къ хитрости, къ интригамъ; она была всегда ровна, чистосердечна, смѣла, вѣрна въ дружбѣ и всегда въ хорошемъ расположенiи духа. И всѣ эти черты характера юной школьницы сохранились и тогда, когда Анна-Карлотта изъ ребенка превратилась въ взрослую женщину. Онѣ еще больше усиливались въ ней вслѣдствiе того, что, по ея собственному выраженiю, «она какъ бы ходила въ мужскую школу», такъ какъ принимала самое горячее участiе во всѣхъ играхъ и забавахъ своихъ братьевъ и въ ихъ научныхъ занятiяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ она продолжала писать, и уже въ 15—17-лѣтнемъ возрастѣ погрузилась въ сочиненiе обширнаго романа, въ которомъ излагала какъ свои воспоминанiя дѣтства, такъ и свои религiозныя впечатлѣнiя, которыя около этого времени были особенно сильны, благодаря тому, что она готовилась къ конфирмацiи подъ руководствомъ опытнаго преподавателя, пастора Ротлиба. По словамъ самой А. К. Леффлеръ, оба ея старшiе братья оказали громадное влiянiе на ея литературное развитiе. Они постоянно твердили ей о томъ, какъ мало знанiй давала ей школа и настаивали на необходимости самообразованiя, заставляя ее заниматься шведскимъ языкомъ, исторiею, литературою, развивая въ ней любовь къ этимъ занятiямъ. Постоянно критикуя ея произведенiя, они всѣми силами убѣждали ее не выпускать ихъ въ свѣтъ, пока они не получатъ болѣе зрѣлаго, законченнаго

вида, боясь, чтобы сестра не увлеклась дилеттантизмомъ, въ который впадаютъ такъ часто женщины-писательницы. Достигнуть желаемаго имъ было не трудно, потому что и сама молодая писательница съ самаго начала своей авторской дѣятельности относилась гораздо серьезнѣе къ своимъ литературнымъ занятіямъ, чѣмъ большинство молодыхъ писательницъ. Но въ то же время какъ братья, такъ и родители принимали живѣйшее участіе въ ея занятіяхъ и всячески поощряли ее въ этомъ. Въ доказательство того, какъ тепло отнеслись ея домашніе къ первому пробужденію поэтическаго дара у молодой дѣвушки, можно привесть слѣдующее: ея отецъ на свой счетъ издалъ ея первый анонимный сборникъ повѣстей, вышедшій въ 1869 г. подъ заглавіемъ: «Случайно» (Händelsevis). 550 экземпляровъ этого изданія всѣ разошлись, и какъ публика, такъ и критика поощряли молодого автора продолжать свою дѣятельность.

Но это продолженіе заставило себя ждать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вскорѣ началась болѣзнь отца, затянувшаяся очень долго, до самой его смерти, и около этого времени г. Эдгренъ, сынъ старинныхъ друзей ея матери, попросилъ двадцатилѣтнюю Анну-Карлотту сдѣлаться его женою. Какъ ея мать, такъ и она сама, находили, что ея судьба будетъ отдана въ хорошія руки и что въ новой обстановкѣ жизнь ея сложится гораздо счастливѣе, чѣмъ въ родитель-

скомъ домѣ, омраченномъ тяжкою болѣзнью отца. Время помолвки, впрочемъ, прошло далеко не спокойно. Она обусловила свое согласіе на бракъ сохраненіемъ за собою полной свободы продолжать литературную дѣятельность, въ которой она начинала видѣть свое призваніе. Увѣренная въ томъ, что, вступая въ бракъ, она приноситъ счастье искренно любящему ее человѣку, который остался преданнымъ ея другомъ во всѣхъ различныхъ перемѣнахъ ея жизни, Анна-Карлотта въ 1872 г. вступила въ свой новый домъ въ качествѣ жены начальника округа, г. Эдгрена.

Въ новой роли хозяйки дома она оставалась, по прежнему, вѣрною своему долгу женщиною, постоянно заботящейся о другихъ, но такъ какъ благосостояніе, царствовавшее въ ея новомъ домѣ, избавляло ее отъ занятій по хозяйству, то у нея оставалось много свободнаго времени, которое она посвящала своимъ литературнымъ занятіямъ, а также самообразованію, въ особенности въ шведскомъ языкѣ, исторіи и литературѣ. Благодаря общественному положенію своего мужа, ей открывалось обширное поле для наблюденій въ различныхъ кружкахъ общества, но она была всегда на сторожѣ, чтобы не поддаться той страсти къ общественнымъ развлеченіямъ, которая подчасъ охватываетъ умственныхъ дѣятелей Стокгольма и дѣлаетъ ихъ неспособными къ умственной работѣ. Она обладала рѣдкою спо-

собностью сосредоточивать свои мысли на работѣ, при полномъ отсутствіи какого бы то ни было эгоизма или педантства, и это придавало ея художественному дарованію особенную этическую силу. Когда случалось кому-нибудь выражать при ней удивленіе зрѣлости ея первыхъ произведеній по сравненію съ произведеніями нѣкоторыхъ изъ ея современниковъ, она говорила: «Вспомните, при какихъ счастливыхъ обстоятельствахъ мнѣ приходилось писать. Не было экономической необходимости, которая могла бы заставить меня работать сверхъ силъ, ускореннымъ образомъ, какъ работаютъ многіе молодые писатели» и, прибавляла она съ глубокою грустью въ голосѣ: «у меня нѣтъ и маленькихъ ножекъ, которыя прыгаютъ въ кабинетахъ другихъ писательницъ и нарушаютъ тишину. Если бы я не дѣлала все для меня возможное, я считала бы, что поступаю просто безнравственно».

Въ высшей степени оригинально то, что Анна-Карлотта Леффлеръ свои первыя, наиболѣе выдающіяся произведенія написала для театра. До выхода замужъ ея религіозныя убѣжденія заставляли ее съ предубѣжденіемъ относиться къ театру и она ни разу не соглашалась пользоваться тѣми рѣдкими случаями, когда ей представлялась возможность побывать на какомъ-либо спектаклѣ. По выходѣ замужъ, она толь-

ко два раза посѣтила театръ, прежде чѣмъ написала драму «Skades pelerskan» (Актриса), въ которой вниманіе сосредоточивается главнымъ образомъ на фигурѣ даровитой актрисы Эстеръ Ларсенъ, обрисованной яркими, смѣлыми чертами. Зимою 1873 г. въ различныхъ кружкахъ общества раздавались самые оживленные споры относительно личности автора этого выдающагося произведенія, возбудившаго въ такой сильной степени вниманіе общества. Указывали то на того, то на другого изъ извѣстныхъ уже писателей и писательницъ. Никому не приходило въ голову, что авторъ драмы — молодая женщина, впервые выступившая на театральную арену. Драма «Pastors adjunkten» (Викарій) и комедія «Unden Toffeln» (Подъ башмакомъ), вышедшія въ 1876 г. возбудили также большой интересъ, который еще болѣе усилился послѣ изданія Elfvan (Бѣсенка) въ 1880 г. Какъ въ послѣдней драмѣ такъ и въ «Актрисѣ» мы находимъ черты изъ внутренней жизни самой писательницы, но даже въ томъ тѣсномъ кружкѣ, гдѣ знали о ея литературной дѣятельности, никто не предполагалъ, что она уже начала безсознательно заглядывать въ свою душу, ощущать въ себѣ тѣ силы, которыя лишь удивительно медленно пробуждались въ ней, такъ что она, напр., рѣзко порицала поведеніе Норы въ одновременно съ этимъ вышедшей драмѣ Генрика Ибсена: «Dukkehjem» (Нора или Кукольный домъ), и говорила: «Ка-

кимъ образомъ бракъ могъ представлять для Норы препятствіе къ развитію?»

Въ первые годы литературной дѣятельности ей не приходилось испытывать ни сильной борьбы, ни крупныхъ столкновеній. Она сама говорила однажды, что ея религіозныя воззрѣнія составляли продуктъ весьма медленныхъ измѣненій; то же можно сказать и относительно измѣненій въ ея чувствахъ. Работая усердно для театра, она въ то же время писала анонимно въ «Ny Sll. Tidning» разнаго рода мелкія повѣсти и разсказы, описывала впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ своихъ заграничныхъ путешествій, изъ своихъ посѣщеній театровъ и т. д. Многіе начинали догадываться, что г-жа Эдгренъ занимается литературою; тѣмъ не менѣе всѣ чрезвычайно удивились, когда она, поддерживаемая своимъ старшимъ братомъ, который послѣ многолѣтняго пребыванія заграницею, поселился, наконецъ, въ Стокгольмѣ, рѣшилась въ 1882 г. выступить подъ собственнымъ именемъ съ сборникомъ повѣстей, озаглавленнымъ «Ur Sifvet» (Изъ жизни). Шведская литература обрѣла сразу новую и оригинальую писательницу. Она не утомила публику наблюденіемъ за своими первыми неувѣренными шагами на литературномъ поприщѣ; она сразу выступила вполнѣ законченнымъ, увѣреннымъ въ себѣ художникомъ. Успѣхъ ея перваго произведенія, подписаннаго ея собственнымъ именемъ, былъ поразителенъ и безспоренъ. Первый ея сбор-

никъ изобилуетъ яркими, бросающимися въ глаза сюжетами — измѣна отчизнѣ въ «Döma» (Осужденный), описаніе «красавицы изъ большого свѣта» и разоблаченіе пустоты и безнравственности свѣтской жизни въ «Bali Societeten» (Балъ въ обществѣ), религіозныя сомнѣнія и религіозный фанатизмъ въ «Tvifvel» (Сомнѣніе) и т. д.—всѣ эти громкіе сюжеты составляли наслѣдіе прошлаго времени. Но въ то же время въ этихъ повѣстяхъ замѣчается необыкновенно вѣрное изображеніе дѣйствительности, реализмъ, соотвѣтствовавшій вполнѣ требованіямъ молодой школы, отвергающей все неестественное, вычурное. Читатель увидѣлъ въ авторѣ современнаго, мыслящаго и чувствующаго человѣка, въ которомъ не замѣчалось ни стремленія къ борьбѣ, ни какого-либо духа партій; напротивъ того, во всѣхъ его картинахъ изъ жизни, нарисованныхъ съ необыкновеннымъ чувствомъ и силою, выказывалось чрезвычайно тонкое пониманіе всѣхъ жизненныхъ отношеній и безпристрастное изображеніе ихъ.

Успѣхъ перваго сборника ясно доказывается тѣмъ, что книга въ самомъ скоромъ времени выдержала еще два новыхъ изданія,—фактъ, весьма рѣдкій въ Швеціи. Между тѣмъ въ письменномъ столѣ писательницы хранилось еще нѣсколько повѣстей, которыя казались ей слишкомъ «опасными», чтобы впервые выступить съ ними. Именно такою опасною казалась ей одна повѣсть, въ которой съ необыкновенною

яркостью и силою описывалась королева бала, вся жизнь которой была сосредоточена на культѣ собственной красоты. Эта дѣвушка, дышущая чисто животнымъ здоровьемъ, опьяненная весенней жизнью пробуждающейся природы, встрѣчается во время своего пребыванія въ деревнѣ съ человѣкомъ изъ народа, который кажется для нея воплощеніемъ естественныхъ силъ природы. Она слѣдуетъ слѣпо своему влеченію; ея душѣ, полной самообожанія, чужда любовь, чужда стыдливость, и вся испорченность свѣтской жизни выказывается въ полной силѣ, когда она, чтобы избѣжать послѣдствій своего поступка, выходитъ замужъ за человѣка, котораго сама глубоко презираетъ, и дѣлаетъ, такъ называемую, приличную партію.

А. К. Леффлеръ, написавшая первый набросокъ своего произведенія въ самой короткой, сжатой формѣ, весьма яркими и сильными красками очертила въ этомъ наброскѣ Аврору Бунге; затѣмъ, при обработкѣ, она значительно ослабила какъ этическое, такъ и эстетическое значеніе своего произведенія введеніемъ въ него романтической фигуры смотрителя маяка.

Въ другой повѣсти, «Bröllop» (Свадьба), писательница хотѣла сначала выразить гораздо больше, чѣмъ выразила въ дѣйствительности, придать болѣе глубокій смыслъ содержанію—выходу замужъ невинной и наивной дѣвушки, не имѣющей ни малѣйшаго

понятія о дѣйствительной жизни, воспитанной теткой, старой дѣвой, и отцомъ пасторомъ, но затѣмъ г-жа Леффлеръ отступила отъ первоначальнаго плана, опасаясь, чтобы его не нашли слишкомъ смѣлымъ, если она вполнѣ разработаетъ его. Хотя она сама впослѣдствіи говорила, что много погрѣшила противъ своей совѣсти художника ради удовлетворенія условнымъ пріемамъ и формамъ, тѣмъ не менѣе выходъ въ свѣтъ второй части «Изъ жизни» вызвалъ жестокія нападки. Въ этомъ сборникѣ находилась, между прочимъ, и довольно большая повѣсть «Въ борьбѣ съ обществомъ», а въ ней развѣ писательница не осуждала жену, покидающую мужа и дѣтей? Но для критики недостаточно было того, что Арла сдѣлалась несчастною, — критика никакъ не могла примириться съ объективнымъ изображеніемъ такого, по ея мнѣнію, вопіющаго факта, равно какъ и съ якобы безнравственнымъ направленіемъ Авроры Бунге, которое, по словамъ критиковъ, ясно бросалось въ глаза.

Всѣ эти нападки и недоразумѣнія причинили писательницѣ не мало огорченій. Тѣмъ не менѣе вотъ что она писала лѣтомъ 1883 г.:

«...Конечно, тяжело—въ особенности намъ, слабымъ женщинамъ—знать, что такое множество уважаемыхъ людей смотрятъ на тебя, какъ на проповѣдника разнаго рода злоученій и безнравственности, но если имѣешь хоть нѣсколькихъ друзей,

у которыхъ можно найти поддержку противъ того, что является въ этомъ случаѣ самымъ худшимъ, противъ внутренняго сомнѣнія, то жить еще можно».

Изъ новыхъ друзей, привлеченныхъ къ ней ея произведеніями, самыми преданными ей были Іоанна Луиза Гейбергъ и Магдалина Торезенъ. Слушая толки и горячіе споры о безнравственности послѣднихъ сочиненій А. К. Леффлеръ, г-жа Гейбергъ часто выражала свое глубокое удивленіе по поводу невѣроятной щепетильности, царившей въ Швеціи, гдѣ, повидимому, не читаютъ совсѣмъ выдающихся произведеній современной литературы, потому что тотъ, кто называетъ повѣсти А. К. Леффлеръ безнравственными, обнаруживаетъ поразительное невѣжество, не имѣя, очевидно, никакого понятія о свободѣ и смѣлости, съ какою современные великіе писатели изображаютъ дѣйствительность.

Это невѣжество, къ сожалѣнію, не совсѣмъ еще побѣждено. И въ настоящее время, говоря о работахъ А. К. Леффлеръ и другихъ родственныхъ ей писателей, приходится спорить, руководствуясь извѣстнымъ изреченіемъ Теньера: Все, что естественно—оригинально, смѣло и свободно.

Вслѣдъ за изданіемъ новыхъ выпусковъ «Изъ жизни» г-жа Леффлеръ пріобрѣла себѣ громадную популярность во всѣхъ литературныхъ кружкахъ Скандинавіи, и ея имя получило вскорѣ европейскую извѣстность. Но какъ ни былъ великъ успѣхъ, кото-

рымъ она пользовалась, онъ не могъ составить достаточнаго противовѣса для глубокаго огорченія, испытываемаго ею вслѣдствіе того, что всѣ эти нападки и злостные намеки задѣвали за живое и непріятно поражали одно изъ близко стоящихъ къ ней лицъ. Она жила въ постоянной борьбѣ между требованіями своей совѣсти, какъ писательницы, и чувствомъ деликатности, заставлявшимъ ее бояться огорчить любящаго ее человѣка. Сама она была совершенно равнодушна къ производимымъ на нее нападеніямъ и къ рѣзкости критики, но въ то же время выказывала самую живую благодарность за всякій знакъ вниманія и сочувствія къ ея дѣятельности. Смѣло выступая впередъ, она чувствовала себя правою и сознаніе собственной нравственной чистоты придавало ей мужество и заставляло безбоязненно приниматься за обработку такихъ сюжетовъ, которые женщины вообще стараются обойти, и почему ихъ произведенія могутъ быть, большею частью, отнесены къ области такъ-называемой «юношеской литературы». Она же, напротивъ того, никогда не признавала преградъ, которыя воздвигаются не требованіями искусства, а требованіями условныхъ приличій. Не легко сохранять непоколебимымъ такое мужество и проявлять его послѣдовательно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, потому что этимъ дается часто поводъ къ ложнымъ толкованіямъ, особенно щекотливымъ для женщины и доставлявшимъ не мало непріятностей и

А. К. Леффлеръ. Вслѣдствіе этого она съ самаго начала своей дѣятельности часто грѣшила противъ той центральной силы, той страсти, чистой, наивной, цѣльной, безъ которой не можетъ быть истиннаго поэта: любви къ истинѣ въ описаніяхъ жизни и тѣхъ представленій, которыя она оставляетъ въ сердцѣ автора. Эта любовь къ правдѣ вступала у нея въ постоянную борьбу съ другими чувствами и соображеніями, и ея ненависть къ условному и общепринятому объясняется въ значительной степени ея личнымъ жизненнымъ опытомъ, сознаніемъ того, какъ часто ей самой, по слабости ея характера, приходилось поступаться своими мыслями и желаніями для удовлетворенія условныхъ требованій приличія. Ея реакція противъ условнаго, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, выражалась нерѣдко въ разныхъ несущественныхъ подробностяхъ, какъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Лѣтней идилліи»; здѣсь она нарушала иногда требованія вкуса, смѣшивая ихъ съ требованіями условныхъ приличій, съ которыми ей весьма часто приходилось считаться.

Но по мѣрѣ того, какъ расло въ ней сознаніе стѣсненія, которому ея любовь къ правдѣ подвергается благодаря частнымъ обстоятельствамъ ея жизни, усиливалось въ ней и сознаніе своего одиночества, которое мало-по-малу привело къ окончательному перевороту въ ея жизни.

При ея веселомъ, добромъ характерѣ, ей удава-

лось долгое время относиться съ юмористическимъ добродушіемъ къ той средѣ, которую она не въ силахъ была пересоздать. Еслибы А. К. Леффлеръ не жила въ наше время, время великихъ и животрепещущихъ вопросовъ, еслибы въ ней была менѣе сильно развита идеалистическая потребность пересоздавать жизнь, разнообразныя задачи которой такъ ясно представлялись ей, она навѣрное сдѣлалась бы тѣмъ въ прозѣ, чѣмъ была г-жа Леннгренъ въ поэзіи. Не только во внѣшнемъ типѣ лишь, но и въ характерѣ ея ума, въ ея ходѣ развитія и въ обстоятельствахъ болѣе ранняго періода ея жизни существуетъ чрезвычайно много сходства между г-жею Леффлеръ и этою писательницею. Но А. К. Леффлеръ принадлежала къ поколѣнію, которое хотѣло дѣйствовать, даже въ области творчества, и не довольствовалось тѣмъ, чтобы спокойно созерцать жизнь. Когда же ей случалось иногда только созерцать, она, какъ художникъ, обнаруживала необыкновенное искусство. Въ такую-то именно минуту она сквозь смѣхъ и слезы создала перлъ въ нашей литературѣ: очеркъ «Густенъ получитъ пасторатъ». Софья Ковалевская говорила однажды объ этой юмористической повѣсти, что она несравненно больше трогаетъ ее, чѣмъ какая-либо драма, потому что въ ней изображенъ весь трагическій смыслъ нашей жизни: мы всѣ живемъ иллюзіями, умираемъ отъ иллюзій и только тогда можемъ назвать себя счастливыми,

если и умираемъ съ иллюзіями, какъ мать Густена.

«Я вовсе не думала создавать что-нибудь глубокомысленное, когда писала эту повѣсть», возразила на это Анна-Карлотта. «Я хотѣла просто изобразить судьбу такого рода людей».—«Но это именно и есть судьба всѣхъ насъ», вскричала Софья. Поэтъ по вдохновенію даетъ всегда гораздо больше того, чѣмъ онъ предполагаетъ дать. Затѣмъ на сцену появляется глупый критикъ и указываетъ на философскія или соціалистическія тенденціи автора, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ вся суть въ томъ, что поэтъ заставляетъ другихъ философствовать и морализировать, благодаря своему художественному воспроизведенію дѣйствительности.» Это замѣчаніе мѣтко характеризуетъ и многихъ критиковавшихъ А. К. Леффлеръ; впрочемъ, строгій судъ критики не коснулся упомянутой повѣсти, которая встрѣтила со всѣхъ сторонъ самое безусловное одобреніе. Но страсть писательницы разсуждать самой о герояхъ своихъ произведеній значительно способствовала образованію совершенно невѣрнаго представленія о ея творчествѣ: говорили, что ея исходною точкою зрѣнія является тенденція, воплощеніе какой-либо нравственной или соціальной идеи, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она никогда не желала доказывать что-либо своими произведеніями, а хотѣла просто описывать то, что видѣла и слышала. Но картины

изъ жизни должны были отражать ея время, а въ это именно время подымалось и обсуждалось много новыхъ вопросовъ, и новыя идеи приводили нерѣдко и къ разнымъ жизненнымъ столкновеніямъ. Г-жа Леффлеръ рѣдко писала для возбужденія какихъ-либо вопросовъ, но такъ какъ эти вопросы были уже возбуждены, то они упоминались и въ ея повѣстяхъ и играли въ нихъ роль: они обсуждались въ разговорахъ ея дѣйствующихъ лицъ, потому что вокругъ нея велись разговоры такого же именно содержанія. Это можно сказать и относительно повѣсти «Въ борьбѣ съ обществомъ», относительно драмы «Sanna Kvinnor» (Истинныя женщины), гдѣ и выводятся два типа женщинъ: однѣ, покорно сносящія все отъ своихъ повелителей-мужей, ихъ измѣну, ихъ расточительность, забывающія при этомъ о своихъ собственныхъ интересахъ и даже объ интересахъ своихъ дѣтей,—другія женщины-работницы, сознающія свое достоинство, свои человѣческія права, и во имя ихъ вступающія въ борьбу съ вѣковыми предразсудками, порабощающими женщину. Когда эта драма появилась въ свѣтъ въ 1883 г. (вмѣстѣ съ «Rädande Angel» (Спасающій ангелъ), въ ней сначала увидѣли только брошюру въ діалогахъ, трактующую объ имущественныхъ и нравственныхъ правахъ женщины; только тогда, когда даровитый актеръ Гильбергъ сыгралъ на сценѣ роль главнаго дѣйствующаго лица, Понтуса Барка, когда онъ своею игрою оживилъ и

одухотворилъ ее, — глубокая правда, которою дышетъ это произведеніе, была почувствована всею публикою. А эту правду А. К. Леффлеръ похитила у самой жизни: ей самой приходилось въ это время съ глубокою печалью въ сердцѣ слѣдить за такою же драмою и борьбою въ домѣ одной изъ любимыхъ своихъ пріятельницъ. И хотя въ дѣйствительности драма «Истинныя женщины» гораздо сильнѣе способствовала разрѣшенію вопроса объ имущественныхъ правахъ замужнихъ женщинъ, чѣмъ многіе митинги, благодаря тому, что она заставила задуматься надъ этимъ вопросомъ большинство, равнодушно относившееся къ обыкновенной агитаціи, тѣмъ не менѣе, не это было цѣлью драмы, — это было только однимъ изъ ея послѣдствій. Но, конечно, критика не была бы введена въ заблужденіе, не перепутала бы причины и слѣдствія, еслибы дѣйствующія лица пьесы не трактовали такъ много объ имущественныхъ правахъ женщинъ.

Когда затѣмъ комедію «Der Kärleken» (Любовь) сочли отступленіемъ отъ взглядовъ, высказанныхъ г-жею Леффлеръ въ «Истинныхъ женщинахъ», писательницу судили опять на основаніи вымышленной программы, которой у нея никогда не было и которая вообще казалась ей всегда ненавистною. Въ этой комедіи молодая дѣвушка, увлекавшаяся новыми идеями о равноправности женщинъ съ мужчинами въ вопросѣ о нравственности, мечтавшая о полной

самостоятельности и обособленности жизни замужней женщины, выходитъ замужъ по любви, и въ силу этой любви дѣлаетъ массу компромиссовъ, возбуждающихъ глубокое негодованіе въ ея пріятельницахъ, еще не успѣвшихъ достаточно познакомиться съ жизнью. Писательница ничего особеннаго не думала доказывать этою пьесою: она хотѣла просто въ шутливой формѣ показать, какъ часто излюбленныя теоріи молодежи, которыя она, совершенно незнакомая съ жизнью, высказываетъ съ такою самоувѣренностью, разбиваются въ прахъ при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью.

Непониманіе публики было на этотъ разъ совершенно извинительно, потому что въ упомянутой комедіи слишкомъ много серьезнаго, чтобы принимать ее за шутку, и слишкомъ много шутливаго, чтобы видѣть въ ней что-нибудь дѣйствительно серьезное. Кромѣ того, А. К. Леффлеръ недоставало театральной техники, которая вырабатывается только у такихъ писателей, которые, такъ сказать, живутъ на сценѣ, въ театрѣ; вслѣдствіе этого ей не всегда удавалось достигнуть желаемыхъ сценическихъ эффектовъ какъ въ трагическомъ, такъ и въ комическомъ направленіи. Но въ то же время она страстно любила драматическое творчество; эта страсть возникла у нея, по всей вѣроятности, благодаря ея первымъ успѣхамъ на драматическомъ поприщѣ, и хотя она во всѣхъ другихъ случаяхъ всегда довѣрчиво

относилась къ критикѣ и прислушивалась къ ея голосу, но въ этомъ вопросѣ она ни за что не хотѣла согласиться съ мнѣніемъ друзей, убѣждавшихъ ее заняться исключительно беллетристикою, такъ какъ у нея гораздо больше способности къ эпическому творчеству, чѣмъ къ драматическому. Она отрицательно качала своею курчавою головою и упорно стояла на своемъ. Зато она вполнѣ ясно сознавала въ себѣ недостатокъ лирическихъ способностей. Музыкальное чувство было у нея совершенно неразвито, да она и не заботилась о его развитіи, между тѣмъ какъ способность понимать лирическую поэзію развилась въ ней лишь мало-по-малу, хотя, впрочемъ, сильное дѣйствіе оказывали на нее только эпически-лирическія произведенія, такъ, напр., она съ наслажденіемъ читала саги Фритіофа; если же чистая лирика и возбуждала иногда ея восторгъ, то только своими художественными, такъ сказать живописными красотами, а не музыкальными. Какъ и многіе другіе наши сѣверные писатели, она по временамъ со страстью занималась живописью, какъ диллетантъ, и когда кто-либо выражалъ по поводу этого удивленіе и спрашивалъ, хорошо ли она дѣлаетъ, разбрасывая такимъ образомъ свои силы, она отвѣчала, что это, напротивъ того, помогаетъ ей развивать и концентрировать способность видѣть, которую художникъ слова долженъ развивать въ себѣ въ такой же мѣрѣ, какъ и художникъ красокъ.

Вообще способность видѣть, наблюдать, воспринимать составляла характеристическую особенность литературнаго дарованія Анны-Карлотты Леффлеръ. Помощью ея творчество этой писательницы получило тотъ истинно національный колоритъ, который доставилъ ей европейскую извѣстность, потому что ея картины «Изъ жизни» возбудили всеобщее удивленіе и симпатію не богатствомъ идей, не смѣлостью фантазіи, а вѣрнымъ изображеніемъ шведскаго дома и общественной жизни ея времени. Благодаря этому, произведенія А. К. Леффлеръ не утратятъ никогда своего значенія въ нашей беллетристикѣ. Когда мы перечитываемъ ихъ, моралистическія тенденціи, бросавшіяся намъ въ глаза при первомъ чтеніи, отступаютъ на задній планъ, и мы поражаемся художественностью изложенія автора. Въ простомъ, ясномъ искреннемъ изображеніи дѣйствительности, въ самомъ слогѣ, которымъ написаны ея повѣсти, отражается личность самой А. К. Леффлеръ, всегда честная, всегда правдивая, безъ признака аффектаціи. Такою же естественною и сдержанною, какою она была въ жизни, является она и въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, и если того же нельзя сказать относительно ея драматическихъ произведеній, то это обусловливается не тѣмъ, что она менѣе честно относилась къ дѣлу въ этой области, а тѣмъ, что она не въ состояніи была выразить въ этой формѣ произведеній свою личность. Если ея послѣдніе ро-

маны отличались менѣе художественнымъ совершенствомъ, то это произошло не потому, что она перестала быть вѣрною себѣ, а потому, что эти работы появились при самыхъ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, когда она утратила равновѣсіе, необходимое для спокойнаго творчества. Только тогда, когда она сама во всѣхъ отношеніяхъ достигла широкаго развитія, полной внѣшней и внутренней гармоніи, долженъ былъ достигнуть апогея своего развитія и ея талантъ. Но это развитіе было неожиданно прервано смертью.

Одною изъ важнѣйшихъ причинъ, заставившихъ А. К. Леффлеръ выступить подъ собственнымъ именемъ, было желаніе доставить себѣ кругъ знакомства, болѣе подходящій для нея, болѣе удовлетворяющій ея умственные интересы, — желаніе сблизиться съ своими единомышленниками въ литературѣ. Когда писательница сдѣлалась извѣстною за предѣлами своего кружка, она получила возможность собирать въ своемъ домѣ и другихъ представителей литературы. Кружокъ, мало-по-малу сосредоточившійся вокругъ нея и собиравшійся въ ея домѣ, рѣшилъ собираться и у другихъ писателей, у г-жъ Керфштедтъ, Агрель, Ланге и др. Ему было дано шутливое прозваніе «кружка голодающихъ», потому что члены его согласились соблюдать самую

строгую простоту относительно угощенія гостей. Когда «кружокъ голодающихъ» черезъ нѣсколько лѣтъ разсѣялся, домъ Эдгреновъ продолжалъ служить сборнымъ пунктомъ для многихъ литературныхъ дѣятелей Стокгольма, которымъ случалось весьма часто встрѣчаться здѣсь и съ нѣкоторыми выдающимися писателями сосѣднихъ странъ во время ихъ посѣщеній шведской столицы.

Всѣ чувствовали себя необыкновенно просто, хорошо и уютно въ обществѣ, хозяйкою котораго была А. К. Леффлеръ. Она никогда не обнаруживала желанія позировать, выступать впередъ, играть роль; напротивъ того, она обладала тою привлекательною особенностью, которую Софья Ковалевская описала у Джорджъ Элліотъ: она умѣла сдѣлать интересными и другихъ, наводя разговоръ на темы, занимавшія въ данное время ея гостей, и выслушивая ихъ рѣчи съ живымъ интересомъ, возбуждающимъ образомъ дѣйствовавшимъ на ея собесѣдниковъ. Она не употребляла никакихъ усилій, чтобы заставить послѣднихъ выказывать свои познанія или свое остроуміе; все это дѣлалось само собою: всѣ, вступавшіе въ разговоръ съ нею, становились прежде всего естественными, потому что и она сама была въ высшей степени естественна. Ея обращеніе было проникнуто спокойнымъ достоинствомъ; выраженіе ея лица, нѣсколько суровое, когда она молчала, дѣлалось веселымъ и пріятнымъ, какъ только она го-

ворила или улыбалась. Тотъ, кто зналъ ее ближе, часто замѣчалъ по румянцу, сгустившемуся на ея свѣжемъ лицѣ, по вибраціи ея чистаго, мягкаго голоса—ея рѣчь получала особый оригинальный оттѣнокъ благодаря легкому шепелянію—что она застѣнчива, не смотря на свой свѣтскій лоскъ. Она долго колебалась, прежде чѣмъ рѣшалась высказать какое-либо сужденіе, никогда не любила положительнымъ тономъ формулировать своихъ взглядовъ и избѣгала всего, что имѣло сходство съ педантствомъ или партійностью. Иные, говоря о А. К. Леффлеръ, описывали ее въ видѣ какой-то валькиріи, смѣло идущей впередъ въ рядахъ воинствующей «молодой Швеціи», но такая точка зрѣнія можетъ объясняться только полнымъ незнакомствомъ какъ съ нею, такъ и съ «молодою Швеціею». Благодаря своимъ взглядамъ и особенностямъ своего литературнаго дарованія, она дѣйствительно сразу стала въ ряды представителей молодой беллетристики, но, во-первыхъ, послѣдняя никогда не образовывала особой партіи, а представляла лишь совокупность людей, имѣвшихъ нѣкоторыя общія идеи и симпатіи; во вторыхъ, и А. К. Леффлеръ никогда не согласилась бы пожертвовать своею свободою ради принадлежности къ партіи. Она всегда крѣпко держалась за свою самостоятельность, всегда съ живѣйшею симпатіею относилась къ своимъ консервативнымъ друзьямъ и выказывала уваженіе къ ихъ взглядамъ. Вслѣдствіе

этого многіе воображали, что г-жа Леффлеръ, для обезпеченія себѣ успѣха, старается пріобрѣтать друзей въ обоихъ лагеряхъ; но такого рода разсчеты были совершенно чужды ея характеру. Она не искала новыхъ связей среди лицъ консервативнаго лагеря, но она оставалась вѣрна своимъ старымъ друзьямъ, даже если они были непріятны новымъ. Она обладала такимъ широкимъ человѣческимъ пониманіемъ, такъ глубоко умѣла проникать въ душу окружавшихъ ее людей, что мнѣнія даннаго лица не оказывали никогда рѣшительнаго вліянія на ея симпатіи къ нему. Вообще она очень тепло и симпатично относилась къ своимъ товарищамъ писателямъ. Она, напр., первая искала сближенія съ Афгильдою Агрель и Викторіею Бенедиктсенъ, и когда драмы одной и повѣсти другой стали вскорѣ восхвалять на ея счетъ, она самымъ сердечнымъ образомъ радовалась ихъ успѣху. «Въ литературѣ», говорила она, «законъ конкурренціи не имѣетъ, къ счастью, никакой силы. Чѣмъ больше хорошаго производитъ кто-либо, тѣмъ больше очищаетъ онъ путь для другого и лучшаго». Чуждая зависти, она въ то же время никогда не занималась интригами, ни въ свою пользу, ни въ пользу другихъ, и никогда не выказывала ни властолюбія, ни подозрительности. При своемъ честномъ, прямодушномъ характерѣ, она часто грѣшила слишкомъ большою откровенностью, но никогда не отступала отъ истины. Тотъ,

кто узнавалъ ее ближе, поражался прежде всего ея добротою: никогда никто не слышалъ, чтобы она насмѣхалась надъ кѣмъ-нибудь, чтобы она произносила рѣзкое сужденіе о комъ-либо; единственное, что она говорила, когда то или иное лицо или дѣйствіе ей не нравилось, это «оно мнѣ не симпатично», «условно» или «банально»,—да и то въ крайне рѣдкихъ случаяхъ.

Гдѣ бы ни появлялась А. К. Леффлеръ, ея наружность обращала на себя общее вниманіе, но она не была такою блестящею собесѣдницею въ обществѣ, какъ, напр., Софья Ковалевская. Когда обѣ подруги бывали гдѣ-нибудь на вечерѣ, возлѣ Софьи образовывался почти всегда кружокъ слушателей, между тѣмъ какъ Анна-Карлотта, напротивъ того, сама любила играть роль слушательницы въ томъ кружкѣ, который собирался вокругъ нея. Ея разговоръ не блисталъ ни особенною оригинальностью мысли, ни остроумными выходками, но отличался богатствомъ содержанія. Когда она разсказывала что-либо, анализировала какую-нибудь психологическую задачу, излагала содержаніе какой-либо книги, всегда получалась дѣйствительная характеристика даннаго лица или положенія, характеристика, изложенная яснымъ и опредѣленнымъ образомъ; она, такъ сказать, отдѣляла глыбу мрамора и въ натуральномъ видѣ подносила ее своимъ слушателямъ. Когда же эта самая мраморная глыба попадала въ руки Софьи, она,

Микель Анджело разговора, съ бурною энергіею набрасывалась на нее, и вскорѣ тамъ, гдѣ былъ только матеріалъ, показывались контуры фигуры. Все *происходило* всегда такъ, какъ разсказывала А. К. Леффлеръ, все могло происходить *такъ*, какъ разсказывала Софья, и тогда все было бы гораздо интереснѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. За недостаткомъ матеріала, Софья на свой ладъ обрабатывала то, что имѣла подъ рукою. Такъ, напр., она однажды прочитала гдѣ-то, что еслибы человѣкъ, соотвѣтственно своему объему, обладалъ такою же способностью прыгать, какъ нѣкоторыя насѣкомыя, онъ въ состояніи былъ бы однимъ прыжкомъ перенестись на луну. И вотъ она начала со всею силою своего краснорѣчія, на основаніи астрономическихъ, физическихъ и механическихъ данныхъ доказывать, что задача будущаго воспитанія и культуры, которой она, между прочимъ, желаетъ посвятить себя, заключается въ томъ, чтобы развить въ людяхъ способность сказать, дать имъ такимъ образомъ возможность перепрыгнуть на другую планету, когда окажется невозможнымъ жить больше на землѣ: помощью этого прыжка люди спасутъ и себя, и воспоминаніе о культурѣ, достигшей такого высокаго развитія на нашей землѣ. И эту шутку она развивала съ такою серьезною миною, что комическое впечатлѣніе дѣлалось неотразимымъ. Во время разговора нерѣдко случалось, что Анна-Карлотта выражала ту или иную мысль, которую

Софья затѣмъ подхватывала. Такимъ образомъ первая привела однажды слѣдующую цитату изъ одного датскаго автора: «нужна геніальность для того, чтобы любить»—выраженіе, которое нѣкоторые изъ присутствовавшихъ молодыхъ поэтовъ никакъ не хотѣли понять въ настоящемъ его смыслѣ, а толковали такимъ образомъ, что «только геніи могутъ любить». Долго Софья старалась выяснить настоящую мысль, но тщетно. И вотъ, по уходѣ этихъ господъ, она воскликнула: «Нѣтъ, право невѣроятно, до какой степени могутъ быть глупы даже самые даровитые люди, когда дѣло идетъ о любви! Вотъ эти милые молодые люди разсуждаютъ и пишутъ книги по этому вопросу, а не понимаютъ, что нѣкоторые люди обладаютъ геніемъ въ любви, подобно тому, какъ другіе обладаютъ геніемъ въ музыкѣ или механикѣ, и что для этихъ геніевъ любви любовь обращается въ жизненное дѣло, между тѣмъ какъ для всѣхъ остальныхъ она является только однимъ изъ эпизодовъ жизни. И обыкновенно бываетъ такъ—по теоріи Дарвина оно совершенно естественно—,что геній любви влюбляется въ идіота любви; это именно и составляетъ одну изъ самыхъ запутанныхъ задачъ жизни, а наши юноши даже не замѣтили этого. Но если существуетъ область, въ которой самая глупая женщина умнѣе самаго умнаго мужчины, такъ это область любви. Когда мнѣ было шесть лѣтъ и я полюбила первою любовью студента, посѣщавшаго нашъ домъ,

полюбила его сильною, молчаливою любовью, о которой разсказывала только каменному льву, украшавшему садъ моего дѣдушки, то я тогда уже больше смыслила въ этомъ вопросѣ, чѣмъ эти молодые люди».

А. К. Леффлеръ, улыбаясь, молча слушала потокъ краснорѣчія, который еще долго звучалъ, пока, наконецъ, не обрушился всею силою на нее, на «коварную Анну-Карлотту», которая бросила перчатку, а затѣмъ скрылась, предоставивъ Софьѣ самой выпутываться изъ бѣды. Дѣло было въ томъ, что Анна-Карлотта, какъ и многіе другіе, не любила прерывать Софьи, когда послѣдняя приходила въ азартъ; столько было глубокомыслія, блестящаго остроумія, юмора, лиризма, образности и яркости въ ея рѣчи, что всѣ предпочитали слушать ее. А. К. Леффлеръ, при добродушіи, составлявшемъ одно изъ самыхъ привлекательныхъ въ ней качествъ, часто принимала за правду шутки Софьи,—что̀ придавало нерѣдко поводъ къ новымъ остротамъ и смѣху.

Софья находила большое удовольствіе въ томъ, чтобы, пользуясь свойственною ей психологическою проницательностью, воспроизводить въ своемъ воображеніи характеръ даннаго лица, представлять себѣ его дальнѣйшую судьбу на основаніи какого-нибудь его жеста, интонаціи его голоса и т. п. Ни одна изъ блестящихъ способностей Софьи не возбуждала въ такой сильной степени удивленія и вос-

хищенія А. К. Леффлеръ, какъ именно эта. Для уясненія того, что мы подразумѣваемъ подъ этою способностью Софьи, приведемъ слѣдующій фактъ. Однажды Софьѣ Ковалевской пришлось ѣхать въ вагонѣ съ одною дамою, много работающей теперь на пользу своей родины. Ковалевская вступила съ нею въ разговоръ и начала разспрашивать о ея планахъ. Когда дама изложила ихъ, Софья сказала: «Вы навѣрное будете имѣть успѣхъ. Въ жизни каждаго человѣка наступаетъ рѣшительный моментъ, когда вся дальнѣйшая судьба его зависитъ отъ того, пойдетъ-ли онъ по тому пути, по которому онъ долженъ идти, или нѣтъ. Кто пропускаетъ этотъ моментъ, тотъ губитъ всю свою дальнѣйшую жизнь. Вы принадлежите къ числу тѣхъ людей, которые умѣютъ выбирать себѣ настоящую дорогу». «Но какъ же вы можете знать все это обо мнѣ?» спросила удивленная дама. «Я видѣла, какъ вы на станціи разставались съ вашею матерью», отвѣтила Софья. «Вы смѣялись, прощаясь съ нею, а затѣмъ, когда поѣздъ тронулся, вы заплакали. Я сразу увидѣла, что у васъ есть и сердце, и мужество; а такого рода люди всегда съумѣютъ въ нужное время выбрать истинный путь».

Софья Ковалевская любила споръ изъ за спора; она часто сама создавала противъ себя возраженія, которыя затѣмъ побѣдоносно опровергала. А. К. Леффлеръ интересовалась гораздо больше содержа-

ніемъ разговора, чѣмъ споромъ, и когда ей приходилось отстаивать какую-нибудь мысль, она дѣлала это съ удивительнымъ спокойствіемъ, импонировавшимъ ея подругѣ, которая ничѣмъ такъ не восхищалась, какъ спокойствіемъ. Она часто говорила, что есть люди, которые однимъ присутствіемъ своимъ въ комнатѣ, гдѣ она находится, разливаютъ покой, водворяютъ гармонію въ ея внутреннемъ мірѣ, производя на нее впечатлѣніе «свѣжести и спокойствія мрамора или мягкости бархата». У Анны-Карлотты она находила не только спокойствіе темперамента, но и широту взглядовъ и мысли, чарующимъ образомъ дѣйствовавшую на нее. Любовь къ психологическимъ вопросамъ и ясность мысли были общія у этихъ женщинъ, дарованія которыхъ представляли во многихъ другихъ отношеніяхъ такое большое различіе. Софья больше всего любила музыку и лирику и часто мыслила образами; она обладала тѣмъ особымъ пониманіемъ природы, которое прежде всего ищетъ въ ней того, что наиболѣе соотвѣтствуетъ данному настроенію духа или воплощаетъ его; въ то же время она отличалась удивительною способностью передавать эти впечатлѣнія въ необыкновенно яркой, художественной и поэтической формѣ. Анна-Карлотта, напротивъ того, больше всего любила природу и затѣмъ воспроизводящія ее искусства: живопись и скульптуру. Она никогда не выражала своихъ мыслей въ образахъ, а всегда въ

отдѣльныхъ сентенціяхъ; но она очень восхищалась богатствомъ фантазіи и образовъ Софьи и ея лирическими способностями, какъ эта послѣдняя—умѣньемъ Анны-Карлотты излагать свои мысли въ простой и ясной формѣ.

Различіе въ характерахъ обѣихъ подругъ выражалось, между прочимъ, и въ такихъ мелочахъ, помощью которыхъ Софья любила иногда строить характеристику извѣстныхъ лицъ, придавая этимъ мелочамъ большое значеніе. Когда Софья, напр., здоровалась, она протягивала руку впередъ рѣзкимъ. быстрымъ движеніемъ, и ея тонкіе, нервные пальцы мигомъ ускользали изъ рукъ встрѣчнаго, точно крылышки пойманной птички. Въ этомъ рукопожатіи сказывалась нервная, впечатлительная натура, сказывался человѣкъ, дѣйствовавшій всегда подъ вліяніемъ импульса. Напротивъ того, въ манерѣ Анны-Карлотты двигать своими красивыми руками выражалась спокойная грація. Она какъ-то сдержанно протягивала свою изящную, бѣлую руку съ тонкими пальцами, но затѣмъ оставляла ее на нѣкоторое время въ рукѣ собесѣдника, спокойно отвѣчая на его пожатіе. Какъ въ мелочахъ, такъ и въ болѣе серьезныхъ вещахъ, она всегда производила впечатлѣніе цѣльной, уравновѣшенной, замкнутой личности. Она казалась несимпатичною нѣкоторымъ мужчинамъ, благодаря тому что была такъ смѣла, такъ самостоятельна; но стоило ближе познакомиться съ нею, и непріятное

*

чувство сейчасъ же уступало мѣсто самой горячей симпатіи, такъ что не одинъ человѣкъ сожалѣлъ о томъ, что слишкомъ поздно встрѣтился съ нею. Женщины восхищались въ ней серьезно работающею писательницею, отличавшейся такимъ мужскимъ безстрашіемъ и такою удивительною ясностью мыслей. Немногія же пріятельницы, сблизившіяся съ нею во время прогулокъ въ лѣсу или бесѣды въ ея красивомъ рабочемъ кабинетѣ,—гдѣ большой письменный столъ и наполненныя книгами этажерки свидѣтельствовали о серьезныхъ занятіяхъ его обитательницы, а мягкая мебель, изящные предметы искусствъ, растенія и другія украшенія придавали уютный характеръ всей обстановкѣ,—знали, что она прежде всего была не писательницею, не ученою, а настоящею женщиною, жизненныя задачи которой были еще далеко не разрѣшены.

Однажды, прогуливаясь пѣшкомъ по Лиліанскому лѣсу въ чудный морозный зимній день, Анна-Карлотта Леффлеръ начала восторженно говорить о красотѣ зимы, которую она ставила несравненно выше лѣта. Смотря на нее, какъ она стояла, выпрямивши во весь ростъ свою высокую, гибкую фигуру, дышащую здоровьемъ и силою, съ вьющимися, покрытыми слегка снѣжнымъ пушкомъ волосами, выбивающимися изъ подъ мѣховой шапки, съ высоко приподнятою головою, слегка отброшенною назадъ, съ полными, свѣжими, полуоткрытыми губами, вды-

хая полною грудью морозный воздухъ, съ глазами, сіяющими отъ восторга передъ красотою природы, пріятельница ея вскричала:

— Ты сама и твои произведенія — похожи на этотъ ясный, мягкій зимній день. Но, быть можетъ, явится любовь, которой ты такъ боишься, и заставитъ растаять снѣгъ.

— Весьма возможно,—отвѣтила она.—Никто не можетъ предвидѣть своей судьбы. Но одно я знаю: если я боюсь любви, то только потому, что стоитъ ей вторгнуться въ мою жизнь, — и она обратится во всевластную и, быть можетъ, всесокрушающую силу.

А. К. Леффлеръ случалось не разъ ѣздить на короткое время заграницу, но первое продолжительное путешествіе, совершенное съ научною цѣлью, предпринято ею очень поздно. Ее давно уже охватывало страстное желаніе познакомиться съ жизнью болѣе обширныхъ центровъ, представлявшей столько благопріятныхъ условій для многосторонняго развитія, и это желаніе достигло особенной силы вслѣдствіе постоянныхъ непріятностей, которыя она испытывала дома, благодаря необходимости обращать вниманіе на разныя мелочныя обстоятельства и условія, на банальные взгляды окружающей среды, къ которымъ она относилась всегда съ глубокимъ презрѣніемъ.

Софья Ковалевская, которая, такъ сказать, дышала европейскою культурною жизнью и постоянно упоминала о ней въ своихъ разговорахъ,—она осенью 1883 г. переселилась въ Стокгольмъ — возбудила еще въ большей степени любовь къ путешествіямъ у А. К. Леффлеръ и, наконецъ, послѣдняя въ началѣ 1884 г. отправилась съ Юліею Кельбергъ (теперешнею г-жею Вольмаръ) въ продолжительное путешествіе. Она посѣтила Данію, Германію, Англію и Парижъ. Благодаря своей репутаціи романистки и рекомендательнымъ письмамъ, даннымъ ей между прочимъ въ особенно большомъ количествѣ Софьею, обѣ пріятельницы получили возможность вращаться въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ общества, изучать на мѣстѣ разныя теченія мысли и знакомиться съ выдающимися людьми своего времени. Впечатлѣніе, произведенное на нее «современнымъ Лондономъ», А. К. Леффлеръ описала въ письмѣ, адресованномъ въ «Stockholm Dagblad», и затѣмъ, по возвращеніи на родину, она печатала въ разныхъ журналахъ свои дорожныя впечатлѣнія. Такимъ образомъ она впервые познакомила шведское общество съ Энни Безантъ, пользующеюся теперь такою извѣстностью (очеркъ въ «Revy» 1885 г.); она же въ новообразованномъ женскомъ обществѣ Sdun прочла первую лекцію, посвященную описанію реформы, произведенной англичанками въ женскомъ

костюмѣ; вслѣдъ за этимъ и въ Швеціи явились послѣдовательницы новаго движенія.

Наибольшій интересъ какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи возбудилъ въ ней соціальный вопросъ, и ея драма «Hur man gör godt» (Какимъ образомъ дѣлаешь добро) является вкладомъ ея въ этотъ вопросъ. Матеріаломъ для этой драмы служили, съ одной стороны, впечатлѣнія, полученныя ею изъ жизни, съ которою она была хорошо знакома, съ другой,—впечатлѣнія. произведенныя на нее благотворительными базарами Стокгольма, которые были ей гораздо менѣе извѣстны. Большая часть лицъ и положеній были созданы со спеціальною цѣлью выразить протестъ противъ существующихъ въ обществѣ несправедливостей и безобразій. Поэтому драма эта вышла самымъ тенденціознымъ произведеніемъ, написаннымъ когда-либо А. К. Леффлеръ, потому что исходною ея точкою зрѣнія являлась не жизнь, а общественные вопросы.

Съ этого времени произведенія А. К. Леффлеръ стали страдать избыткомъ впечатлѣній, которыя она вносила въ нихъ. Г-жу Эдгренъ считали вообще положительною, догматичною, разсудительною; но на самомъ дѣлѣ она меньше всего походила на это представленіе о ней. Она была чрезвычайно впечатлительна; относительно многихъ вопросовъ у нея не было рѣшительно никакихъ «принциповъ», и она легко поддавалась данному ей кѣмъ-нибудь

импульсу, легко воспринимала чужіе взгляды и мнѣнія, рѣдко старалась опровергнуть ихъ и, выслушивая два противоположныхъ мнѣнія, кончала обыкновенно тѣмъ, что отдавала справедливость обоимъ, если только споръ не велся по поводу чего-нибудь условнаго—относительно этого у нея была своя особая точка зрѣнія. Она сама сознавала это и часто говорила: «Я, право, боюсь говорить съ людьми, которые глубоко убѣждены и убѣжденія которыхъ противоположны моимъ, потому что я похожа на воскъ и всякое сильное убѣжденіе оставляетъ на мнѣ свой отпечатокъ. Къ счастью для меня, сильныхъ убѣжденій на свѣтѣ очень мало».

Писатель, обладающій эпическимъ, а не лирическимъ талантомъ, никогда не будетъ въ состояніи ясно, рѣзко и опредѣленно, не погрѣшая противъ истины, высказывать свои впечатлѣнія, если будетъ находиться во взволнованномъ состояніи духа, и если одно впечатлѣніе будетъ непрестанно слѣдовать за другимъ. Для эпическаго таланта необходимо спокойствіе, чтобы обработать эти впечатлѣнія и надлежащимъ образомъ передать ихъ. Но именно въ это время А. К. Леффлеръ, благодаря разнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ и перемѣнамъ, происходившимъ въ ея внутреннемъ мірѣ, находилась въ постоянномъ волненіи, и поэтому та сдержанность и уравновѣшенность, которыя замѣчаются въ ея первыхъ произведеніяхъ, совершенно отсутствуютъ въ послѣд-

нихъ. И это вовсе не потому, чтобы она небрежно относилась къ своему дѣлу или выпускала не вполнѣ обработанныя еще произведенія, спѣша подѣлиться ими съ публикою; она, напротивъ того, отличалась до конца необыкновенною добросовѣстностью въ работѣ, начиная съ перваго наброска и кончая послѣднею корректурою. Но она слишкомъ быстро дѣлилась съ читателемъ тѣмъ, что испытывала; впечатлѣнія должны были бы быть иногда болѣе глубокими, наблюденія болѣе многосторонними, болѣе художественно оформленными, и этотъ недостатокъ въ интенсивности вызывалъ часто такого рода критическія замѣчанія объ А. К. Леффлеръ: она занимается «реалистическою фотографіею», или: у нея слишкомъ «холодныя краски». Къ этому нужно еще прибавить то, что мы говорили выше о замѣчающемся въ ней часто недостаткѣ вкуса: она нерѣдко обращала слишкомъ много вниманія на подробности, на случайныя явленія, которыя слѣдовало бы оставить въ сторонѣ и въ то же время упускала изъ виду существенныя, характерныя черты.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы она часто предпринимала поѣздки въ Норвегію и Данію, а въ Стокгольмѣ жила постоянно въ обществѣ Софьи, дѣйствовавшей на нее самымъ возбуждающимъ образомъ. Воспринятыя ею за это время новыя жизненныя впечатлѣнія отразились въ «Лѣтней идилліи», но высказались въ ней безпокойно, безъ достаточной

художественной выдержки. Критики увидѣли въ этомъ произведеніи какъ бы воззваніе въ защиту правъ замужней женщины, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ романъ этотъ служилъ отраженіемъ личной жизни писательницы, которая заставила ее придти къ заключенію, что самымъ существеннымъ въ женскомъ вопросѣ является возможность сохранить и въ бракѣ свою личную индивидуальность и остаться вѣрною своему призванію. Уже въ первой части «Аліи» она необыкновенно тонко и художественно описала новыя психологическія явленія своего времени, отношеніе современной, развитой женской индивидуальности къ любви. Она заставила Алію отказаться отъ счастья, когда оно предлагалось ей любимымъ человѣкомъ, потому что Алія чувствовала, что сильно развитая и опредѣлившаяся въ ней индивидуальность не привлекаетъ къ ней того, кого она любитъ, а, напротивъ, отталкиваетъ его отъ нея. А. К. Леффлеръ ни разу не проникала въ такой сильной степени въ глубь шведской жизни, какъ въ этой повѣсти и въ «Лѣтней идилліи», гдѣ она, напротивъ, заставила сильно развитую въ смыслѣ индивидуальности женщину вступить въ бракъ съ горячо любимымъ ею человѣкомъ, отвѣчавшимъ ей такою же горячею любовью, и затѣмъ разорвать этотъ бракъ въ виду представившагося ей вопроса, разрѣшеніе котораго превышало человѣческія силы: быть настоящею женой своего мужа, симпатизирую-

щей ему во всемъ помощницей, вполнѣ матерью своихъ дѣтей, вполнѣ хозяйкой и оставаться въ то же время вполнѣ развитымъ индивидуумомъ съ своими собственными задачами, съ своимъ собственнымъ призваніемъ. Авторъ обрисовываетъ намъ въ этомъ романѣ столкновенія, которыя встрѣчаются постоянно въ жизни развитыхъ женщинъ. Но впечатлѣніе, произведенное «Лѣтнею идилліею», было въ значительной степени ослаблено, вслѣдствіе недостаточной художественной сплоченности цѣлаго и частей, вслѣдствіе частыхъ отступленій отъ главной темы романа, а отчасти и потому, что книга вышла въ самый разгаръ реакціи противъ женскаго вопроса. Вотъ почему «Лѣтняя идиллія» осталась непонятой. Когда въ моемъ отзывѣ о ней я писала, что «будущій историкъ литературы второй половины текущаго столѣтія назоветъ беллетристику этого времени литературой женщины о женщинѣ», моимъ словамъ было придано не то значеніе, какое они имѣли: говорили, будто я хотѣла придать грандіозное значеніе произведеніямъ лицъ женскаго пола. На самомъ же дѣлѣ я имѣла въ виду только подчеркунть одно изъ важнѣйшихъ современныхъ намъ литературныхъ теченій: выступленіе женскаго элемента, изученіе женщинъ женщиной, столкновеніе мужчины съ развитой современной женщиной, однимъ словомъ, весь тотъ новый матеріалъ, который является характерной особенностью современ-

ныхъ романовъ и повѣстей. Позволю себѣ замѣтить, что ни одна изъ сторонъ женскаго вопроса, занимавшихъ поэтовъ и психологовъ, не имѣетъ того значенія, какое представляетъ собою сюжетъ «Лѣтней идилліи»: столкновèніе между требованіями современной женщины и требованіями, предъявляемыми бракомъ. Немного можно насчитать такихъ областей человѣческой жизни, которыя не были бы затронуты этимъ столкновеніемъ. Разрѣшеніе его является, поэтому, одною изъ важнѣйшихъ задачъ, надъ которой человѣчеству придется работать. Но въ то время, когда А. К. Леффлеръ впервые затронула этотъ вопросъ, она испытала ту же участь, какая достается на долю большинства дальновидныхъ писателей: её не поняли.

Вотъ что она сама писала по этому поводу въ 1886 году:

«Я старалась возможно глубже вникнуть въ описываемое мною столкновеніе, такъ сказать, вновь и вновь пережить его, и всякій разъ приходила къ одному и тому же заключенію, что лучшаго разрѣшенія, чѣмъ то, какое дано мною, невозможно было придумать. Я допускала сомнѣнія относительно всего другого въ моей повѣсти, но только не относительно правильности разрѣшенія задуманной мною задачи. Я знала, что мои слова будутъ перетолкованы въ самомъ вульгарномъ смыслѣ: скажутъ, будто бы я проповѣдую, что теперь настала очередь муж-

чинъ отказаться отъ своего призванія ради призванія женщинъ, о чемъ, конечно, я никогда и не помышляла. Я только хотѣла сказать, что если кому-либо изъ двухъ и приходится отказываться отъ своего призванія, то это долженъ (или, скорѣе, долженъ былъ бы) дѣлать тотъ, кто, независимо отъ пола, обладаетъ наименѣе выраженной умственной индивидуальностью... Если супругамъ придется вслѣдствіе этого по временамъ жить отдѣльно, то это еще, по моему, небольшая бѣда. Почему нельзя приравнять совмѣстную жизнь супруговъ ко всякой другой совмѣстной жизни? Вѣдь извѣстно, что люди развиваются лучше и свободнѣе, когда они не живутъ вѣчно и неразрывно вмѣстѣ? Что можетъ быть стереотипнѣе семьи, въ которой всѣ дѣти воспитываются дома, или въ которой братья и сестры старѣютъ вмѣстѣ? Почему нельзя сказать то же и о супругахъ? Это было бы вполнѣ справедливо. Нѣтъ! Да здравствуетъ путешествіе отъ времени до времени одного изъ супруговъ къ сѣверному полюсу! Отъ этого любовь становится свѣжѣе, а личность свободнѣе».

Впрочемъ, во взглядахъ писательницы на значеніе путешествія къ сѣверному полюсу для разрѣшенія вопроса о бракѣ произошло въ послѣдніе годы радикальное измѣненіе.

Склонность Анны-Карлотты подчинять свое творчество чужому вліянію высказывается съ особенною

силою въ ея отношеніяхъ къ Софьѣ Ковалевской. Въ написанной ею біографіи своей пріятельницы А. К. Леффлеръ сама описываетъ ихъ богатую содержаніемъ совмѣстную жизнь и совмѣстную работу въ «Борьбѣ за счастье», совмѣстную работу, которая помѣшала шведской писательницѣ окончить задуманное ею произведеніе. «Utomkring äktenskapeh» (Вокругъ брака), судя по плану, самое смѣлое изъ всего, написаннаго А. К. Леффлеръ.

«Борьба за счастье» доказала невозможность слить воедино эти два, столь различные по своему характеру, поэтическіе таланта. А когда А. К. Леффлеръ въ 1888 году рѣшилась поѣхать въ Римъ, она приняла это намѣреніе, главнымъ образомъ, съ цѣлью освободиться отъ подавляющаго вліянія Софьи, вновь «овладѣть собою» и заняться новыми самостоятельными трудами. Кромѣ вышеупомянутаго романа, она задумала написать третью часть «Лѣтней идилліи» и изобразить въ ней счастливую совмѣстную жизнь Уллы и Фалька при новыхъ условіяхъ. Она избрала цѣлью своего путешествія Италію, потому что недавно умершій ея другъ, котораго она любила какъ брата, Викторъ Лоренъ, выражалъ передъ смертью желаніе, чтобы она посѣтила его любимую страну, куда она уже давно мечтала поѣхать, но куда никакъ не могла до сихъ поръ попасть. Онъ взялъ съ нея также обѣщаніе работать надъ приведеніемъ въ исполненіе его идей въ качествѣ члена

правленія фонда для разработки соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ, которому онъ завѣщалъ все свое состояніе. Задача эта возбуждала въ А. К. Леффлеръ самый горячій интересъ.

Зиму она провела въ Римѣ, и затѣмъ совмѣстно съ профессоромъ Миттагъ-Леффлеромъ и его женою совершила путешествіе въ Африку, которое она описала въ письмѣ въ «Stockholms Dagblad. На возвратномъ пути съ ними встрѣтился въ Неаполѣ знакомый ея брату математикъ, Паскале дель Пеццо, маркизъ Камподисола. Братъ ея съ женою продолжали свой путь на сѣверъ, а А. К. Леффлеръ осталась въ Италіи и поселилась на нѣкоторое время на островѣ Капри.

Вотъ что она писала въ іюнѣ объ этомъ времени своей жизни:

«...Жизнь удивительно богата новыми впечатлѣніями и перемѣнами, по крайней мѣрѣ, моя жизнь... Капри восхитительное мѣсто, самое красивое изъ всѣхъ, когда-либо видѣнныхъ мною. Я живу въ чудесной гостинницѣ Пагано, стѣны и двери которой разрисованы художниками всего міра, съ выходящими на море галлереями и садомъ, наполненнымъ опьяняющимъ запахомъ цвѣтовъ и огороженнымъ стѣнами, которыя покрыты вьющимися розами и виноградными лозами. Подъ этими стѣнами раздаются каждый вечеръ серенады на мандолинахъ, неизвѣстные пѣвцы оглашаютъ воздухъ своими жгу-

чими пѣснями любви. Въ этомъ чудномъ уголкѣ земного шара я навѣрное забуду нѣсколько листковъ изъ исторіи моей жизни. Жизнь, дѣйствительная жизнь представляетъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ сны и мечтанія. Мы на сѣверѣ слишкомъ романтичны, слишкомъ сентиментальны, слишкомъ созерцательны. Нужно учиться жить у южныхъ итальянцевъ; они это умѣютъ. Ты найдешь навѣрное, что я пишу отчаянныя глупости. Но я успѣю еще достаточно рано вернуться на сѣверъ съ его сѣрымъ небомъ и меланхолическими грезами. На Капри жизнь полна радости и движенія».

Намѣреніе вернуться къ жизни подъ сѣрымъ небомъ сѣвера не было осуществлено. Въ той странѣ, куда ея умершій другъ убѣждалъ ее ѣхать, увѣряя ее какъ бы съ пророческимъ предчувствіемъ, что только тамъ она сдѣлается цѣльнымъ человѣкомъ, ей пришлось испытать много новаго, что произвело полный переворотъ въ ея внутреннемъ мірѣ, а затѣмъ и въ ея внѣшней жизни. Послѣ продолжительной борьбы она рѣшилась въ 1889 г. развестись съ своимъ первымъ мужемъ на основаніи законовъ о разводѣ, существующихъ въ Швеціи. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя отецъ Паскале дель Пеццо умеръ и онъ сдѣлался герцогомъ ди-Кайянелло; теперь, какъ главѣ семьи, ему представлялись новыя затрудненія для вступленія въ бракъ съ разведенною протестантскою писательницею. Хотя онъ лично всецѣло принадле-

жалъ къ сыновьямъ молодой Италіи, но не такъ легко и самому сильному человѣку отрѣшиться отъ окружающихъ условій и попрать ногами традиціи, господствующія въ высоко аристократической фамиліи, которая съ 9-го столѣтія играла руководящую роль въ исторіи Неаполя.

Письмо, полученное мною отъ А. К. Леффлеръ въ теченіе этого времени борьбы, освѣщаетъ ея внутреннюю жизнь. Не думаю, что поступлю неделикатно относительно нея или близкихъ ей людей, если дамъ ей самой разсказать дальнѣйшую исторію своей жизни.

Вотъ что она писала зимою 1889 г.:

«...Что я пережила въ эти полгода! Всѣ волненія, всѣ ощущенія, начиная отъ самыхъ свѣтлыхъ, счастливыхъ, и кончая самыми ужасающими, самыми раздираюющими... Я не знаю ни одного человѣка, который былъ бы счастливѣе, чѣмъ я въ это время. Я не знаю ни одного, который наслаждался бы такою глубокою любовью. Но я не знаю также ни одного, которому пришлось бы испытать такую страшную борьбу...

«Я боялась любви, и я была права. Потому что когда я во Флоренціи собиралась вернуться домой и разстаться съ тѣмъ, кто сдѣлался всѣмъ для меня, я почувствовала, что это равносильно гибели, безнадежной гибели... Теперь же все кончилось, пришло въ гармонію. И я смѣло берусь за разрѣшеніе задачи любить всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣми своими

помышленіями, и въ то же время сохранить неприкосновенною собственную индивидуальную внутреннюю жизнь. Но врядъ-ли существовало когда-либо два человѣка, которые такъ хорошо понимали бы другъ друга, какъ мы, несмотря на все существующее между нами различіе. Все какъ бы раздѣляетъ насъ — языкъ воспитаніе, раса, а между тѣмъ на дѣлѣ ничто насъ не раздѣляетъ...

«Много плановъ новыхъ работъ носится у меня въ головѣ. Я положительно очарована Неаполемъ и чувствую себя необыкновенно счастливою, что живу здѣсь, въ постоянномъ солнечномъ свѣтѣ и въ восхитительномъ мѣстѣ съ видомъ на море и окрестности, открывающіяся лишь только выйдешь изъ дому. Мнѣ пишутъ о постоянныхъ туманахъ у насъ на сѣверѣ. Относительно неба и природы трудно встрѣтить въ Европѣ мѣсто, болѣе щедро одаренное, чѣмъ Неаполь. При моей любви къ природѣ, которая тебѣ извѣстна во мнѣ, я каждый день наслаждаюсь сознаніемъ, что живу среди природы и въ то же время въ центрѣ большого города. Италія такъ сильно овладѣла моимъ сердцемъ, что я врядъ-ли буду когда либо въ состояніи жить счастливо на сѣверѣ».

Лѣтомъ 1889 г. Анна-Карлотта Леффлеръ съ матерью и братьями прожила довольно долгое время въ любимомъ мѣстопребываніи своего дѣтства въ Гіо, издала осенью новый выпускъ «Изъ жизни» и затѣмъ уѣхала съ Софьей Ковалевскою въ Парижъ

свое пребываніе въ этомъ городѣ она сама описала въ біографіи Ковалевской. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Парижъ она уѣхала въ Римъ. Наступило очень бурное для нея время, и обѣ пріятельницы начали съ этого времени скрывать другъ отъ друга свои сокровенныя чувства. Еслибы возможно было теперь дать полное описаніе жизни А. К. Леффлеръ за это время, мы увидѣли бы, какъ много обнаружила она самопожертвованія, забвенія своихъ личныхъ интересовъ, какую рѣдкую глубину чисто женской беззавѣтной преданности, довѣрія и великодушія проявила она въ этотъ тяжелый годъ ожиданія, который ей пришлось пережить до вступленія въ новый бракъ. Свои ощущенія она передаетъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«...Я живу одиноко здѣсь въ Римѣ, но, несмотря па внѣшнее одиночество, я ношу въ себѣ неизсякаемый родникъ полнаго счастья: я думаю, что получила отъ Бога такой богатый даръ, какъ ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ людей, въ особенности если принять въ разсчетъ мои годы...»

Наконецъ, папа изъявилъ согласіе на полное расторженіе перваго брака, такъ что Анна-Карлотта Леффлеръ могла обвѣнчаться съ герцогомъ Кайянелло по всѣмъ обрядамъ католической церкви (чего не могло бы быть, если бы она была только разведена, такъ какъ католическая церковь развода не признаетъ). Послѣ вѣнчанія супруги отправились на

родину жены. Здѣсь ея мужъ научился вмѣстѣ съ нею любить свѣтлыя ночи сѣвера, снѣгъ и ледъ сѣверной зимы, которые ему впервые приходилось видѣть, рождественскую ёлку въ шведскомъ домѣ и столь горячо любимыхъ Анной ея мать и братьевъ. Она чувствовала, какъ ея счастье все расло, благодаря этой во всемъ отвѣчающей ей любви, которая его заставляла считать своимъ все, принадлежащее ей, а ее—все, принадлежащее ему, этой взаимной любви, которая, по его выраженію, захватывала всецѣло «душу и сердце, сокровеннѣйшія мысли и фантазіи» какъ южанина, такъ и сѣверянки, этой глубокой любви, которая воплощала въ себѣ «идеалъ и гармонію міра» и не можетъ «умереть, пока одинъ изъ нихъ не перестанетъ жить»:

Весною того же года вышла въ свѣтъ вторая часть романа «Алія», въ которомъ авторъ хотѣлъ показать, какъ гордость и рѣзкость, присущія современной сильно развитой женской индивидуальности, могутъ быть побѣждены любовью, и какъ глубокая женская преданность можетъ превратить влюбленность мужчины въ истинную любовь. Это былъ хвалебный гимнъ силѣ любви, страстный хвалебный гимнъ, въ которомъ было слишкомъ много любовнаго чаду, чтобы онъ могъ быть ясно понятымъ. Романъ этотъ принадлежитъ къ числу наиболѣе быстро написанныхъ произведеній А. К. Леффлеръ, и потому подалъ поводъ къ самымъ обиднымъ для писательницы тол-

кованіямъ. Она открыто протестовала противъ отождествленія себя или кого бы то ни было съ Аліею, но возраженіе ея прошло почти незамѣченнымъ; а книга, помощью которой она могла бы оказать болѣе дѣйствительный протестъ—изложивши въ ней, по личному опыту, ходъ развитія женской индивидуальности во время брака и доказавъ возможность для женщины сохранить свою индивидуальность, несмотря на всѣ перипетіи брака — осталась ненаписанною. Во время вышеупомянутаго пребыванія въ Швеціи, продолжавшагося полгода, она написала свою драму «Familyelycka» (Семейное счастье), одно изъ лучшихъ ея драматическихъ произведеній, въ основѣ котораго лежала ея горячая любовь къ молодежи и убѣжденіе въ необходимости предоставить ей жить самостоятельной жизнью, подъ собственной отвѣтственностью. Но вообще А. К. Леффлеръ чувствовала теперь меньшую потребность писать, чѣмъ прежде: она была счастлива возможностью жить наконецъ цѣльною, полною жизнью. Въ этомъ отношеніи она отличалась рѣдкою способностью, которую поэтъ называетъ счастливою особенностью молодости—забывать «то, что мы знаемъ о прошломъ и о будущемъ».

Съ легкою душою, разорвавши со всѣмъ своимъ прошлымъ, въ сорокалѣтнемъ возрастѣ вступала А. К. Леффлеръ въ новую жизнь, точно двадцатилѣтняя дѣвушка. Она проявила теперь свою въ высшей сте-

пени женственную натуру, полную радости, преданности, здоровья, непосредственности, которыя ключемъ били изъ нея. Эти именно силы заставляли ее постоянно молодѣть и хорошѣть. Тотъ, кто видѣлъ ея круглое, неразвитое, почти дѣтское лицо на портретѣ, изображающемъ ее въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, и захочетъ сравнить его съ портретами, снятыми съ нея въ возрастѣ сорока лѣтъ, гдѣ полное жизни и выраженія лицо глядитъ на васъ своими блестящими глазами, сіяющими изъ подъ сѣдѣющихъ уже, но все еще густыхъ вьющихся волосъ, тотъ увидитъ, что не природа, а жизнь придала большую утонченность этимъ чертамъ лица, одухотворила и облагородила ихъ. Женщина, у которой было это именно лицо, должна была писать, по случаю переѣзда въ новый домъ, такія слова, дышущія всею пылкостью молодой любви:

«Я хочу, чтобы все въ моемъ чувствѣ было ново и свѣжо для Паскале; мнѣ кажется несправедливостью относительно него, что у меня и прежде были нѣкоторые изъ тѣхъ интересовъ, которые находятся въ связи съ нашею новою жизнью».

А. К. Леффлеръ принадлежала именно къ числу людей, обладающихъ геніемъ любви, тѣхъ самыхъ людей, о которыхъ велся такой оживленный споръ въ гостинной Софьи. И мужъ ея послѣ ея смерти пишетъ о ней почти словами Софьи: «она обладала геніемъ любви,—потому что любовь составляетъ та-

кой же талантъ, какъ и художество, какъ и наука. Не всѣ люди могутъ любить, но она умѣла любить до совершенства».

Въ февралѣ 1891 г. супруги привели въ порядокъ свой домъ въ Неаполѣ. Они поселились на Via Tasso, «любимой улицѣ поэтовъ и любовниковъ», которая вьется между садами, подымаясь на высоту, откуда открывается самый восхитительный видъ на море. Въ ея домѣ былъ заведенъ совершенно иной порядокъ, чѣмъ тотъ, который соотвѣтствовалъ бы традиціямъ герцоговъ ди-Кайянелло, но оба супруга съ одинаковымъ ужасомъ относились къ условнымъ требованіямъ свѣтской жизни и твердо рѣшили не подчиняться имъ.

Какъ разъ въ то время, когда все уже было готово для переѣзда въ новый домъ, А. К. Лефлеръ получила извѣстіе о неожиданной смерти Софьи Ковалевской, какъ громомъ поразившее ее, тѣмъ болѣе, что она и сама была несовсѣмъ здорова. Она вновь отказалась отъ начатыхъ работъ, чтобы написать біографію своей пріятельницы, оконченную ею въ общихъ чертахъ къ тому времени, когда супруги лѣтомъ 1891 года вновь посѣтили Норвегію и Швецію. Тогда же, лѣтомъ, она набросала вчернѣ и свою феерію: «Пиллигримство истины», работу тѣмъ болѣе для нея дорогую, что мужъ ея обнаружилъ самый живой интересъ къ задуманному ею произведенію. Прежде онъ заставлялъ ее переводить устно

на итальянскій языкъ ея новыя работы, теперь онъ сдѣлалъ такіе успѣхи въ шведскомъ языкѣ, что могъ совершенно свободно понимать то, что было ею написано. Въ предшествующіе годы онъ познакомилъ ее какъ съ классическою литературой, объясняя ей греческихъ и латинскихъ писателей, такъ и со старыми и новыми корифеями итальянской литературы: Данте, Аріосто Петрарка и др., и она совершенно освоилась съ его роднымъ языкомъ и съ его родной беллетристикой. Трудно сказать, какое дѣйствіе могли оказать эти новыя вліянія на ея творчество. Въ «Пиллигримствѣ истины» замѣчается уже вліяніе пылкой южной фантазіи, а сама она вотъ что писала зимою изъ Неаполя:

«...Хотя я не сдѣлала ни одного шага, чтобы пріобрѣсть новыя знакомства,—зимой мы жили совершенно уединенно и не принимали никакихъ приглашеній,—тѣмъ не менѣе вокругъ меня собрался мало-по-малу весьма симпатичный литературный кружокъ, который задался цѣлью обратить меня въ итальянскую писательницу. Но до сихъ поръ въ головѣ у меня сидятъ одни только шведскіе сюжеты...»

Такими-то простыми и непритязательными словами описываетъ она свое положеніе среди научнаго и литературнаго міра Неаполя, но изъ свѣдѣній, полученныхъ нами отъ ея новыхъ друзей, равно

какъ и изъ статей, появившихся въ печати послѣ ея смерти, оказывается, что домъ супруговъ ди Кайянелло, палаццо Фіодо, сдѣлался на самомъ дѣлѣ средоточіемъ литературной жизни Неаполя. Одна итальянская писательница, талантливая и въ высшей степени симпатичная женщина, синьора Цампини Салазаръ, говорила, что домъ герцогини ди-Кайянелло долженъ былъ сдѣлаться современемъ самымъ замѣчательнымъ литературнымъ салономъ въ Италіи, потому что хозяйка его имѣла всѣ данныя, чтобы собрать и удержать вокругъ себя литературный кружокъ. Синьора Цампини въ слѣдующихъ выраженіяхъ описывала А. К. Леффлеръ въ одной итальянской газетѣ:

«Все въ ней гармонично и благородно. Ей чужды какія бы то ни было пошлыя или низменныя чувства... Она представляетъ собою блестящій образчикъ тѣхъ счастливыхъ характеровъ, которые способны противостоять искушеніямъ честолюбія и никогда не поддаются тщеславію... Ея застѣнчивая сдержанность производитъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе... Никакіе успѣхи не въ силахъ были ослабить истинно женственныхъ чертъ ея характера. Искреннее и задушевное рукопожатіе, кроткая улыбка, чудный взглядъ ея красивыхъ глазъ, которыми она встрѣчаетъ своихъ друзей въ своемъ оригинальномъ и комфортабельномъ домѣ на Via

Tasso, заставляетъ всякаго чувствовать себя у нея необыкновенно хорошо».

Какъ писательница, она получила извѣстность въ Италіи благодаря переводу на итальянскій языкъ драмы «Hur man gör goth». Она основательно переработала драму и сконцентрировала дѣйствіе въ трехъ актахъ вмѣсто прежнихъ пяти. Драма эта встрѣтила самый теплый пріемъ со стороны итальянскихъ критиковъ. Ей былъ предпосланъ въ видѣ введенія весьма основательно и хорошо написанный очеркъ новой шведской литературы, составленный молодымъ итальянскимъ писателемъ Бернардо Кроче.

Простота въ обращеніи и непритязательность, понравившаяся въ такой сильной степени итальянской писательницѣ, была такъ естественна въ А. К. Лефлеръ, что ея шведскіе друзья почти не замѣчали въ ней этихъ качествъ. То обстоятельство, что ея имя получило наибольшую европейскую извѣстность между всѣми другими шведскими писателями, было почти неизвѣстно даже ея лучшимъ друзьямъ,—она сама никогда объ этомъ не упоминала. Только послѣ ея смерти узнала я, напр., какъ часто печатали ея біографію въ иностранной прессѣ, какъ часто писали о ея работахъ, какое большое количество ея произведеній было переведено на языки норвежскій, датскій, финскій, русскій, англійскій, нѣмецкій, голландскій, кроатскій и, наконецъ, итальянскій. Она не любила говорить о томъ, что̀ намѣрена была

сама дѣлать, ни о томъ, что̀ успѣла уже сдѣлать, ни о томъ, что̀ говорилось объ ея произведеніяхъ. И теперь, при новыхъ обстоятельствахъ, при новыхъ жизненныхъ условіяхъ, встрѣчая притомъ самое симпатичное отношеніе къ своей дѣятельности со стороны мужа, она намѣревалась смѣло приняться за дѣло — писать, не заботясь о стереотипныхъ взглядахъ и мнѣніяхъ, прежде такъ сильно тяготѣвшихъ надъ нею и оказывавшихъ такое пагубное дѣйствіе на ея творчество.

За нѣсколько дней до своей смерти Софья Ковалевская говорила мнѣ: «Ты знаешь, что въ семьѣ Кайянелло въ теченіи шестнадцати поколѣній главы семьи назывались попеременно Паскале и Гаэтано, и теперь, конечно, Анна-Карлотта желаетъ имѣть маленькаго Гаэтано. Она его навѣрное и будетъ имѣть. Она всегда получаетъ все, чего ни пожелаетъ. Если у нея когда нибудь явится фантазія совершить путешествіе на Марсъ, наука придетъ къ ней на помощь и откроетъ воздушный путь на эту планету».

Софья и теперь, какъ всегда, оказалась проницательною, и весною А. К. Леффлеръ начала ожидать того счастья, отсутствіе котораго было для нея всегда такъ ощутительно. Вотъ что она пишетъ по поводу этого.

«Какъ восхитителенъ здѣсь май, объ этомъ не

можетъ составить себѣ никакого понятія тотъ, кто самъ не былъ здѣсь весною. Все въ цвѣту, всюду изобиліе фруктовъ, мягкій морской воздухъ насыщенъ благоуханіями, вся Via Tasso благоухаетъ розами, цвѣтами апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ. Мы ежедневно ѣдимъ землянику, вишни, апельсины, выросшіе здѣсь, а затѣмъ пойдутъ миндали, персики, абрикосы, фиги и т. д. Вся Via Tasso представляетъ непрерывный рядъ фруктовыхъ садовъ, которые терассами спускаются къ морю.

Я совершенно здорова и полна надеждъ, веду себя, какъ подобаетъ здоровой, порядочной женщинѣ, и наслаждаюсь видомъ маленькой коляски, обитой голубымъ. Все голубое, слѣдовательно, разсчитано на Гаэтано, потому что здѣсь, какъ и въ Швеціи, приданое голубого цвѣта шьется мальчикамъ».

Она радуется, что ея дитя родится въ самое лучшее время года на своей прекрасной родинѣ, и прибавляетъ, что если и испытываетъ страхъ, то это страхъ, который внушаетъ слишкомъ большое счастье—возможно-ли, чтобы такое необыкновенное счастье, какое ей досталось на долю, могло еще увеличиться?

Ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ ребенокъ родился, и въ слѣдующихъ письмахъ она говоритъ о новомъ событіи, случившемся въ ея жизни и научившемъ ее «начать новое лѣтосчисленіе съ 7-го іюня». Ея письма полны самой восторженной мате-

ринской радости, описаніями своего сильнаго, здоро ваго красиваго мальчика, и всѣхъ тѣхъ грезъ о будущемъ, которыя занимаютъ матерей надъ колыбелью перваго сына; они дышатъ глубокою благодарностью Провидѣнію за ниспосланное счастье. Она пишетъ по поводу этого:

«Есть что-то особенное въ чувствѣ, которое заставляетъ насъ обращаться инстинктивно съ своими жалобами и своею радостью къ кому-то, кого мы считаемъ источникомъ всего этого. И въ самомъ дѣлѣ, теперь, когда я чувствую себя такъ безконечно счастливою, когда сынъ мой родился, потребность въ принесеніи благодарности высшему существу пробуждается во мнѣ съ удвоенною силою».

Все ея время занято теперь нѣжными заботами о ребенкѣ. Разумная предусмотрительность и практичность, отличавшія ее при всѣхъ перемѣнахъ судьбы, и дѣлавшія ее способною спокойно выполнять всѣ разнообразныя требованія будничной жизни, всегда стоять на высотѣ своего положенія, теперь оказали ей большую услугу при выполненіи новыхъ своихъ обязанностей, уходѣ за ребенкомъ и присмотрѣ за слугами и за хозяйствомъ, представлявшемъ много затрудненій. Ей, уроженкѣ сѣвера, привыкшей къ скандинавскимъ нравамъ и обычаямъ, приходилось примѣняться къ итальянскимъ условіямъ жизни, но съ свойственнымъ ей радужнымъ спокой-

ствіемъ она счастливо преодолѣла всѣ препятствія. Лѣтомъ она писала:

«Иногда мнѣ трудно связать мысль о себѣ въ прошломъ, о своихъ старыхъ знакомыхъ съ итальянскою женою, хозяйкою и матерью, которая тѣмъ не менѣе такъ спокойно двигается въ своей новой обстановкѣ, точно родилась въ ней. Мнѣ по временамъ кажется просто невѣроятнымъ, что позади меня такой ужасно длинный періодъ жизни, прожитый при совершенно другихъ условіяхъ; прошедшее кажется мнѣ все менѣе и менѣе вѣроятнымъ».

Послѣднее выраженіе не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что она утратила свою прежнюю любовь къ родинѣ. Она жаждала извѣстій отъ матери, братьевъ, друзей, сама очень усердно переписывалось, и ея письма съ ихъ неправильнымъ, неразборчивымъ почеркомъ, были всегда необыкновенно хорошо написаны, всегда естественны, краснорѣчивы, безъискуственны. Даже въ этотъ періодъ ея жизни, переполненныйличнымъ счастьемъ, она интересовалась живо всѣмъ, что происходило въ умственномъ и литературномъ мірѣ ея родины и выказывала прежнюю благородную радость при малѣйшемъ успѣхѣ своихъ бывшихъ товарищей.

Послѣ нѣсколькихъ «невыразимо чудныхъ» недѣль, проведенныхъ на любимомъ островѣ Капри, супруги вернулись въ Неаполь, и, хозяйка, устроивши какъ

слѣдуетъ свой домъ и наладивъ хозяйство, принялась усиленно за свои литературныя занятія.

«Мой сынъ и мой мужъ», писала она, «оставляютъ мнѣ, впрочемъ, слишкомъ мало времени для себя. Гаэтано уже большой мальчикъ, который ни за что не хочетъ, чтобы съ нимъ обращались какъ съ бебе и клали на весь день въ коляску, а желаетъ быть съ утра до вечера въ движеніи и требуетъ, чтобы его носили на рукахъ; онъ прислушивается и присматривается ко всему, что происходитъ вокругъ и принимаетъ участіе во всѣхъ разговорахъ своею еще безсловесною, но выразительною рѣчью».

Много уже лѣтъ не чувствовала она себя въ такомъ хорошемъ и спокойномъ расположеніи духа, какъ теперь; она собиралась продолжать большой романъ, начатый ею зимою 1890 г. въ Римѣ, гдѣ она составила первый его набросокъ:

«...Мой романъ меня сильно интересуетъ, и, хотя я еще недостаточно вникла въ него, недостаточно освоилась съ нимъ, тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что мнѣ удастся мало-по-малу выразить въ немъ все, что я раньше думала вложить въ него. Теперь я нахожусь въ порѣ разочарованія, въ самой худшей порѣ моего творчества. Пока планъ работы сидитъ у меня только въ головѣ, все представляется мнѣ въ самомъ лучшемъ и прекрасномъ видѣ; но какъ только я принимаюсь за первый набросокъ, все начинаетъ казаться мнѣ въ высшей степени плоскимъ

и банальнымъ, и я только тогда освобождаюсь отъ этого гнетущаго чувства, когда берусь вторично за переработку задуманныхъ мною сценъ. Сперва я только намѣчаю въ краткихъ чертахъ то, что намѣрена разрабатывать послѣ; поэтому всякое мое произведеніе является въ началѣ крайне безцвѣтнымъ. И все первое время работы, за исключеніемъ нѣсколькихъ счастливыхъ дней, когда какая-либо сцена рождается у меня прямо готовою въ головѣ, я хожу, мрачная какъ туча, и думаю, что утратила уже свой талантъ и обратилась въ идіотку. Мнѣ предстоитъ теперь трудная задача, которая займетъ вѣроятно всю весну, потому что планъ составленъ довольно кратко и весьма мало разработанъ».

О той же работѣ она пишетъ 16-го октября 1892 г. своему брату Фрицу:

«Я теперь принялась за романъ «Trang horisont» (Тѣсный горизонтъ) и работа идетъ у меня очень хорошо. Мнѣ кажется, что это будетъ весьма значительное произведеніе, написанное зрѣлою, опытною писательницею, которая перестала бороться за проведеніе какой-либо тенденціи, а задалась мыслью просто и правдиво описать жизнь, описать ее съ возможно большимъ безпристрастіемъ и съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Всѣ стороны человѣческихъ отношеній должны разбираться въ этомъ романѣ. Отношенія—самыя разнообразныя—между родителями и дѣтьми, между супругами, старыми и моло-

дыми, между любящими другъ друга людьми, между братьями и сестрами, между пріятелями и пріятельницами, между дѣдами и внуками,—все это должно быть выяснено съ симпатіею и сочувствіемъ, съ одинаковымъ доброжелательствомъ ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ,—да, однимъ словомъ, это должна быть великая книга человѣчества, покоющаяся на самыхъ широкихъ основаніяхъ, при чтеніи которой придется и смѣяться, и плакать. Она подвигается впередъ гигантскими шагами и матеріалъ, которымъ я располагаю, невѣроятно великъ».

Отправивши послѣ этого къ матери и братьямъ другое письмо, дышащее счастьемъ и здоровьемъ, Анна-Карлотта съ лихорадочною ревностью засѣла за работу. Она даже отказалась отъ завтрака, и когда ея мужъ въ три часа дня вернулся домой и взялъ перо изъ ея рукъ, съ просьбою беречь себя, тѣмъ болѣе, что она уже жаловалась утромъ на нездоровье, она, какъ всегда, покорно исполнила его желаніе, сказавъ только: «Но когда же я успѣю все это написать?»

Болѣзнь (воспаленіе брюшины) была очень мучительна, но не продолжительна. Сама Анна-Карлотта позаботилась о томъ, чтобы извѣщеніе о ея болѣзни было написано возможно осторожнѣе (она боялась напугать мать), но, повидимому, всякая мысль о смерти была далека отъ нея. Она тихо отошла въ вѣчность, опираясь головою на любимую руку,—

умерла тою легкою смертью, которая не досталась на долю Софьи Ковалевской, о чемъ А. К. Леффлеръ такъ сильно сожалѣла.

Анна-Карлотта Леффлеръ искала въ характерѣ и въ личности Софьи Ковалевской объясненіе, почему послѣдней не выпало то счастье, о которомъ она мечтала всю жизнь. Гораздо легче найти причины, объясняющія ея собственное счастье.

Анна-Карлотта принадлежала къ избраннымъ натурамъ, у которыхъ уравновѣшенность и гармонія являются дарами природы, а не результатомъ смиренія и борьбы. Она умѣла сохранить до конца въ полной силѣ свою индивидуальность, не утрачивая способности понимать индивидуальность другихъ. Она умѣла оправдывать и понимать людей, которые боролись съ нею или ложно толковали ея намѣренія и дѣйствія. Она отличалась какою-то особенною ясностью мыслей, которая мѣшала ей искажать или преувеличивать дѣйствительность; какъ ея собственныя права, такъ и права другихъ представлялись ей въ надлежащемъ видѣ съ точно опредѣленными границами. Благодаря этому ясному, простому пониманію дѣйствительности и жизненныхъ отношеній, ей иногда приходилось, какъ писательницѣ и какъ женщинѣ, рубить съ плеча гордіевъ узелъ психологическихъ отношеній, надъ разрѣшеніемъ которыхъ другіе потратили бы много силъ. Но она во-

все не требовала, чтобы ея способъ разрѣшенія затрудненій считали правильнымъ; она желала только, чтобы къ ней относились съ тѣмъ же благородствомъ, которое она обнаруживала всегда по отношенію къ другимъ: она была глубоко убѣждена, что люди въ своихъ дѣйствіяхъ, даже въ тѣхъ, которыхъ она не понимала, руководятся самыми лучшими, а не самыми худшими побужденіями. Всегда мягкая, кроткая, внимательная къ другимъ, она выказывала такую-же мягкость и кротость и въ предъявляемыхъ ею требованіяхъ къ нимъ. Она отличалась способностью всегда и повсюду видѣть жизнь, какою она есть на самомъ дѣлѣ, никогда не представлять ее себѣ ни въ слишкомъ радужныхъ, ни въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ, никогда не умалять того хорошаго, что давала жизнь, и не желать себѣ того, чего она не могла дать. Вотъ за такой-то здравый, великодушный взглядъ на жизнь, за такое широкое пониманіе ея жизнь иногда отплачиваетъ счастьемъ.

Элленъ Кей.

---

*

СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ.

(ЧТО Я ПЕРЕЖИЛА СЪ НЕЙ И ЧТО ОНА РАЗСКАЗЫВАЛА МНѢ О СЕБѢ).

Воспоминанія А. К. Леффлеръ, герцогини ди-Кайянелло.

НА СМЕРТЬ С. КОВАЛЕВСКОЙ.[1])

Душа изъ пламени и думъ!
Присталъ-ли твой корабль воздушный
Къ странѣ, куда парилъ твой умъ,
Призыву истины послушный?
Въ тотъ звѣздный міръ такъ часто ты
На крыльяхъ мысли улетала,
Когда, уйдя въ свои мечты,
О мірозданьи размышляла;
Когда, въ вечерней тишинѣ,
Въ глубь неба взоръ твой погружался
И въ темносиней вышинѣ
Кольцомъ Сатурна любовался.

Въ тѣхъ сферахъ—числа, функцій рядъ,
Иному слѣдуя порядку,
Тебѣ, быть можетъ, разрѣшатъ
Безсмертья вѣчную загадку...

---

[1]) Эти стихи, написанные братомъ моимъ Фрицемъ Леффлеромъ по случаю смерти Софьи Ковалевской, такъ хорошо, какъ мнѣ кажется, характеризируютъ ее, что я привожу ихъ здѣсь.

А. К. Леффлеръ-ди-Кайянелло.

Ты преломленье свѣтовыхъ
Лучей на призмѣ наблюдала:
Какими *тамъ* ты видишь ихъ,
У родника ихъ и начала?

Со свѣтлой звѣздной высоты,
Съ участьемъ въ просвѣтлѣнномъ взорѣ,
Ты смотришь въ бездну темноты
На землю, на земное горе.
И здѣсь, порою, онъ видалъ—
Какъ въ этотъ мракъ, надъ всѣмъ царящій,
Лился, играя, сквозь кристаллъ
Свѣтъ, отъ любви происходящій.

Душа изъ пламени и думъ!
Въ часы надеждъ и просвѣтлѣнья
Одну любовь считалъ твой умъ
Надежнымъ якоремъ спасенья.
Прощай! Тебя мы свято чтимъ,
Твой прахъ въ могилѣ оставляя:
Пусть шведская земля надъ нимъ
Лежитъ легко, не подавляя...

Прощай! Со славою твоей
Ты, навсегда разставшись съ нами,
Жить будешь въ памяти людей
Съ другими славными умами—
Покуда чудный звѣздный свѣтъ
Съ небесъ на землю будетъ литься
И въ сонмѣ блещущихъ планетъ
Кольцо Сатурна не затмится...

Д. Михаловскій.

ВВЕДЕНІЕ.

Какъ только я получила извѣстіе о неожиданной и внезапной смерти Софьи Ковалевской, во мнѣ зародилась мысль о предстоящей мнѣ задачѣ— продолжать въ той или иной формѣ ея воспоминанія дѣтства. Я считала это своею обязанностью по многимъ причинамъ, но прежде всего и главнымъ образомъ потому, что, предвидя свою раннюю смерть, она всегда увѣряла, что я переживу ее, и много разъ брала съ меня слово написать ея біографію.

Благодаря сильно развитой у нея наклонности къ самоанализу и самонаблюденію, она любила давать себѣ отчетъ въ каждой своей мысли, въ каждомъ своемъ поступкѣ и чувствѣ; а въ теченіи тѣхъ трехъ-четырехъ лѣтъ, которыя мы прожили вмѣстѣ, почти ежедневно видаясь другъ съ другомъ, она любила давать этотъ отчетъ и мнѣ, стараясь всегда привести въ извѣстную психологическую систему

всѣ различныя измѣненія въ своемъ настроеніи. Это стремленіе подводить всѣ свои ощущенія подъ извѣстныя рамки принимало у нея нерѣдко такіе обширные размѣры, что она подъ вліяніемъ его невольно видоизмѣняла дѣйствительность. Не смотря на всю рѣзкость ея самоанализа, не щадившаго ничего на своемъ пути, она иногда невольно поддавалась естественному стремленію идеализировать себя, видѣть себя такою, какою она желала быть. Иногда, напротивъ — то понятіе, какое она во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ давала о себѣ, очень разнилось отъ того, какъ ее понимали окружающіе. Вообще она часто относилась къ себѣ то гораздо мягче, то гораздо строже, чѣмъ слѣдовало.

Если бы ей удалось выполнить свое желаніе,— довести до конца свои воспоминанія и написать исторію всей своей жизни, она навѣрное изобразила бы себя въ нихъ именно такою, какою рисовала себя, когда вела со мной длинные и многократные разговоры психологическаго характера.

Такъ какъ, къ сожалѣнію, сама она лично не имѣла возможности докончить свои воспоминанія, которыя, несомнѣнно, представили бы собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ автобіографій въ европейской литературѣ, и такъ какъ мнѣ выпала на долю обязанность хотя бы въ слабыхъ и лишь внѣшнихъ чертахъ написать эту біографію, которой она съумѣла бы придать совершенно самобытное значеніе по глу-

бокой силѣ анализа, то я сразу инстинктивно рѣшила, что для выполненія предстоящей мнѣ задачи у меня имѣется одинъ только путь: работать, такъ сказать, подъ ея непосредственнымъ внушеніемъ, стараться вновь сливаться жизнью съ нею, какъ я дѣлала это когда-то при ея жизни, сдѣлаться *вторымъ я*, какъ она меня часто называла, и представлять ее себѣ по возможности такою, какою она сама рисовала мнѣ себя.

Прошло между тѣмъ больше года, прежде чѣмъ я рѣшила выпустить въ свѣтъ воспоминанія, которыя я начала писать вскорѣ послѣ ея смерти. Въ теченіи этого времени я отчасти устно, отчасти письменно сносилась со всѣми ея друзьями, какъ старыми, такъ и новыми, съ которыми имѣла возможность вступить въ сношенія, стараясь всѣми силами освѣжить и укрѣпить воспоминанія свои, такъ какъ вся суть для меня заключалась въ томъ, чтобы припомнить всѣ внѣшнія черты, всѣ подробности ея жизни, о которыхъ она мнѣ столько разсказывала. Изъ полученныхъ мною писемъ я привела все, что могло способствовать выясненію ея характера, *всегда* стараясь при этомъ описывать ее такъ, какъ она сама понимала себя.

Принимаясь за настоящее сочиненіе, я, какъ видно изъ предъидущаго, не имѣла вовсе въ виду написать объективную исторію нашей совмѣстной жизни. Да и что вообще можетъ быть названо объективнымъ,

когда вопросъ идетъ объ уясненіи самого себя? Многіе будутъ толковать ея чувства и поступки въ различныхъ случаяхъ ея жизни совершенно иначе, чѣмъ я. Но все это при моей исходной точкѣ зрѣнія не имѣетъ никакого значенія. Что касается датъ, приводимыхъ мною здѣсь, то всѣ онѣ объективно вѣрны, на сколько мнѣ возможно было провѣрить ихъ; въ этомъ только отношеніи я не слѣдовала указаніямъ Софьи, которыя относительно датъ отличались большею частью необыкновенною фантастичностью.

Встрѣтившись лѣтомъ въ Христіаніи съ Генрикомъ Ибсеномъ, я разсказала ему, что занимаюсь составленіемъ біографіи Софьи Ковалевской. На это онъ замѣтилъ:

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ намѣрены написать ея біографію въ общепринятомъ смыслѣ этого слова? Не будетъ-ли это скорѣе поэма о ней?

— Да,—отвѣтила я,—но въ такомъ случаѣ это будетъ ея собственная поэма о себѣ, разсмотрѣнная мною сквозь призму моего пониманія ея.

— Вотъ это совершенно вѣрно,—сказалъ онъ.— Вы не могли бы выполнить этой задачи, не придавъ ей поэтическаго колорита.

Это замѣчаніе придало мнѣ больше увѣренности и поощрило держаться намѣченнаго мною раньше пути при выполненіи предстоявшей мнѣ задачи.

Пусть другіе описываютъ ее объективно, если

могутъ! Я, съ своей стороны, преслѣдую одну только цѣль: дать субъективное описаніе моего пониманія того, какъ она съ своей чисто субъективной точки зрѣнія объясняла сама себя.

I.

Дѣвическія мечты. Фиктивный бракъ.

Когда Софьѣ было около семнадцати лѣтъ, семья ея провела одну зиму въ Петербургѣ.

Въ это время въ Россіи происходило сильное движеніе среди молодыхъ интеллигентныхъ женщинъ, движеніе въ пользу свободы Россіи, въ пользу умственнаго развитія. Оно было рѣзче всего выражено среди молодыхъ дѣвушекъ. Въ этомъ движеніи нигилистическое или политическое направленіе играло лишь весьма незначительную роль: это было главнымъ образомъ стремленіе къ знанію и къ умственному развитію, которое съ такою силою охватывало интеллигентные кружки общества, что сотни молодыхъ дѣвушекъ лучшихъ фамилій покидали свои семьи и отправлялись заниматься наукою въ заграничные университеты. Такъ какъ родители въ большинствѣ случаевъ противились отъѣзду своихъ дочерей, то молодыя дѣвушки прибѣгали къ чрезвычайно ори-

гинальной и для того времени характеристичной тактикѣ: чтобы избавиться отъ родительской опеки и получить возможность ѣхать безпрепятственно заграницу, онѣ вступали въ фиктивные браки съ молодыми людьми, воодушевленными одинаковыми идеями. Многія изъ цюрихскихъ студентокъ, которыя затѣмъ вызваны были на родину по подозрѣнію въ нигилистическихъ тенденціяхъ, хотя на самомъ дѣлѣ ничего противозаконнаго не дѣлали, а мирно занимались своими науками, находились въ такого рода фиктивныхъ бракахъ съ молодыми людьми, которые увезли ихъ изъ родительскаго дома, устроили въ университетѣ, а затѣмъ разстались съ ними, по обоюдному соглашенію, предоставивъ имъ полную свободу. Да, подобнаго рода союзы, заключавшіеся ради отвлеченной цѣли, пріобрѣли себѣ около этого времени такую популярность въ кружкѣ молодежи, въ который вступили послѣ прибытія въ Петербургъ Софья и ея сестра, что для юной Сони, равно какъ и для большинства ея друзей, молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ, казались гораздо более идеальными, чѣмъ тѣ вульгарные и низменные союзы, которые заключаются между молодыми людьми только для удовлетворенія своихъ чувственныхъ страстей, иначе сказать, своего эгоизма, и называются браками по любви. При идеальныхъ стремленіяхъ, одушевлявшихъ всю эту молодежь, личное счастье казалось чѣмъ-то второстепеннымъ,

принесеніе всего себя въ жертву ради высшихъ духовныхъ цѣлей—единственною великою и достойною человѣка задачею. Учиться, заниматься, чтобы затѣмъ съ удвоенными новыми силами служить родинѣ, любимой всѣми русскими такою нѣжною, восторженною любовью, помогать ей въ тяжелой освободительной борьбѣ, ведущей изъ мрака и стѣсненія къ свободѣ и просвѣщенію — вотъ такія стремленія одушевляли теперь молодыхъ дочерей старинныхъ дворянскихъ фамилій, которыя въ теченіи цѣлаго ряда поколѣній воспитывали своихъ женскихъ членовъ исключительно для свѣтской жизни и для дома, вырабатывая изъ нихъ свѣтскихъ дамъ, хозяекъ и женъ. Теперь онѣ совершенно естественно относились съ враждою и непониманіемъ къ этой неожиданной вспышкѣ духа самостоятельности и оппозиціи у молодыхъ дѣвушекъ, которыя вели совершенно обособленную жизнь, не имѣвшую ничего общаго съ жизнью старшихъ. «О, это было такое счастливое время!» восклицала часто Софья, разсказывая объ этомъ періодѣ своей жизни. «Мы такъ сильно увлекались новыми идеями, открывавшимися передъ нами, мы были такъ глубоко убѣждены, что существующее состояніе общества не можетъ долго продлиться, мы уже видѣли въ недалекомъ будущемъ наступленіе новаго времени, времени свободы и всеобщаго просвѣщенія, мы мечтали объ этомъ времени, мы были глубоко убѣждены, что оно скоро

наступитъ! И намъ была невѣроятно пріятна мысль, что мы уже живемъ одною общею мыслью съ этимъ временемъ».

«Когда тремъ или четыремъ изъ насъ, молодежи, случалось гдѣ-нибудь въ гостиной встрѣтиться впервые среди цѣлаго общества старшихъ, при которыхъ мы не смѣли громко выражать своихъ мыслей, намъ достаточно было намека, взгляда, жеста, чтобы понять другъ друга и узнать, что мы находимся среди своихъ, а не среди чужихъ. И когда мы убѣждались въ этомъ, какое большое, тайное, непонятное для другихъ счастье доставляло намъ сознаніе, что вблизи насъ находится этотъ молодой человѣкъ, или эта молодая дѣвушка, съ которыми мы, быть можетъ, раньше и не встрѣчались, съ которыми мы едва обмѣнивались нѣсколькими незначущими словами, но которые, какъ мы знали, одушевлены тѣми же идеями, тѣми же надеждами, тою же готовностью жертвовать собою для достиженія извѣстной цѣли, какъ и мы сами!»

Никто въ этомъ кружкѣ молодежи, группировавшейся вокругъ Анны, старшей сестры Софьи, не обращалъ вниманія на юную Соню. Она по наружности казалась еще совершеннымъ ребенкомъ и ее принимали вездѣ любезно ради старшей сестры. Анна отъ всего сердца любила свою маленькую, застѣнчивую сестренку съ зеленоватыми глазами съ поволокой, которые вспыхивали отъ счастья при вся-

комъ пылкомъ, восторженномъ словѣ, сказанномъ кѣмъ-либо изъ старшихъ. Соня держала себя всегда въ тѣни своей старшей, болѣе блестящей сестры, которою она несказанно восхищалась, считая ее несравненно выше себя во всѣхъ отношеніяхъ и по красотѣ, и по талантамъ, и по уму. Въ ея восторженномъ поклоненіи проглядывала и добрая доля зависти, но не той, которая старается свой идеалъ унизить и низвести до своего уровня, а той зависти, которая старается подражать и уподобиться ему. Эта зависть, о которой Софья сама упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ дѣтства, не покидала ее въ теченіи всей жизни. Она всегда отличалась способностью преувеличивать у другихъ тѣ достоинства, которыми желала обладать, и глубоко сожалѣла о томъ, что природа лишила ее ихъ. Что̀ сильнѣе всего дѣйствовало на нее, это красивая наружность и грація—качества, которыми, ея сестра, повидимому, обладала въ гораздо большей степени, чѣмъ она, почему Софья старалась превзойти ее въ другомъ отношеніи. Она съ раннихъ лѣтъ слышала постоянныя похвалы своимъ необыкновеннымъ умственнымъ способностямъ, своей врожденной любви къ ученью, и становилась все болѣе и болѣе прилежною подъ вліяніемъ честолюбія и благодаря постояннымъ поощреніямъ со стороны своего учителя математики. Она выказывала такую силу и быстроту соображенія, такое богатство мыслительныхъ способностей, что

относительно ея пригодности къ научнымъ занятіямъ нечего было и сомнѣваться. Тѣмъ не менѣе отецъ, который, благодаря исключительно вліянію на него друга дѣтства, страстнаго математика, открывшаго необыкновенныя способности Сони, одобрялъ ея стремленіе къ знанію, столь рѣдкое у молодыхъ дѣвушекъ, пришелъ въ ужасъ при первомъ подозрѣніи о намѣреніи дочери продолжать и дальше свои научныя занятія, при ея первомъ робкомъ намекѣ на желаніе ѣхать учиться въ заграничный университетъ. Онъ отнесся такъ же враждебно къ этому ея желанію, какъ и къ литературной дѣятельности Анны, возбудившей въ немъ такой сильный гнѣвъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Другими словами, онъ увидѣлъ въ этомъ преступное стремленіе выйти за дозволенные предѣлы, за условныя рамки. Вообще молодыя дѣвушки хорошихъ фамилій, увлекавшіяся такого рода планами жизни, казались въ глазахъ окружающихъ простыми искательницами приключеній, доставлявшими своимъ родителямъ только стыдъ и горе.

Такимъ-то образомъ въ старинномъ дворянскомъ домѣ существовали рядомъ эти два, столь противоположныя течевія: одно тайное и подавленное, но сильное, стремящееся порвать свои узы, рвущееся неудержимо впередъ, старающееся пробить себѣ новые пути, подобно естественной силѣ—Naturkraft; другое открытое, идущее на проломъ, убѣжденное въ своемъ неотъемлемомъ правѣ—родительскій дес-

потизмъ, употребляющій всѣ усилія, чтобы сдержать и обуздать, подавить и урегулировать эту непонятную, только недавно появившуюся силу.

Анна и одна изъ ея подругъ, воодушевленная тѣмъ же рвеніемъ къ знанію и встрѣтившая такое же противодѣйствіе со стороны своихъ родителей, приняли смѣлое рѣшеніе. Одна изъ нихъ, безразлично которая, должна была вступить въ тотъ идеальный, платоническій бракъ, который могъ помочь имъ добиться свободы. Стоило только одной изъ нихъ выйти замужъ, и родители другой немедленно дали бы ей разрѣшеніе поѣхать заграницу вмѣстѣ съ замужней подругой, въ виду того, что такого рода поѣздка имѣла бы видъ путешествія ради удовольствія, а не ради какихъ-то научныхъ занятій. И маленькая Соня могла бы тогда отправиться съ ними, потому что она была всегда тѣнью своей старшей сестры и одна изъ нихъ была немыслима безъ другой.

Планъ былъ быстро выработанъ, но нужно было найти подходящаго молодого человѣка для осуществленія этого плана. Анна и Инна стали искать между своими знакомыми, и наконецъ выборъ ихъ палъ на одного молодого профессора университета; онѣ были съ нимъ едва знакомы, но знали его за честнаго человѣка, преданнаго общимъ, и ихъ одушевлявшимъ, цѣлямъ. И вотъ однажды всѣ три дѣвушки — Соня, какъ всегда, слѣдовала за ними — отправились къ нему на квартиру.

Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и занимался, когда слуга неожиданно ввелъ къ нему трехъ молодыхъ дѣвушекъ. Появленіе ихъ очень удивило его, такъ какъ онѣ не принадлежали къ кружку его женскихъ знакомыхъ. Но онъ любезно принялъ ихъ и попросилъ садиться. Онѣ усѣлись рядомъ на большой диванъ, и въ комнатѣ воцарилось неловкое молчаніе.

Профессоръ сидѣлъ на качалкѣ и разсматривалъ одну за другою этихъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ молча передъ нимъ: высокую, тонкую, бѣлокурую Анну, съ ея необыкновенно гибкою граціею въ движеніяхъ и большими, темно-синими глазами, которые безъ признака застѣнчивости, но съ нѣкоторымъ колебаніемъ, были устремлены на него, рослую, полную брюнетку Инну, съ орлинымъ носомъ и смѣлымъ взглядомъ черныхъ, рѣзко оттѣненныхъ глазъ, и маленькую Соню съ ея густыми, вьющимися волосами, чистыми правильными чертами лица, дѣтскимъ, невиннымъ лбомъ и страстно напряженнымъ взглядомъ блестящихъ глазъ, съ вопросительнымъ выраженіемъ глядѣвшихъ на него.

Наконецъ Анна заговорила, какъ и было условлено раньше, и предложила, безъ тѣни замѣшательства, слѣдующій вопросъ: не желаетъ-ли профессоръ «доставить имъ свободу» путемъ фиктивнаго брака съ одною изъ нихъ, чтобы дать имъ возможность уѣхать въ какой-либо германскій или швейцарскій университетъ.

Въ другой странѣ и при другихъ обстоятельствахъ такого рода вопросъ, заданный молодому человѣку красивою молодою дѣвушкою, заставилъ бы перваго непремѣнно вложить въ свой отвѣтъ оттѣнокъ ироніи или скрасить отказъ комплиментомъ. Но прсфессоръ оказался на уровнѣ своего положенія—Анна не ошиблась въ своемъ выборѣ—,и отвѣчалъ имъ совершенно серьезно и холодно, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія принять такое предложеніе.

А дѣвушки? Вы думаете, можетъ быть, что онѣ почувствовали себя оскорбленными такимъ отказомъ? Ничуть не бывало. Женская гордость ихъ была тутъ не при чемъ. Вѣдь и вопроса не могло быть о томъ, чтобы лично понравиться профессору. Онѣ приняли этотъ отказъ такъ же равнодушно, какъ принялъ бы его мужчина, который бы предложилъ своему собесѣднику сопутствовать ему. Онѣ спокойно встали и ушли; онъ проводилъ ихъ до двери и на прощаніе подалъ имъ руку. Въ теченіи многихъ лѣтъ они больше не встрѣчались. Молодыя дѣвушки не боялись, чтобы онъ злоупотребилъ оказаннымъ ему довѣріемъ, потому что знали его принадлежность къ священному союзу, къ которому принадлежали и онѣ. Это не былъ союзъ въ настоящемъ смыслѣ слова, но это была связь, подразумѣваемая между людьми, сердца которыхъ бились въ унисонъ и стремились къ общей силѣ. Пятнадцать лѣтъ спустя,

когда г-жа Ковалевская находилась уже въ апогеѣ своей славы, она однажды, въ бытность свою въ Петербургѣ, встрѣтилась въ обществѣ съ этимъ господиномъ и оба со смѣхомъ вспоминали это приключеніе молодости.

Около этого времени одна изъ подругъ Анны позволила себѣ унизительный поступокъ—вышла замужъ по любви. Какъ онѣ презирали ее и какъ сожалѣли о ней! Какъ особенно сильно сжималось сердце Сони отъ негодеванія за такую жалкую измѣну своимъ идеаламъ! И какъ сама новобрачная стыдилась передъ подругами своего поступка, точно паденія! Она ни разу не осмѣлилась заговорить при нихъ о своемъ супружескомъ счастіи и запретила мужу выказывать ей при подругахъ какуюбы то ни было нѣжность.

Между тѣмъ въ жизни Сони произошло впезапно нѣчто неожиданное.

Анна и Инна, не смущаясь первою неудачею, продолжали заботиться объ осуществленіи своихъ плановъ и избрали себѣ въ освободители другого молодого человѣка. Это былъ еще студентъ, но онъ считался очень талантливымъ и собирался самъ ѣхать заграницу для продолженія своихъ научныхъ занятій. Такъ какъ онъ былъ хорошей фамиліи и пользовался репутаціей выдающагося молодого человѣка съ блестящею будущностью, то можно было надѣяться, что родители Анны и Инны ничего не бу-

дутъ имѣть противъ такого рода партіи для своихъ дочерей.

На этотъ разъ предложеніе было сдѣлано далеко не въ такой торжественной обстановкѣ, какъ въ первый разъ. Анна воспользовалась случайною встрѣчею у однихъ знакомыхъ, у которыхъ они часто видѣлись, и въ разговорѣ съ нимъ изложила свои планы, спросивъ, согласенъ-ли онъ будетъ помочь имъ. Онъ далъ на это совершенно неожиданный отвѣтъ: онъ съ удовольствіемъ соглашался помочь имъ, только съ небольшимъ измѣненіемъ въ программѣ, а именно —жениться не на Аннѣ или Иннѣ, а на Сонѣ.

Этотъ отвѣтъ сильно опечалилъ заговорщицъ, потому что какъ можно было добиться согласія отца на бракъ этого ребенка, когда 23-хлѣтняя Анна была еще не за мужемъ? Если бы подходящая партія представилась для старшей дочери, отецъ навѣрное ничего не имѣлъ бы противъ,—въ этомъ онѣ были увѣрены. Она доставляла ему не мало безпокойствъ своимъ увлекающимся характеромъ, своими фантастическими идеями, и притомъ она была уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда молодыя дѣвушки должны выходить замужъ. Конечно, Ковалевскій былъ еще очень молодъ, но передъ нимъ открывалась блестящая будущность, и отецъ навѣрное не противился бы его женитьбѣ на старшей дочери. Но Соня? Нѣтъ, никогда! Предложеніе было сдѣлано, но отвергнуто тотчасъ

самымъ рѣшительнымъ, безапелляціоннымъо бразомъ, послѣ чего начались поспѣшныя приготовленія для отъѣзда въ Палибино *).

Что тутъ было дѣлать? Возвратиться въ Палибино значило разстаться со всѣми надеждами, всѣми интересами, которыми дѣвушки дышали и жили. Это было равносильно заключенію въ тюрьму, съ тѣмъ различіемъ, что тутъ не было сознанія мученичества за великое дѣло, такъ что дѣйствительная тюрьма казалась для нихъ лучше, чѣмъ угрожавшее имъ жалкое, безцѣльное существованіе, лишенное всякой поэзіи.

Тогда на выручку всѣхъ явилась Соня, принявшая смѣлое рѣшеніе. Эта кроткая дѣвочка, которая не могла выносить малѣйшаго недружелюбнаго взгляда или сердитой интонаціи голоса у людей, которыхъ она любила, сдѣлалась опорою для своихъ подругъ въ эту критическую минуту. Несмотря на всю нѣжность и впечатлительность, лежавшія въ основѣ ея натуры, въ ней иногда, въ рѣшительные моменты, проявлялась необыкновенная твердость характера и непоколебимое упорство. Она, которая сегодня съ нѣжностью котенка прижималась къ тому, кто привлекалъ ее къ себѣ ласковымъ взглядомъ, и съ глубокою любовью бросалась къ нему на шею, могла, когда въ ней возбуждался духъ борьбы, попирать ногами всѣ отношенія и хладнокровно оскорблять того, кого она за минуту передъ тѣмъ осыпала

*) Имѣніе Круковскихъ.

самыми горячими выраженіями привязанности. Это объяснялось интенсивностью желаній, которыя у нея принимали всегда размѣры настоящей страсти, хотя бы вопросъ шелъ о вещи, не имѣвшей ничего общаго съ чувствомъ. То, къ чему она стремилась, чего она хотѣла, она старалась достичь съ болѣзненною интенсивностью, съ готовностью погибнуть, въ случаѣ неудачи. А теперь всѣ ея желанія сосредоточивались на одномъ: вырваться на волю, уѣхать изъ родительскаго дома, продолжать свое ученіе, чего бы это ни стоило.

У родителей дѣлались приготовленія къ званному семейному обѣду. Мать отправилась за покупками: букетами цвѣтовъ для стола и новыми нотами для рояля; отецъ находился въ клубѣ, а гувернантка помогала горничной убирать гостиную растеніями. Дѣвушки сидѣли однѣ въ своей комнатѣ, гдѣ на стульяхъ разложены были новыя красивыя платья, приготовленныя для обѣденнаго туалета.

Онѣ никогда не выходили изъ дому однѣ, а всегда въ сопровожденіи слуги или гувернантки, но сегодня Соня воспользовалась этою минутою, когда всѣ были заняты, и съ помощью сестры надѣла пальто и шляпу. Анна провела ее внизъ по лѣстницѣ, подождала, пока она не проскользнула въ дверь, и затѣмъ съ сильно бьющимся сердцемъ вернулась въ свою комнату, гдѣ начала наряжаться въ свое свѣтло-голубое платье.

На дворѣ наступили уже сумерки; начали зажи-

гать первые газовые фонари. Соня, съ опущеннымъ вуалемъ, закутанная въ башлыкъ, робко шла по широкимъ улицамъ, почти пустымъ въ этотъ часъ дня, по которымъ ей еще ни разу не приходилось идти одной. Ея сердце сильно билось отъ того лихорадочнаго волненія, которое овладѣваетъ молодежью при всякомъ смѣломъ рѣшеніи и придаетъ ей такую привлекательность. Она чувствовала себя героинею начинающагося романа, она, маленькая Соня, которая до сихъ поръ была тѣнью своей сестры,—героиней романа совершенно иного рода, чѣмъ тѣ банальные любовные романы, которыми наполнена наша литература и которые она отъ души презирала.

Не на любовное свиданіе спѣшила она этими быстрыми, твердыми, ровными, мелкими шагами, не страстное чувственное влеченіе заставляло ея сердце усиленно биться, когда она, съ трудомъ переводя дыханіе и безумно краснѣя, какъ ребенокъ, какимъ она и была въ дѣйствительности, поспѣшно поднималась по тремъ мрачнымъ лѣстницамъ неказистаго дома, стоявшаго на одной изъ боковыхъ улицъ города. Она три раза быстро и нервно постучала въ дверь, которая въ ту же минуту раскрылась; молодой человѣкъ, вышедшій къ ней на встрѣчу, очевидно стоялъ на стражѣ, чтобы не заставлять ее долго ждать. Онъ тотчасъ провелъ ее въ простую студенческую комнату, гдѣ на всѣхъ стульяхъ и столахъ валялись въ безпорядкѣ книги,

и только на стареньком диванѣ было пустое мѣсто, какъ бы нарочно очищенное для нея.

Молодой человѣкъ по наружности своей не походилъ на героя романа. Его густая рыжеватая борода и слишкомъ большой носъ дѣлали его некрасивымъ; но стоило ему посмотрѣть на васъ своими темносиними глазами, и вы поражались выраженіемъ ихъ, одновременно умнымъ, привѣтливымъ и добрымъ, такъ что невольно чувствовали къ нему сердечное влеченіе. Его обращеніе съ молодою дѣвушкою, такимъ оригинальнымъ образомъ довѣрившейся ему, было совершенно братское: передъ ней стоялъ точно ея старшій братъ.

Молодые люди сидѣли въ напряженномъ ожиданіи, прислушиваясь, не раздаются-ли на лѣстницѣ быстрые и громкіе шаги. Соня не разъ то блѣднѣла, то краснѣла отъ волненія, воображая, что кто-то поднимается вверхъ и подходитъ къ двери.

Между тѣмъ родители вернулись домой, но, какъ и предполагали дѣвушки, лишь незадолго до обѣда, такъ что едва успѣли переодѣться до съѣзда гостей. Поэтому отсутствіе младшей дочери было замѣчено только тогда, когда всѣ собрались въ столовую, чтобы сѣсть за столъ.

— Гдѣ же Соня?—спросили разомъ отецъ и мать блѣдную Анюту, которая сегодня казалась серьезнѣе и сдержаннѣе обыкновеннаго, съ вызывающимъ и въ то же время, вопросительнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Она вышла изъ дому,—отвѣтила Анна тихимъ, слегка дрожащимъ голосомъ, съ трудомъ справляясь со своимъ волненіемъ, между тѣмъ какъ глаза ея смотрѣли въ сторону, избѣгая взгляда отца.

— Вышла? Что это значитъ? Съ кѣмъ?

— Одна. На ея туалетѣ лежитъ записка.

Слуга получилъ приказъ тотчасъ же принести записку. Присутствующіе сѣли за столъ среди мертвенной тишины.

Соня лучше разсчитала ударъ, чѣмъ сама, быть можетъ, понимала. Въ своемъ дѣтскомъ задорѣ, съ свойственнымъ молодежи неудержимымъ эгоизмомъ, который не даетъ никому пощады и не понимаетъ, какія страданія причиняетъ иногда окружающимъ, она задѣла отца за самое больное мѣсто. Въ присутствіи всѣхъ своихъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ она заставила его вытерпѣть униженіе, которому подвергалъ его странный поступокъ его дочери. Въ поданной лакеемъ запискѣ заключалось только слѣдующее:

«Папа, прости меня, я у Владиміра. Прошу тебя не противиться больше моему браку съ нимъ».

Иванъ Сергѣевичъ молча прочиталъ эти строки и сейчасъ же всталъ изъ-за стола, пробормотавъ нѣсколько словъ извиненія своимъ ближайшимъ сосѣдямъ.

Десять минутъ спустя Соня и ея товарищъ, все съ большимъ и большимъ страхомъ прислушивав-

шіеся къ малѣйшему шуму, услышали, наконецъ, на лѣстницѣ быстрые, гнѣвные шаги, которыхъ они съ такою боязнью ожидали. Дверь, оставленная незапертою, раскрылась безъ предварительнаго стука, генералъ Круковскій показался на порогѣ и подошелъ къ дрожащей дочери.

Къ концу обѣда отецъ и дочь вошли въ столовую въ сопровожденіи Владиміра Ковалевскаго.

— Позвольте мнѣ представить вамъ жениха моей дочери Сони,—сказалъ Иванъ Сергѣевичъ взволнованнымъ голосомъ.

II.

Въ университетѣ.

Въ такихъ приблизительно чертахъ изображала мнѣ Софья этотъ драматическій прологъ къ своему замужеству. Родители простили ее и вскорѣ въ Полибинѣ отпразднована была и ея свадьба, 1 октября 1868 г., послѣ чего новобрачные отправились въ Петербургъ. Одна подруга, впослѣдствіи очень сблизившаяся съ нею, слѣдующимъ образомъ описываетъ впечатлѣніе, которое Софья производила въ то время на окружающихъ. «Среди всѣхъ этихъ преданныхъ политикѣ женщинъ и дѣвушекъ, въ большей или меньшей степени истощенныхъ жизнью, она производила совершенно своеобразное впечатлѣніе своею дѣтскою наружностью, доставившей ей ласковое прозвище воробышка. Ей минуло уже восемнадцать лѣтъ, но на видъ она казалась гораздо моложе. Маленькаго роста, худенькая, но довольно полная въ лицѣ, съ коротко обстриженными вью-

щимися волосами темнокаштановаго цвѣта, съ необыкновенно выразительнымъ и подвижнымъ лицомъ, съ глазами, постоянно мѣнявшими выраженіе, то блестящими и искрящимися, то глубоко мечтательными, она представляла собою оригинальную смѣсь дѣтской наивности съ глубокою силою мысли. Она привлекала къ себѣ сердца всѣхъ безъискусственною прелестью, отличавшею ее въ этотъ періодъ ея жизни; и старые, и молодые, и мужчины, и женщины были всѣ увлечены ею. Глубоко естественная въ своемъ обращеніи, безъ тѣни кокетства, она какъ бы не замѣчала возбуждаемаго ею поклоненія. Она не обращала ни малѣйшаго вниманія на свою наружность и свой туалетъ, который отличался всегда необыкновенною простотою съ примѣсью нѣкоторой безпорядочности, не покидавшей ее въ теченіе всей жизни».

Поживши полгода въ Петербургѣ, молодые супруги весною 1869 г. переѣхали въ Гейдельбергъ: Софья—для изученія математики, а ея мужъ—для продолженія своихъ занятій по геологіи. Записавшись въ тамошній университетъ, они на время лѣтнихъ вакансій отправились путешествовать въ Англію, гдѣ Софьѣ удалось познакомиться со многими выдающимися людьми того времени: съ Джорджъ Эллiотъ, Дарвиномъ, Спенсеромъ и др. Въ дневникѣ Джорджъ Элліотъ, напечатанномъ въ ея біографіи, составленной г. Кроссомъ, мы находимъ слѣдующія

строки отъ 5 октября 1869 г.: «Въ воскресенье я принимала визитъ одной интересной русской парочки — г-на и г-жи Ковалевскихъ: она, премилое существо, чрезвычайно привлекательное и скромное въ рѣчахъ и обращеніи, изучаетъ въ Гейдельбергѣ математику (по особому разрѣшенію, полученному съ помощью Кирхгоффа), а онъ—симпатичный и умный человѣкъ, занимается изученіемъ конкретныхъ наукъ, спеціалистъ по геологіи, ѣдетъ въ Вѣну, гдѣ думаетъ пробыть шесть мѣсяцевъ, оставивъ жену въ Гейдельбергѣ».

Планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ Владиміръ прожилъ одинъ семестръ въ Гейдельбергѣ вмѣстѣ съ женою. Жизнь ихъ въ теченіе этого времени описывается слѣдующимъ образомъ тою же подругою, замѣчанія которой я уже приводила выше, и которая, только благодаря посредничеству Софьи, получила отъ родителей позволеніе отправиться заграницу, чтобы вмѣстѣ съ своею замужнею подругою учиться въ университетѣ:

«Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Гейдельбергъ, вернулась изъ Англіи и Софья со своимъ мужемъ. Она казалась очень счастливою и какъ нельзя болѣе довольною своею поѣздкою. Я нашла ее такою же свѣжею, такою же розовою и привлекательною, какъ и при первомъ нашемъ знакомствѣ; только теперь въ ея глазахъ было больше огня и блеска. Она была одушевлена еще большею,

чѣмъ прежде энергіею для продолженія своихъ только что начатыхъ научныхъ занятій. Это серьезное стремленіе къ знанію не мѣшало ей находить удовольствіе и во всевозможныхъ другихъ вещахъ, даже въ самыхъ, повидимому, пустякахъ. Я вспоминаю нашу прогулку втроемъ на другой день послѣ ея возвращенія. Мы отправились гулять въ окрестностяхъ Гейдельберга, зашли довольно далеко и, очутившись на ровной дорогѣ, пустились вдвоемъ, Соня и я, бѣжать въ перегонку, точно двое малыхъ дѣтей. Господи Боже, сколько веселья и радости въ этихъ воспоминаніяхъ о первомъ времени нашей университетской жизни! Соня казалась мнѣ тогда такою счастливою, и притомъ счастливою на совершенно новый ладъ! Тѣмъ не менѣе, когда ей случалось впослѣдствіи говорить о своей молодости, она упоминала о ней съ горькимъ чувствомъ недовольства, какъ бы считая, что молодость для нея промелькнула совершенно даромъ. Мнѣ тогда припоминались всегда эти первые мѣсяцы въ Гейдельбергѣ, наши восторженные споры о всевозможныхъ предметахъ, ея поэтическія отношенія къ молодому мужу, который въ то время любилъ ее совершенно идеальною любовью, безъ малѣйшей примѣси чувственности. Она повидимому, съ такою-же нѣжностью относилась къ нему. Обоимъ имъ была, повидимому, еще чужда та болѣзненная низменная страсть, которую называютъ обыкновеннно именемъ любви. Когда я вспо-

минаю все это, мнѣ кажется, что Софья не имѣла основаній жаловаться: ея молодость была полна самыхъ благородныхъ чувствъ и стремленій, и рядомъ съ нею, рука объ руку, жилъ человѣкъ, нѣжно, со сдержанною страстью любившій ее. Въ этотъ только годъ я и помню Софью счастливою. Нѣсколько позже, да уже на слѣдующій годъ, было совсѣмъ не то».

«Лекціи начались тотчасъ послѣ нашего пріѣзда. Днемъ мы все время проводили въ университетѣ, а вечера свои посвящали также занятіямъ. Но за то по воскресеньямъ мы всегда дѣлали большія прогулки въ окрестностяхъ Гейдельберга, а иногда ѣздили и въ Мангеймъ, чтобы побывать въ театрѣ. Знакомыхъ у насъ было очень мало, и мы только въ очень рѣдкихъ случаяхъ наносили визиты нѣкоторымъ профессорскимъ семьямъ».

«Соня сразу обратила на себя вниманіе преподавателей своими необыкновенными математическими способностями. Профессоръ Кенигсбергъ, знаменитый химикъ Кирхгоффъ, у котораго она прошла цѣлый курсъ практической физики, и всѣ остальные профессора приходили въ восторгъ отъ своей даровитой слушательницы и разсказывали о ней, какъ о чемъ-то необыкновенномъ. Слухи объ удивительной русской студенткѣ распространились по всему маленькому городу, такъ что на улицѣ часто останавливались, чтобы посмотрѣть на нее. Однажды вернувшись домой, она разсказывала мнѣ, смѣясь,

какъ одна бѣдно одѣтая женщина съ ребенкомъ на рукахъ остановилась при видѣ ея и громко сказала малюткѣ: «Sieh, sieh, das ist das Mädchen, was so fleissig in die Schule geht». Софья держалась всегда въ сторонѣ отъ своихъ профессоровъ и товарищей; въ обращеніи ея съ ними сквозила всегда большая застѣнчивость и даже смущеніе. Въ университетъ она не входила никогда иначе, какъ съ опущенными глазами, не рѣшаясь остановить на комъ-либо свой взоръ. Она разговаривала съ товарищами только тогда, когда это было абсолютно необходимо для ея занятій. Это скромное обращеніе очень нравилось ея нѣмцамъ-профессорамъ, которые, вообще, придавали большое значеніе скромности у женщины, особенно у такой выдающейся, какъ Соня, которая вдобавокъ занималась такою отвлеченною наукою, какъ математика».

«И эта скромность вовсе не была напускною въ этотъ періодъ жизни Сони. Я припоминаю, какъ, вернувшись однажды изъ университета домой, она разсказывала мнѣ, что ей во время лекціи бросилась въ глаза ошибка, которую одинъ изъ профессоровъ или студентовъ сдѣлалъ въ выкладкѣ, написанной имъ на доскѣ. Бѣдняга мучился надъ своею задачею, никакъ не понимая, въ чемъ собственно кроется ошибка. Софья долго колебалась, наконецъ рѣшилась и съ сильно бьющимся сердцемъ встала, подошла къ доскѣ и выяснила недоразумѣніе».

«Но нашей жизни втроемъ, такой счастливой и такой содержательной, благодаря Ковалевскому, съ живымъ интересомъ относившемуся ко всевозможнымъ вопросамъ, даже къ такимъ, которые не имѣли никакого отношенія къ наукѣ, не суждено было продолжаться. Уже въ началѣ зимы къ намъ пріѣхали сестра Сони и ея подруга Инна — обѣ гораздо старше насъ. Такъ какъ помѣщеніе наше оказалось недостаточно просторнымъ для пріема новыхъ жильцовъ, то Ковалевскій переѣхалъ на другую квартиру, уступивъ пріѣзжимъ свою комнату».

«Софья часто посѣщала его и проводила у него цѣлые дни; иногда они предпринимали вдвоемъ безъ насъ большія прогулки. Для нихъ, конечно, общество столькихъ дамъ не всегда могло быть пріятнымъ, тѣмъ болѣе, что Анна и ея подруга часто не любезно обращались съ Ковалевскимъ. У нихъ были на это свои причины; онѣ находили, что разъ бракъ фиктивенъ, Ковалевскому не слѣдуетъ придавать своимъ отношеніямъ къ Сонѣ слишкомъ интимный характеръ. Это вмѣшательство постороннихъ лицъ въ жизнь молодыхъ супруговъ приводило не разъ къ мелкимъ стычкамъ и испортило вскорѣ хорошія отношенія, существовавшія между членами нашего маленькаго кружка».

«Послѣ цѣлаго семестра, проведеннаго такимъ образомъ, Ковалевскій рѣшился уѣхать изъ Гейдельберга, гдѣ ему уже не жилось такъ хорошо, какъ

прежде. Онъ отправился въ Іену, а потомъ въ Мюнхенъ, и всею душою предался тамъ научнымъ занятіямъ. Это былъ очень талантливый, трудолюбивый человѣкъ, совершенно безпритязательный въ своихъ привычкахъ и не чувствовавшій никогда потребности въ развлеченіяхъ. Софья говорила часто, что ему «нужно только имѣть около себя книгу и стаканъ чая, чтобы чувствовать себя вполнѣ удовлетвореннымъ».

«Но въ этой особенности его характера было въ сущности нѣчто, оскорблявшее Соню. Она начала ревновать его къ его занятіямъ, такъ какъ ей казалось, что они ему вполнѣ замѣняютъ ее и что она при этомъ отступаетъ на задній планъ. Мы нѣсколько разъ ѣздили съ нею въ гости къ нему, а между семестрами они совершили вдвоемъ путешествіе, доставившее Сонѣ большое удовольствіе. Но она никакъ не могла примириться съ тѣмъ, чтобы жить отдѣльно отъ мужа, и начала безпокоить его безконечными требованіями: она то увѣряла, что не можетъ одна безъ него путешествовать и просила его сопутствовать ей туда, куда она желала ѣхать, не обращая вниманія на то, что онъ находится въ самомъ разгарѣ своихъ занятій; то заставляла его исполнять разнаго рода порученія и помогать ей въ разнаго рода мелочахъ, которыя онъ всегда охотно и весьма любезно бралъ на себя, но которыя стѣсняли его теперь въ виду его усиленныхъ занятій».

Когда Софья много лѣтъ спустя разговаривала со мною о своей прошлой жизни, она съ наибольшею горечью выражала всегда слѣдующую жалобу: «никто меня никогда не любилъ искренно». Когда я возражала ей на это: «но вѣдь мужъ твой любилъ тебя такъ горячо!»—она всегда отвѣчала: «онъ любилъ меня только тогда, когда я находилась возлѣ него. Но онъ всегда умѣлъ отлично обходиться и безъ меня».

Объясненіе, почему онъ въ это время и при существующихъ обстоятельствахъ предпочиталъ жить отдѣльно отъ нея, а не вмѣстѣ, повидимому, не трудно. Но Софья съ дѣтства и до послѣдняго года своей жизни отличалась удивительнымъ пристрастіемъ къ неестественнымъ и обостреннымъ отношеніямъ. Ей всегда хотѣлось обладать, не отдаваясь самой. Я думаю, что этимъ въ значительной степени объясняются всѣ трагическія обстоятельства ея жизни.

Я позволю себѣ при этомъ привести еще нѣсколько замѣтокъ ея подруги и соученицы, относящихся къ этому времени. Изъ нихъ видно, какъ уже въ ранней юности развиты были у Софьи тѣ особенности характера, которыя лежали въ основаніи всѣхъ терзаній и мученій ея дальнѣйшей жизни.

«Она не могла выносить неудачи. Стоило ей задаться какою-нибудь цѣлью, и она всѣми силами стремилась къ достиженію ея, пуская для этого въ ходъ всѣ имѣющіяся подъ руками средства. Поэтому

она всегда достигала того, чего хотѣла, исключая тѣхъ случаевъ, когда на сцену выступало чувство, потому что тогда она, страннымъ образомъ, теряла совершенно обычную ей проницательность и ясность сужденій. Она требовала всегда слишкомъ многаго отъ того, кто любилъ ее и кого она съ свою очередь любила, и всегда какъ бы силою хотѣла брать то, что любящій человѣкъ охотно далъ бы ей и самъ, еслибы она не завладѣла этимъ насильно съ страстною настойчивостью. Она чувствовала всегда непреодолимую потребность въ нѣжности и задушевности, потребность имѣть постоянно возлѣ себя человѣка, который бы всѣмъ дѣлился съ нею, и въ то же время она дѣлала невозможною жизнь для человѣка, который вступалъ въ такого рода близкія отношенія къ ней. Она сама была слишкомъ безпокойнаго нрава, слишкомъ дисгармонична по своей натурѣ, чтобы на долгое время найти удовлетвореніе въ тихой жизни, полной любви и нѣжности, о которой она, повидимому, такъ страстно мечтала. При этомъ она была слишкомъ личною по своему характеру, чтобы обращать достаточно вниманія на стремленія и наклонности жившаго съ нею лица. Ковалевскій отличался также чрезвычайно безпокойнымъ характеромъ; онъ носился постоянно съ новыми планами и идеями. Богъ знаетъ, могли-ли бы при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ жизни прожить истинно счастливо вмѣстѣ эти два существа, такъ богато одаренные оба?»

Софья пробыла два семестра въ Гейдельбергѣ до осени 1870 г., а затѣмъ отправилась въ Берлинъ, чтобы продолжать тамъ свои занятія подъ руководствомъ профессора Вейерштрасса. За это время мужъ ея получилъ въ Іенѣ званіе доктора на основаніи сочиненія, обратившаго на него всеобщее вниманіе и доставившаго ему репутацію самостоятельнаго и выдающагося изслѣдователя.

III.

Годъ ученія у Вейерштрасса. Посѣщеніе Парижа во время коммуны.

Однажды, къ немалому удивленію профессора Вейерштрасса, къ нему явилась нѣсколько сконфуженная молодая студентка съ просьбою принять ее въ качествѣ ученицы по математикѣ. Въ ту пору Берлинскій университетъ былъ запертъ для женщинъ, какъ и теперь. Но Софья такъ горячо желала продолжать свои научныя занятія подъ руководствомъ того, кого обыкновенно называли отцомъ новаго математическаго анализа, что она рѣшилась обратиться непосредственно къ нему съ просьбою приватно заниматься съ нею. Профессоръ Вейерштрассъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ разсматривалъ неизвѣстную ему просительницу. Онъ обѣщалъ испытать ее и въ видѣ пробы задалъ рѣшить нѣсколько задачъ, приготовленныхъ имъ для нѣкоторыхъ изъ наиболѣе успѣвающихъ слушателей матема-

тическаго факультета, которымъ онъ задавалъ практическія упражненія. Убѣжденный, что она никогда не рѣшитъ ихъ, онъ пересталъ о ней и думать, тѣмъ болѣе, что наружность ея при этомъ первомъ посѣщеніи не произвела на него никакого впечатлѣнія. Она была, какъ всегда, очень дурно одѣта, но кромѣ того надѣла ради этого случая шляпу, почти совершенно скрывавшую ея лицо, такъ что ее скорѣе всего можно было принять за старую тетушку. Профессоръ Вейерштрассъ, какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ впослѣдствіи, при этомъ первомъ свиданіи съ Софьею, не замѣтилъ ни ея молодости, ни того обыкновенно умнаго и какъ бы одухотвореннаго выраженія лица, которое обыкновенно съ перваго взгляда располагало всѣхъ въ ея пользу.

Черезъ недѣлю она опять пришла къ нему и заявила, что уже рѣшила всѣ задачи. Онъ не повѣрилъ ей, но пригласилъ сѣсть рядомъ съ нимъ и началъ по пунктамъ провѣрять всѣ рѣшенія. Къ его великому удивленію оказалось, что не только всѣ задачи вѣрно рѣшены, но и необыкновенно хорошо и точно обоснованы. Въ пылу занятій она сняла съ себя шляпу, короткіе вьющіеся волосы упали ей на лобъ, она вся раскраснѣлась отъ радости по поводу его похвалъ, и старый профессоръ почувствовалъ приливъ чисто отцовской нѣжности къ этой юной, едва развившейся женщинѣ, обнаружившей такія обширныя мыслительныя способ-

ности, какія ему рѣдко случалось встрѣчать у своихъ взрослыхъ учениковъ. И съ этого времени великій математикъ сдѣлался ея другомъ на всю жизнь, самымъ вѣрнымъ, заботливымъ другомъ, какого она только могла пожелать себѣ, который всегда оказывалъ ей всевозможную помощь и поддержку. Въ его домѣ она была принята, какъ любимая дочь и сестра.

Въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ изучала она математику подъ руководствомъ Вейерштрасса, и эти годы оказали наиболѣе сильное вліяніе на всѣ ея дальнѣйшія научныя работы, потому что въ основаніи всѣхъ ихъ лежало направленіе, данное имъ, Вейерштрассомъ: всѣ онѣ представляютъ или дополненіе, или развитіе идей ея знаменитаго учителя.

Занятія производились слѣдующимъ образомъ: разъ въ недѣлю Вейштрассъ заходилъ къ ней, а каждое воскресенье вечеромъ она приходила къ нему. Мужъ ея проводилъ ее до Берлина, и затѣмъ оставилъ одну вмѣстѣ съ подругою ея изъ Гейдельберга. Отношенія ихъ были по прежнему чрезвычайно странныя и возбуждали нѣкоторое удивленіе въ домѣ Вейерштрасса, гдѣ мужъ никогда не показывался, не смотря на дружескія отношнія Софьи ко всѣмъ членамъ семьи: она его никогда не представляла имъ и никогда не упоминала въ разговорахъ его имени. Только иногда въ воскресенье вечеромъ, по окончаніи урока, Ковалевскій звонилъ у двери и гово-

рилъ открывавшей ему горничной: «скажите г-жѣ Ковалевской, что ее ожидаетъ у подъѣзда экипажъ».

Софья всегда стѣснялась неестественностью своихъ отношенiй къ мужу и одинъ изъ Гейдельбергскихъ профессоровъ разсказывалъ, что когда онъ однажды встрѣтился у нея съ Ковалевскимъ, она представила его подъ именемъ своего родственника.

Вотъ что ея подруга разсказываетъ о ихъ совмѣстной жизни въ Берлинѣ:

«Наша жизнь въ Берлинѣ была еще болѣе однообразною и уединенною, чѣмъ въ Гейдельбергѣ. Мы жили совершенно однѣ. Соня цѣлые дни проводила за письменнымъ столомъ, погруженная въ свои бумаги, я до самаго вечера занималась въ лабораторiи. Вечеромъ, пообѣдавши на скорую руку, мы опять принимались за занятiя. Кромѣ профессора Вейерштрасса, часто посѣщавшаго насъ, ни одна живая душа не переходила за порогъ нашей двери. Соня все время была въ самомъ грустномъ расположенiи духа; ничто, повидимому, не радовало ее, ко всему относилась она равнодушно, исключая своихъ занятiй. Посѣщенiя ея мужа всегда нѣсколько оживляли ее, хотя радость свиданiя нерѣдко омрачалась взаимными упреками и недоразумѣнiями. Они и теперь дѣлали вдвоемъ большiя прогулки».

«Когда же Соня оставалась одна со мною, она ни за что не хотѣла выходить изъ дому, ни для того, чтобы гулять, ни для того, чтобы идти въ театръ, ни

для того, чтобы дѣлать необходимыя покупки. На рождество мы были приглашены къ Вейерштрассамъ, которые спеціально для насъ устраивали ёлку. Сонѣ необходимо было пріобрѣсти новое платье, но она ни за что не соглашалась выйти купить его. Мы чуть не поссорились изъ за этого, потому что я не хотѣла идти одна покупать это платье. (Еслибы мужъ ея былъ дома, все устроилось бы какъ нельзя лучше, потому что онъ всегда заботился о всемъ необходимомъ для нея и выбиралъ ей не только матерію на платье, но и фасонъ). Наконецъ, споръ нашъ разрѣшился тѣмъ, что Соня поручила своей хозяйкѣ купить ей матерію и заказать платье, а сама все же не двинулась съ мѣста».

«Ея способность въ теченіе цѣлаго ряда часовъ предаваться самой усиленной умственной работѣ, ни разу не вставая изъ за своего письменнаго стола, была по истинѣ изумительна. И когда она послѣ того вечеромъ, проведя цѣлый день въ такой усиленной работѣ, отстраняла отъ себя бумаги и подымалась со стула, она была все еще такъ сильно погружена въ свои мысли, что начинала взадъ и впередъ ходить по комнатѣ быстрыми шагами и наконецъ просто бѣгать, громко разговаривая сама съ собою, а иногда разражаясь хохотомъ. Въ такія минуты она казалась совершенно оторванною отъ дѣйствительности; фантазія, повидимому, уносила ее далеко за предѣлы настоящаго. Но она никогда не соглаша-

лась разсказать мнѣ, о чемъ она думала въ это время».

«Она очень мало спала по ночамъ и сонъ ея всегда былъ неспокоенъ; часто она внезапно просыпалась, пробуждаемая какимъ-нибудь фантастическимъ сномъ, и просила меня придти посидѣть съ нею. Она охотно разсказывала свои сны, которые были всегда очень оригинальны и интересны. Они нерѣдко носили характеръ видѣній, которымъ она приписывала пророческое значеніе и которые дѣйствительно большею частью сбывались. Вообще она отличалась крайне нервнымъ темпераментомъ. Никогда не была она спокойна, всегда ставила себѣ для достиженія самыя сложныя цѣли, и тогда страстно желала достигнуть ихъ. Но не смотря на это, я никогда не видала ее въ такомъ грустномъ, подавленномъ настроеніи духа, какъ тогда, когда она достигала предположенной цѣли. Дѣйствительность, повидимому, никогда не соотвѣтствовала тому, что она рисовала себѣ въ своемъ воображеніи. Когда она работала, она доставляла окружающимъ мало удовольствія, такъ какъ была всецѣло погружена въ свои занятія и только о нихъ могла и думать; но когда ее видали такою грустною и печальною, среди полнаго успѣха, къ ней чувствовали невольно глубокое состраданіе. Эти постоянныя измѣненія настроеній въ ней, эти постоянные переходы отъ грусти къ радости и дѣлали ее такою интересною».

«Между тѣмъ въ цѣломъ наша жизнь въ Берлинѣ, на дурной квартирѣ, съ дурной пищею, среди дурного воздуха, при безпрерывной и очень утомительной работѣ и при отсутствіи какого бы то ни было развлеченія была до такой степени безрадостна, что я вспоминала о первомъ времени пребыванія въ Гейдельбергѣ, какъ объ утраченномъ раѣ. И Соня также, получивши осенью 1874 г. званіе доктора, чувствовала такой упадокъ силъ въ умственномъ и физическомъ отношеніи, что долгое время спустя послѣ своего возвращенія въ Россію не могла приняться ни за какую работу».

Это отсутствіе радости въ работѣ, о которомъ упоминаетъ ея подруга, преслѣдовало Софью впродолженіи всѣхъ ея научныхъ занятій. Она всегда доходила до крайности въ работѣ, вслѣдствіе чего лишала себя возможности наслаждаться при этомъ не только жизнью, но и самою работою: мысль дѣлалась ея тираномъ вмѣсто того, чтобы быть ея слугою, и потому радость творчества была совершенно незнакома ей въ такихъ случаяхъ. Не то было съ ея литературными работами: онѣ доставляли ей всегда величайшую радость и приводили въ самое свѣтлое настроеніе.

Но кромѣ изнурительной работы много было и другихъ причинъ, которыя придавали такой мрачный колоритъ ея занятіямъ въ Берлинѣ.

Больше всего ее тяготили отношенія ея къ мужу,

ложность ихъ взаимнаго положенія, и это тягостное чувство еще болѣе усиливалось, благодаря вмѣшательству родителей, которые часто пріѣзжали къ ней во время вакансій и увозили съ собою въ Россію. Мало-по-малу они догадались о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ между супругами. Они постоянно упрекали Софью за ея поведеніе относительно мужа и старались устроить между ними сближеніе, чему она всякій разъ упорно сопротивлялась.

Между тѣмъ въ дѣйствительности ея изолированное положеніе сильно тяготило ее. Въ ней уже тогда начала проявляться та жажда жизни, которая впослѣдствіи положительно пожирала ее; она въ душѣ не была нисколько похожа на синій чулокъ, какимъ она могла показаться тѣмъ, кто судилъ о ней по ея образу жизни; но ея застѣнчивость, непрактичность, сознаніе ложности въ своихъ личныхъ отношеніяхъ, боязнь скомпрометировать себя при своемъ одинокомъ положеніи, все это вмѣстѣ заставляло ее вести ту вполнѣ изолированную жизнь, въ которой она впослѣдствіи такъ горячо раскаивалась, вспоминая о своей молодости.

Благодаря непрактичности обѣихъ подругъ, матеріальная обстановка ихъ жизни была самая непривлекательная. Онѣ умудрялись всегда выбирать невозможныя квартиры, окружать себя самою дурною прислугою, даже питаться нехорошею пищею. Однажды онѣ попали въ руки цѣлой шайки воровъ,

которая систематически ограбила ихъ черезъ посредство горничной.

Софья отличалась необыкновеннымъ равнодушіемъ къ матеріальнымъ случайностямъ жизни, едва замѣчала, хороша или дурна та пища, которую ей приходилось ѣсть, и вообще такъ легко относилась къ мелкимъ житейскимъ неудачамъ, что фрейлейнъ Вейерштрассъ разсказывала о ней слѣдующій анекдотъ: какъ только она узнала о совершившейся у нея покражѣ, она прибѣжала къ нимъ въ сильнѣйшемъ волненіи, чуть не плача отъ страха. Но не прошло и получаса, какъ она до такой степени увлеклась интереснымъ разговоромъ, что совершенно забыла о приключившемся съ нею несчастьи.

IV.

Посѣщеніе Парижа во время коммуны.

Въ январѣ 1871 г., Софья, только что возобновившая свои занятія съ Вейерштрассомъ, принуждена была прервать ихъ, чтобы отправиться въ путешествіе, полное самыхъ удивительныхъ приключеній. Дѣло въ томъ, что Анна, которой однообразіе жизни въ Гейдельбергѣ быстро прискучило, отправилась въ Парижъ, не спросивъ на это у родителей позволенія и даже не увѣдомивши ихъ о своемъ переѣздѣ. Ей хотѣлось развить въ себѣ талантъ писательницы, и потому она не находила никакого интереса въ томъ, чтобы жить взаперти вмѣстѣ съ Софьей въ ея студенческой комнатѣ. Ей хотѣлось изучать жизнь, посѣщать театры, жить въ литературномъ центрѣ; вырвавшись изъ-подъ родительской опеки, она начала смѣло пробивать себѣ дорогу. Такъ какъ невозможно было сообщить отцу о ея намѣреніи съѣздить одной въ Парижъ, то она рѣ-

шилась обмануть его, увлекаемая страстнымъ желаніемъ устроить жизнь по своему. Она писала ему черезъ Софью, такъ что на ея письмахъ былъ всегда штемпель того города, въ которомъ жила Софья. Сначала Анна собиралась лишь на короткое время поѣхать въ Парижъ и успокаивала свою совѣсть тѣмъ, что она при свиданіи сама во всемъ признается отцу. Но въ Парижѣ она вступила въ новыя отношенія, до такой степени овладѣвшія ею, что она уже не въ силахъ была освободиться. И чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становилось для нея открыть правду родителямъ. Она полюбила молодого француза, сдѣлавшагося затѣмъ однимъ изъ руководителей коммуны, и прожила запертою въ Парижѣ впродолженіе всей осады.

Софья все время страшно безпокоилась о судьбѣ сестры, сознавая притомъ всю тяжесть отвѣтственности, падавшей на нее за участіе, оказанное ею въ дѣлѣ поѣздки Анны въ Парижъ. Поэтому она, тотчасъ послѣ снятія осады, рѣшилась отправиться съ мужемъ во Францію и пробраться въ Парижъ, чтобы отыскать свою сестру.

Разсказывая впослѣдствіи о своемъ путешествіи, Софья сама не могла дать себѣ отчета въ томъ, какъ имъ удалось проникнуть въ городъ черезъ нѣмецкія войска. Они шли пѣшкомъ, затѣмъ ѣхали лодкою на Сенѣ, подъ угрозою быть разстрѣлянными, но тѣмъ не менѣе счастливо перебрались на

противоположный берегъ и незамѣченными вошли въ Парижъ.

Они были тамъ при первомъ взрывѣ коммуны. Софья много лѣтъ спустя собиралась обработать въ литературной формѣ свои воспоминанія объ этомъ времени, но этому плану, къ несчастью, не суждено было осуществиться. Она, между прочимъ, хотѣла написать разсказъ подъ заглавіемъ: «Сестры Раевскія во времена коммуны». Въ немъ она собиралась описать одну ночь, проведенную ею въ госпиталѣ, гдѣ она и Анна ухаживали за больными и гдѣ онѣ встрѣтились съ нѣсколькими молодыми дѣвушками изъ ихъ прежняго круга въ Петербургѣ. Пока бомбы падали и все новые и новые раненые приносились въ больницу, дѣвушки шепотомъ обмѣнивались воспоминаніями о своей прошлой жизни, представлявшей такую глубокую противоположность съ настоящею и съ тою обстановкою, въ которую онѣ теперь попали, что все это казалось имъ точно сномъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Софья смотрѣла какъ на сонъ, какъ на волшебную сказку, на удивительныя сцены, разыгрывавшіяся вокругъ нея. Она была еще въ томъ возрастѣ, когда грандіозныя міровыя событія дѣйствуютъ на васъ, какъ увлекательный романъ. Безъ малѣйшаго чувства страха смотрѣла она на падающія вокругъ бомбы; только сердце ея билось при этомъ сильнѣе, а въ душѣ чувствовалась глубокая радость, что и ей приходится переживать эту драму.

Для своей сестры она въ этотъ разъ ничего не могла сдѣлать. Анна принимала самое горячее, самое страстное участіе въ политическихъ движеніяхъ того времени и ничего лучшаго не желала, какъ рисковать жизнью рядомъ съ человѣкомъ, съ которымъ она навсегда связала свою судьбу. Послѣ краткаго пребыванія въ Парижѣ супруги Ковалевскіе уѣхали, и Софья принялась вновь за свои прерванныя занятія.

Но послѣ подавленія коммуны она вновь была призвана въ Парижъ, на этотъ разъ самою сестрою. Анна умоляла ее заступиться за нее передъ отцемъ, къ которому она обратилась съ просьбою простить ее за ея обманъ, и помочь ей выпутаться изъ отчаяннаго положенія, въ какомъ она теперь находилась. Г. Ж. былъ схваченъ и осужденъ на смерть.

Если мы вспомнимъ портретъ отца, нарисованный самою Софьею въ ея воспоминаніяхъ дѣтства, мы поймемъ, какой тяжелый ударъ былъ нанесенъ ему этимъ извѣстіемъ, когда онъ сразу узналъ о томъ, какъ вѣроломно поступали съ нимъ его дѣти, и какъ устроила свою судьбу его старшая дочь, поведеніе которой шло совершенно въ разрѣзъ съ его понятіями и принципами. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ онъ пришелъ въ страшный гнѣвъ и волненіе, узнавъ о томъ, что Анна пишетъ повѣсти и получаетъ за это плату. «Теперь ты продаешь свою ра-

боту», вскричалъ онъ, «но я не могу поручиться за то, что ты не станешь въ скоромъ времени продавать и самое себя».

Къ общему удивленію онъ теперь гораздо болѣе кроткимъ образомъ принялъ это дѣйствительно тяжелое горе, причиненное ему дочерью. И онъ, и мать поспѣшили оба въ Парижъ, въ сопровожденіи Софьи и ея мужа, и при свиданіи съ виновною дочерью онъ выказалъ такъ много любви и деликатности, что обѣ дочери, чувствовавшія, что онѣ заслужили совершенно иного обращенія, съ этого времени еще сильнѣе привязались къ нему.

Къ сожалѣнію, я только чисто анекдотическимъ образомъ могу разсказать событія этого бурнаго времени.

Генералъ Круковскій имѣлъ связи у Тьера, поэтому обратился тотчасъ къ нему съ просьбою о содѣйствіи въ дѣлѣ освобожденія его будущаго зятя. Тьеръ отвѣчалъ, что ничего не можетъ для него сдѣлать, но при этомъ какъ бы случайно упомянулъ о томъ, что плѣнныхъ, среди которыхъ находился и г. Ж., переводятъ на слѣдующій день въ другую тюрьму. Дорога въ эту тюрьму вела мимо зданія выставки, возлѣ котораго толпилась всегда днемъ масса народу. Анна вмѣшалась въ толпу и въ то время, когда плѣнные проходили мимо, проскользнула незамѣтно черезъ ряды окружавшихъ ихъ солдатъ, взяла г. Ж. подъ руку и исчезла вмѣстѣ съ нимъ въ зданіи

выставки, изъ котораго они выбрались черезъ другой выходъ и безъ малѣйшихъ препятствій достигли станціи желѣзной дороги.

Вся эта исторія кажется фантастичною и почти невѣроятною, но я передаю ее въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась въ памяти многихъ другихъ друзей Софьи, кромѣ меня.

Какъ горько приходится послѣ смерти извѣстнаго лица сожалѣть, что мы не запоминали лучше малѣйшихъ его словъ, не записывали на свѣжую память всего, что намъ случалось слышать отъ него интереснаго. Мнѣ приходится тѣмъ больше раскаяваться въ этомъ, что Софья постоянно повторяла во время своихъ разговоровъ со мною: «Ты должна послѣ моей смерти написать исторію моей жизни». Но кто въ минуту задушевной бесѣды думаетъ, что дѣйствительно можетъ когда-либо придти день, когда ты будешь живой одиноко стоять съ однимъ только воспоминаніемъ о связи, существовавшей когда-то между тобою и умершимъ! Кто не думаетъ, что ему возможно будетъ и на слѣдующій день пополнить пробѣлы, образовавшіеся во время оживленнаго, прерывистаго, несвязнаго разговора, когда мысли постоянно переходили съ одного предмета на другой?

Въ 1874 г. Софья получила званіе доктора въ Геттингенѣ на основаніи двухъ, сдѣланныхъ ею подъ руководствомъ Вейерштрасса работъ, которыя онъ считалъ наиболѣе значительными изъ всего, что вышло

изъ-подъ ея пера. Она была вслѣдствіе разныхъ причинъ освобождена отъ устнаго экзамена. Въ представленной ниже запискѣ къ декану философскаго факультета въ Геттингенѣ она излагаетъ подробно характеристичные для нея мотивы, на основаніи которыхъ проситъ освободить ее отъ устнаго экзамена, что разрѣшалось только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ:

«Милостивый государь!

«Позвольте мнѣ прибавить еще нѣсколько словъ къ присланному мною въ вашъ факультетъ прошенію о присужденіи мнѣ званія доктора философіи.

«Мнѣ было не легко рѣшиться на шагъ, который долженъ былъ вывести меня изъ состоянія неизвѣстности, въ которомъ я до сихъ поръ находилась. Только одно желаніе доставить удовольствіе близкимъ мнѣ людямъ, желаніе дать имъ настоящее понятіе о себѣ, убѣдить ихъ въ томъ, что я дѣйствительно серьезнымъ образомъ и не безуспѣшно занималась математикою, которую изучала исключительно по любви, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей, заставило меня отбросить въ сторону всѣ колебанія. Этому способствовало и полученное мною свѣдѣніе, что я, какъ иностранка, могу быть признана вашимъ факультетомъ въ званіи доктора и *in absentio*, если только представленныя мною работы будутъ сочтены удов-

летворительными и если я вмѣстѣ съ тѣмъ представлю и свидѣтельства о своихъ занятіяхъ отъ компетентныхъ лицъ. Въ сущности—надѣюсь, что вы не перетолкуете въ дурную сторону мое откровенное признаніе—я и сама не знаю, хватитъ-ли у меня увѣренности и самообладанія, необходимыхъ для examen rigorosum; я боюсь, что необычайность обстановки, среди которой мнѣ придется отвѣчать на вопросы совершенно незнакомыхъ мнѣ лицъ, напротивъ того, приведетъ меня въ страшное смущеніе, несмотря на мое убѣжденіе въ любезной снисходительности гг. экзаменаторовъ. Къ этому нужно еще прибавить, что я не вполнѣ свободно владѣю нѣмецкимъ языкомъ, когда дѣло идетъ объ устномъ выраженіи своихъ мыслей, хотя, съ другой стороны, я привыкла употреблять его при моихъ математическихъ занятіяхъ и пишу на немъ удовлетворительно, когда у меня есть достаточно времени для обдумыванія своихъ фразъ. Это мое неумѣніе говорить по нѣмецки происходитъ отъ того, что я всего пять лѣтъ тому назадъ принялась за изученіе этого языка, изъ которыхъ четыре прожила въ Берлинѣ въ полномъ уединеніи, такъ что только въ часы, удѣляемые мнѣ моимъ многоуважаемымъ учителемъ, имѣла случай слышать нѣмецкую рѣчь и говорить по нѣмецки. На основаніи всего этого, я осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою оказать мнѣ

свое любезное содѣйствіе въ дѣлѣ освобожденія меня отъ examen rigorosum».

Это прошеніе, въ связи съ значительными достоинствами присланной ею работы и съ представленными вѣскими рекомендаціями, привело къ пріятному для Софьи результату: къ полученію степени доктора безъ предварительнаго устнаго испытанія, счастье, рѣдко кому выпадавшее на долю.

Нѣсколько времени спустя вся семья Круковскихъ была собрана въ старомъ родовомъ гнѣздѣ Палибинѣ.

V.

Изъ русской жизни.

Какъ собравшаяся теперь въ Палибинѣ семья мало походила на ту, которую сама Софья описывала въ своихъ воспоминаніяхъ дѣтства! Вмѣсто двухъ молодыхъ дѣвушекъ, ходившихъ здѣсь въ былое время и мечтавшихъ объ обширномъ Божьемъ мірѣ, съ которымъ онѣ были совершенно незнакомы, жили теперь подъ одною и тою же кровлею двѣ уже совсѣмъ развитыя женщины, испытавшія жизнь, каждая на свой ладъ. И то, что онѣ пережили, было, конечно, совершенно не похоже на то, о чемъ онѣ въ юности мечтали, но тѣмъ не менѣе жизнь ихъ была достаточно богата содержаніемъ, чтобы дать поводъ къ долгимъ неумолкаемымъ бесѣдамъ въ длинные зимніе вечера, въ обширной гостиной съ старинною мебелью, обитою краснымъ дама, между тѣмъ какъ самоваръ кипѣлъ на столѣ, а въ засыпанномъ снѣгомъ паркѣ уныло завывали голодные волки. Свѣтъ

казался имъ теперь далеко не такимъ таинственнымъ, какимъ представлялся прежде, потому что онѣ уже сталкивались съ нимъ и успѣли разглядѣть его. Анна за это время испытала такъ много, пережила столько бурныхъ треволненій, что жажда сильныхъ ощущеній, томившая ее въ юности, была вполнѣ удовлетворена. Она была страстно влюблена въ своего мужа, который сидѣлъ тамъ рядомъ съ нею въ большомъ красномъ креслѣ съ усталымъ и нѣсколько сатирическимъ выраженіемъ лица; она была такъ страстно и ревниво влюблена въ него, что жизнь и безъ того готовила ей достаточно волненій, чтобы желать чего-нибудь большаго въ этомъ родѣ. Младшая сестра, напротивъ того, жила до сихъ поръ исключительно головою, но и ея жажда знанія была настолько сильно удовлетворена, что и она чувствовала глубокое переутомленіе, и была совершенно не въ силахъ предаваться какимъ бы то ни было умственнымъ занятіямъ. Она все время или читала романы, или играла въ карты, или принимала дѣятельное участіе въ жизни своихъ сосѣдей, мало богатой умственными интересами.

Что доставляло Софьѣ наибольшее удовольстіе въ это время, это перемѣна, происшедшая въ ея отцѣ. Онъ, подобно Софьѣ, принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые не перестаютъ идти впередъ и развиваться въ умственномъ отношеніи, и измѣнять сообразно съ этимъ свой характеръ. Наклонность къ деспотизму,

составлявшая всегда самую выдающуюся черту его характера, сильно смягчилась подъ вліяніемъ тяжелыхъ испытаній, которыя ему пришлось перенести по милости своихъ дочерей. Онъ понялъ, что никто не имѣетъ права присваивать себѣ власти надъ мыслями и чувствами другихъ, даже если эти другіе его дѣти,—чѣмъ онъ такъ сильно злоупотреблялъ въ былое время. Поэтому онъ теперь съ несвойственною для него терпимостью выслушивалъ радикальныя рѣчи своей дочери — коммунарки, клонившіяся къ разрушенію всего существующаго порядка общества, равно какъ и матеріалистическіе взгляды своей другой дочери—математика.

Это воспоминаніе принадлежитъ къ числу самыхъ пріятныхъ воспоминаній Софьи объ ея отцѣ: оно тѣмъ сильнѣе запечатлѣлось въ ея душѣ, что это была послѣдняя зима его. Разрывъ сердца положилъ внезапно конецъ его жизни.

Неожиданное горе глубоко поразило Софью. Она такъ тѣсно сошлась съ отцомъ за послѣднее время, да притомъ всегда больше любила его, чѣмъ мать. Послѣдняя принадлежала къ числу тѣхъ поверхностныхъ, но привлекательныхъ, кроткихъ женщинъ, которыя любятъ всѣхъ и въ свою очередь любимы всѣми; это-то и отталкивало отъ нея Софью, которая вдобавокъ воображала, что мать любитъ ее меньше, чѣмъ ея брата и сестру, между тѣмъ какъ отецъ предпочиталъ ее остальнымъ дѣтямъ.

*

Съ его смертью она почувствовала себя страшно одинокою. У Анны былъ мужъ, на груди котораго она могла выплакать свое горе, но Софья оттолкнула отъ себя того человѣка, который могъ служить ей истинною опорою и утѣшеніемъ въ ея грустномъ положеніи. Теперь она какъ бы сразу прозрѣла и поняла всю неестественность своихъ отношеній къ мужу, и все причиняемое этимъ горе; ея жажда нѣжности и привязанности взяла перевѣсъ надъ всѣми другими чувствами и сомнѣніями, и среди тиши и уединенія родного дома, погруженнаго въ печаль, она сдѣлалась истинною женою своего мужа.

На слѣдующую зиму вся семья переѣхала въ Петербургъ. Софья сдѣлалась сразу средоточіемъ одного изъ тѣхъ интеллигентныхъ, избранныхъ кружковъ, горячо преданныхъ умственнымъ интересамъ, которые составляютъ особенность русской столицы и рѣдко встрѣчаются въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ Европы. Тотъ фактъ, что истинно просвѣщенные и свободомыслящіе русскіе превосходятъ всѣхъ другихъ европейцевъ многосторонностью, отсутствіемъ предразсудковъ и широтой взглядовъ, приводится мною не на основаніи примѣра одной только Софьи: это признаютъ всѣ, побывавшіе въ этихъ кружкахъ. Они стоятъ въ ряду передовыхъ людей остальной Европы, отличаются необыкновенною способностью схватывать на лету новыя идеи, какъ только онѣ

появляются на горизонтѣ, и съ почти неслыханною живостью мысли соединяютъ такой энтузіазмъ, такую вѣру въ свои идеалы, какихъ мы не встрѣчаемъ ни у одной изъ другихъ европейскихъ націй.

Въ одинъ кружокъ такого именно рода и попала Софья, сразу завоевавшая себѣ общее расположеніе и поклоненіе. Она находилась въ это время въ полномъ расцвѣтѣ молодости и на нее, послѣ того какъ она прожила пять лѣтъ погруженною исключительно въ научныя занятія, не зная никакихъ развлеченій, такая радикальная перемѣна въ жизни и обстановкѣ дѣйствовала ошеломляющимъ образомъ. Ею овладѣла внезапно страстная жажда наслажденія, всѣ ея блестящія качества выказались въ полной силѣ, и она очертя голову бросилась въ шумный водоворотъ свѣтской жизни, съ его празднествами, театрами, пріемами, публичными лекціями, катаніями на саняхъ и тому подобными удовольствіями.

Такъ какъ въ томъ кружкѣ, среди котораго она вращалась, преобладали не столько научные, сколько литературные, интересы, то она, увлекаясь своею всегдашнею потребностью въ умственной симпатіи со стороны окружающихъ ее лицъ, также вступила въ ряды литераторовъ. Она писала передовыя статьи, стихи, театральныя рецензіи, не подписывая ихъ своею фамиліею, и даже напечатала цѣлый романъ подъ заглавіемъ «Приватъ-доцентъ», эскизъ изъ университетской жизни маленькаго нѣмецкаго го-

родка, встрѣтившій самый благопріятный пріемъ со стороны критики.

Анна, проживавшая со своимъ мужемъ также въ Петербургѣ, выступила съ большимъ успѣхомъ на литературное поприще въ качествѣ романистки. Владиміръ Ковалевскій занимался переводами и изданіемъ разнаго рода популярныхъ сочиненій научнаго характера, какъ, напр., «Жизнь птицъ» Брема.

Состояніе, доставшееся Софьѣ послѣ смерти отца, было далеко не велико, такъ какъ по завѣщанію почти все имущество, оставленное покойнымъ, переходило къ его женѣ. А между тѣмъ жизнь, которую она начала вести, требовала большихъ расходовъ. Вслѣдствіе этого у нея, быть можетъ раньше, чѣмъ у мужа, возникла мысль заняться спекуляціями. Владиміръ лично былъ глубоко равнодушенъ ко всякой роскоши, но при своей легко воспламеняемой фантазіи онъ быстро увлекся этой идеей, и вотъ одно предпріятіе начало возникать за другимъ. Они строили въ Петербургѣ многоэтажные дома, бани, оранжерею, принимали самое дѣятельное участіе въ одной вновь возникающей газетѣ, и одно время казалось, что все идетъ у нихъ какъ нельзя лучше. Друзья ихъ предсказывали имъ блестящую будущность и когда въ 1878 г. у нихъ родилась дочь, единственное ихъ дитя, ее называли будущею богатою наслѣдницею. Но у Софьи были и на этотъ разъ, какъ и при разныхъ другихъ непріятныхъ

обстоятельствахъ жизни, зловѣщія предчувствія. Одна изъ ея задушевныхъ подругъ этого времени разсказываетъ, что въ тотъ самый день, когда происходила закладка перваго ихъ дома, Софья говорила ей, что весь этотъ торжественный день испорченъ для нея благодаря сну, привидѣвшемуся ей наканунѣ ночью. Она видѣла себя на томъ же мѣстѣ, гдѣ должно было закладываться зданіе, окруженною большой толпой народа, которая собралась, чтобы присутствовать на этой церемоніи. Вдругъ толпа разступилась, и въ то время, какъ они приближались къ мѣсту закладки, Софья увидѣла, что на плечи ея мужу вскочпла какая-то дьявольская фигура, которая съ ужаснымъ сардоническимъ хохотомъ пригнула его къ землѣ.

Она долго не могла отдѣлаться отъ впечатлѣнія этого сна, которому суждено было осуществиться такимъ ужаснымъ образомъ.

Когда оказалось, что одно предпріятіе за другимъ терпитъ неудачу, энергія и сила воли Софьи высказались въ полномъ блескѣ. При своемъ увлекающемся характерѣ и пылкости своего воображенія она могла поддаться временно искушенію посвятить всѣ силы своего ума и своей изобрѣтательности на пріобрѣтеніе большого состоянія, но она никогда не могла всею душою отдаться преслѣдованію такой мало содержательной цѣли. Она могла потерять вдругъ нѣсколько милліоновъ, ни на одну ночь изъ

за этого не лишившись сна, подобно тому, какъ теперь совершенно хладнокровно перенесла потерю надежды на пріобрѣтеніе громаднаго состоянія. Она желала сдѣлаться богатою, потому что жизнь въ самыхъ ея разнообразныхъ формахъ искушала ее, потому что ея страстная натура, ея пылкое воображеніе заставляли ее желать всего, стремиться ко всему, жаждать все испытать. Но когда она увидѣла, что задуманное ею дѣло не удается, она была тотчасъ же готова отказаться отъ него и задалась только одною мыслью: поддержать и утѣшить своего мужа, который, странно сказать, ни одной минуты не желалъ денегъ для себя и ни разу не искушался чѣмъ бы то ни было, что можетъ быть куплено на деньги, теперь же въ гораздо большей степени, чѣмъ она, стремился къ достиженію этой, однажды намѣченной имъ цѣли. Всякое пораженіе, всякая неудача оказывали на него, повидимому, подавляющее дѣйствіе, между тѣмъ какъ Софья, напротивъ того, всегда примирялась съ неизбѣжнымъ, неотвратимымъ, и только съ удвоеннымъ рвеніемъ предавалась достиженію новой цѣли.

На этотъ разъ ей удалось отвратить крахъ. Она не щадила никакихъ усилій, терпѣла всевозможныя униженія, ѣздила ко всѣмъ друзьямъ, замѣшаннымъ въ это предпріятіе, и наконецъ, ей удалось устроить сдѣлку, удовлетворившую всѣхъ, въ награду за что получила горячую благодарность со стороны мужа,

пораженнаго ея умомъ и энергіею. Счастье ихъ, повидимому, засіяло вновь съ удвоенною силою.

Но діавольскій человѣкъ съ сатанинскою усмѣшкою, привидѣвшійся ей во снѣ, на самомъ дѣлѣ сталъ у нея поперекъ дороги. Это былъ какой-то искатель приключеній большого пошиба, съ которымъ Ковалевскій познакомился во время своихъ занятій дѣлами и который теперь началъ опять вовлекать его въ новыя и гораздо болѣе опасныя предпріятія. Софья, обладавшая необыкновенною способностью распознавать людей, съ перваго же взгляда почувствовала такое сильное отвращеніе къ этому человѣку, что не могла выносить его присутствія въ своемъ домѣ. Она умоляла мужа разстаться съ этимъ опаснымъ совѣтникомъ, поступить по ея примѣру и, отказавшись отъ всякихъ дѣловыхъ спекуляцій, вновь посвятить себя исключительно научной дѣятельности,— но всѣ ея мольбы оставались тщетными. Хотя Ковалевскій около этого времени (1880—1881 г.) былъ назначенъ профессоромъ палеонтологіи въ Московскомъ университетѣ, куда супруги переѣхали на жительство, онъ никакъ не могъ оторваться отъ начатыхъ спекуляцій, принимавшихъ все болѣе обширные и фантастическіе размѣры. Вопросъ шелъ о томъ, чтобы разработать нефтяные источники во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, расширить и улучшить многія важныя отрасли русской промышленности и самому при этомъ заработать милліоны.

Ковалевскій былъ до такой степени ослѣпленъ своимъ новымъ помощникомъ, что не хотѣлъ обращать никакого вниманія на увѣщанія жены. Мало того: не будучи въ состояніи убѣдить ее и склонить на свою сторону, онъ началъ скрывать отъ нея свои дѣйствія. Это мучительнѣе всего отозвалось на Софьѣ; она, при своемъ характерѣ, не въ силахъ была перенести этого. Рѣшившись сдѣлаться женою своего мужа, она всею душою старалась упрочить ихъ отношенія, придать имъ большую силу и глубину. Ей свойственно было стремиться съ страстною интенсивностью къ достиженію того, что она въ данное время считала важнѣйшимъ дѣломъ въ жизни. Она всегда умѣла проводить глубокое различіе между тѣмъ, что было важно, и тѣмъ, что не имѣло существеннаго значенія. Одна изъ главныхъ характеристическихъ чертъ ея, отличающая ее отъ большинства другихъ женщинъ, заключалась въ томъ, что она никогда не бросала главной цѣли для достиженія чего-нибудь второстепеннаго, и никогда не бывала мелочною. Раздвоенность въ какомъ бы то ни было чувствѣ была для нея нестерпима, и она всѣмъ готова была жертвовать, чтобы только быть любимой цѣльною глубокою любовью.

Она употребляла всѣ усилія, чтобы спасти мужа отъ угрожавшей ему опасности. Одна изъ ея подругъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ, какъ она боролась и чѣмъ жертвовала для достиженія

этого: «Она старалась вновь заинтересовать Ковалевскаго наукою, занималась вмѣстѣ съ нимъ геологіей, помогала ему въ приготовленіи къ лекціямъ, устраивала ему возможно болѣе пріятную домашнюю жизнь, чтобы только вернуть ему утраченное спокойствіе,—но ничто не помогало. Я думаю, что Ковалевскій уже въ это время былъ въ не совсѣмъ нормальномъ состояніи: нервы его были слишкомъ сильно потрясены, и онъ никакъ не могъ вернуть себѣ умственнаго и душевнаго равновѣсія».

Искатель приключеній, который ничего такъ сильно не желалъ, какъ отдалить отъ мужа его слишкомъ проницательную жену, воспользовался начавшимися между ними разногласіями и внушилъ ей мысль, что замкнутость и недоступность ея мужа происходитъ по совсѣмъ особымъ причинамъ, и что у нея имѣется поводъ для ревности.

Судя по тому, что Софья разсказывала сама о себѣ въ «Сестрахъ Раевскихъ» [1]), она уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ обнаруживала сильную наклонность къ ревности. Затрогивать у нея эту струну значило пробуждать одну изъ самыхъ сильныхъ страстей, дремавшихъ въ глубинѣ этой страстной, порывистой натуры. Софья потеряла всякую способность къ критическому размышленію и оказалась совершенно не въ состояніи изслѣдовать справедливость обвиненія.

---

[1]) Шведская передѣлка «Воспоминаній дѣтства»

Впослѣдствіи она была почти убѣждена, что все это былъ обманъ, но въ то время почувствовала только неудержимое желаніе уйти подальше отъ этого униженія,—отъ любимаго человѣка, измѣнившаго ей. Она боялась, чтобы страсть не заставила ее унизиться до шпіонства и до безобразныхъ семейныхъ сценъ. Жить вмѣстѣ съ мужемъ, довѣріемъ котораго она не пользовалась, видѣть, какъ онъ идетъ на встрѣчу своей гибели и не быть въ состояніи предупредить его,—этого она при своемъ страстномъ темпераментѣ не въ силахъ была вынести. Она меньше всего способна была смиряться, и въ сердечныхъ дѣлахъ была настолько же требовательна и постоянна, насколько невнимательна и невзыскательна ко всѣмъ другимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ жизни. Мужа своего, правду сказать, она не любила настоящею, страстною любовью, но она такъ свыклась съ нимъ, такъ сжилась со всѣми его интересами, такъ много употребляла усилій, чтобы привязать его къ себѣ тою сильною и глубокою любовью, къ какой страстно стремилась эта пылкая женщина, жаждавшая цѣльнаго и глубокаго чувства со стороны своего мужа, со стороны отца своего ребенка! И когда она увидѣла, что онъ, не взирая ни на что, отворачивается отъ нея и ставитъ между нею и собою третье лицо, тогда связывающія ихъ, нѣсколько искусственныя нити порвались, ея сердце сжалось, вытолкнуло

образъ, насильно втиснутый въ него,—и она опять очутилась одна.

Она рѣшилась собственными силами создать будущее для себя и для своей дочери и, бросивъ домъ и родину, отправилась продолжать свои научныя занятія заграницей.

VI.

Дорожное приключеніе. Неожиданное несчастье.

Когда поѣздъ выѣхалъ со станціи и Софья перестала видѣть друзей и знакомыхъ, собравшихся, чтобы проводить ее, она дала волю волненію, которое сдерживала до сихъ поръ съ такимъ трудомъ, и разразилась громкими рыданіями. Она оплакивала короткіе годы счастья, доставшіеся ей на долю, она оплакивала свою потерянную мечту жить въ полномъ душевномъ общеніи, слиться всѣмъ сердцемъ съ другимъ человѣкомъ, и дрожала при мысли объ угрожавшемъ ей полномъ одиночествѣ, объ уединенной жизни, посвященной однимъ только научнымъ занятіямъ, въ которыхъ прежде заключалась для нея вся цѣль существованія. Съ тѣхъ поръ, какъ она испытала счастье жить любимою въ собственномъ домѣ и въ кружкѣ понимающихъ ее друзей, такая жизнь не могла ее удовлетворять. Она пробовала утѣшиться мыслью о томъ, что она примется вновь

за свои любимыя занятія математикою, что она напишетъ сочиненіе, которое доставитъ ей извѣстность, а также сдѣлаетъ честь и всему ея полу,—но ея горя не облегчали всѣ эти разсужденія. Радости, которыя она старалась вызвать въ своемъ воображеніи, казались совершенно ничтожными сравнительно съ личнымъ счастьемъ, служившимъ для нея въ послѣдніе годы единственною цѣлью жизни; рыданія все усиливались, заставляя ее вздрагивать съ головы до ногъ.

Она не замѣтила, что противъ нея въ купэ сидѣлъ господинъ среднихъ лѣтъ, все время съ глубокимъ сочувствіемъ смотрѣвшій на нее.

«Нѣтъ, я не могу видѣть васъ плачущею такимъ ужаснымъ образомъ!—вскричалъ онъ наконецъ.—Я догадываюсь, отчего, вы такъ убиваетесь: вы, вѣроятно, въ первый разъ пускаетесь однѣ въ путь, но, Господи Боже, вамъ же не придется жить среди людоѣдовъ, и такая дѣвушка, какъ вы, можетъ всегда разсчитывать встрѣтить друзей и людей, готовыхъ оказать ей всевозмвжныя услуги».

Софья съ удивленіемъ взглянула на него и ея рыданія тотчасъ прекратились. Она, всегда такъ пугливо скрывавшая отъ самыхъ ближайшихъ друзей свои сердечныя раны, выказала вдругъ свое отчаяніе передъ этимъ незнакомцемъ!

Но вскорѣ Софья вздохнула, съ облегченіемъ замѣтивъ, что незнакомецъ не имѣетъ ни малѣйшаго

понятія о томъ, кто она. Изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что онъ принимаетъ ее за молоденькую гувернантку, ѣдущую въ незнакомую семью, чтобы зарабатывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Она поспѣшила подтвердить справедливость его предположенія, обрадовавшись возможности сохранить такимъ образомъ свое инкогнито; маленькая комедія, которую ей приходилось при этомъ играть, даже забавляла ее и отвлекала нѣсколько отъ грустныхъ размышленій! Ей не трудно было до такой степсни войти въ свою роль, чтобы даже мысленно отождествить себя съ бѣдною молоденькою гувернанткою, за которую ее принимали, и она начала со скромно опущенными глазами выслушивать совѣты и утѣшенія своего спутника. При этомъ фантастическій элементъ былъ въ ней такъ силенъ, что несмотря на ея глубокое горе она настолько заинтересовалась своею мистификаціею, что когда спутникъ ея предложилъ ей осмотрѣть городъ, мимо котораго имъ приходилось проѣзжать, она тотчасъ согласилась и два дня прожила тамъ вмѣстѣ съ нимъ. Затѣмъ они разстались, не сообщивъ другъ другу ни своей фамиліи, ни своего общественнаго положенія.

Этотъ маленькій эпизодъ характеристиченъ для Софьи, такъ какъ въ немъ высказалась въ полномъ блескѣ ея страсть къ экспериментамъ. Незнакомецъ былъ ей симпатиченъ, его дружеское участіе трогало ее, она чувствовала себя одинокою, какъ бы

выброшенною за бортъ; почему же не воспользоваться этимъ маленькимъ удовольствіемъ, случайно подвернувшимся ей на дорогѣ. Другая женщина на ея мѣстѣ побоялась бы скомпрометировать себя такимъ поступкомъ въ глазахъ человѣка, котораго она даже по фамиліи не знала. Но для Софьи, которая въ теченіи столькихъ лѣтъ жила товарищескою жизнью со своимъ мужемъ, не принадлежа ему, такого рода поведеніе не представляло ничего страннаго; она смотрѣла на это очень просто, какъ на самую обыкновенную вещь, зная отлично, что въ случаѣ нужды она съумѣетъ всегда провести черту, за которую никто не осмѣлится переступить. И въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе всей ея жизни ни разу не случалось, чтобы кто-нибудь перетолковалъ въ дурную сторону ея товарищеское обращеніе съ мужчинами.

Нѣсколько позже, во время ея пребыванія въ Парижѣ, у нея завязались другія отношенія въ такомъ же родѣ, только еще болѣе оригинальныя и обостренныя. Она поселилась лѣтомъ въ одномъ изъ парижскихъ предмѣстій. Хозяйка ея не знала, что думать о ней, при видѣ молодого человѣка, выходившаго каждый вечеръ въ два часа изъ ея комнаты и перелѣзавшаго черезъ высокую садовую ограду. Если мы прибавимъ къ этому, что упомянутый молодой человѣкъ проводилъ у Софьи большую часть дня и что она при этомъ ни съ кѣмъ

больше не видалась, то подозрѣнія хозяйки покажутся намъ не лишенными нѣкотораго основанія. А между тѣмъ трудно представить себѣ болѣе идеальныя отношенія, чѣмъ тѣ, которыя существовали между ними.

Молодой человѣкъ былъ полякъ и революціонеръ, и въ то же время математикъ и поэтъ. Его душа и душа Софьи были точно два горящіе свѣтильника, зажженные для одного и того же празднества. Никто никогда не понималъ ее такъ хорошо, какъ онъ; никто не умѣлъ раздѣлять въ такой сильной степени всѣ ея мысли, всѣ ея мечты. Они были постоянно вмѣстѣ, а тѣ короткіе часы, которые имъ приходилось проводить въ разлукѣ, употребляли на длинныя письменныя изліянія другъ другу. Они вмѣстѣ сочиняли стихи и даже начали писать длинное произведеніе романтическаго характера.

Они увлекались мыслью, что всѣ люди созданы парами, такъ что каждый человѣкъ въ отдѣльности представляетъ лишь половину человѣка; другая половина, которая вмѣстѣ съ этою составила бы одно цѣлое, всегда существуетъ гдѣ-нибудь на землѣ; но обѣ половины лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются въ этой жизни; въ большинствѣ случаевъ встрѣча эта происходитъ только въ другомъ мірѣ. Можно-ли придумать что-нибудь болѣе романтичное?

Въ настоящей жизни они не могли болѣе соеди-

ниться, потому что сама жизнь уничтожила уже условія, необходимыя для ихъ соединенія. Хотя бы Софья и могла освободиться, она уже принадлежала другому человѣку и съ этимъ никакъ не могъ примириться ея молодой другъ, сохранявшій себя вполнѣ чистымъ для той, которая должна была сдѣлаться современемъ его единственною любовью. Съ другой стороны и она не считала себя вправѣ принадлежать другому, такъ какъ связь, соединяющая ее съ мужемъ, не была еще вполнѣ порвана: они находились въ перепискѣ и въ своихъ письмахъ говорили постоянно о свиданіи; кромѣ того, въ глубинѣ души она все еще чувствовала привязанность къ мужу.

Ея отношенія къ молодому поляку заключались исключительно въ обмѣнѣ мыслей, въ отвлеченныхъ анализахъ чувства. Они сидѣли другъ противъ друга и разговаривали, разговаривали и разговаривали, опьяняя сами себя этимъ бурнымъ, неизсякаемымъ потокомъ словъ, составляющимъ характеристическую особенность всѣхъ вообще славянъ.

Но какъ разъ во время этой экзальтированной идилліи, заставившей Софью забыть царившую въ ея жизни дисгармонію, надъ нею разразилось страшное несчастье. Ея мужъ, узнавши, какъ сильно обманулъ его безсовѣстный мошенникъ, которому онъ такъ глубоко довѣрялъ, не въ состояніи былъ вынесть своей неудачи и разоренія своей семьи...

Этотъ высокоталантливый человѣкъ, горячо преданный наукѣ, простой и безпритязательный во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, никогда не чувствовавшій потребности въ наслажденіяхъ, которыя доставляются помощью денегъ, палъ жертвою денежной спекуляціи, не имѣвшей ничего общаго ни съ его характеромъ, ни съ его убѣжденіями и стремленіями.

Извѣстіе о трагической кончинѣ Ковалевскаго страшно поразило Софью: она слегла въ постель, въ сильной нервной горячкѣ, послѣ которой она встала совершенно разбитою, съ чувствомъ чего-то неотвратимаго, наложившаго свое мрачное покрывало на всю ея жизнь. Она самымъ горькимъ образомъ упрекала себя за то, что бросила мужа одного, вмѣсто того, чтобы поддержать его, хотя это значило осуждать себя на непрестанную, безнадежную борьбу. И благодаря перенесенной ею болѣзни и постоянной душевной борьбѣ, даже наружность ея утратила свою юношескую свѣжесть. Она вдругъ состарѣлась на нѣсколько лѣтъ, ея кожа потеряла свою прежнюю чистоту и прозрачность, а между бровями показалась глубокая морщина, которая не исчезала у нея до самой смерти.

VII.

Первое приглашеніе пріѣхать въ Швецію.

Уже во время своего пребыванія въ Петербургѣ въ 1876 г., Софья сдѣлала одно знакемство, которое должно было оказать рѣшающее вліяніе на ея дальнѣйшую судьбу. Профессоръ Миттагъ-Леффлеръ, тоже бывшій ученикъ Вейерштрасса, наслышался такъ много лестнаго отъ своего учителя объ изумительныхъ математическихъ способностяхъ Софьи, что давно желалъ познакомиться съ нею. При первомъ же визитѣ, который онъ ей сдѣлалъ, она произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что у него уже съ этой минуты зародился планъ, осуществившійся лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Онъ посѣтилъ ее вновь во время съѣзда естествоиспытателей въ 1880 г. Въ это время какъ разъ основывался новый университетъ въ Стокгольмѣ, дѣло, въ которомъ Миттагъ-Леффлеръ принималъ самое горячее участіе. Онъ рѣшилъ придать этому новому учрежденію въ своемъ родномъ городѣ славу осно-

ванія въ немъ первой каѳедры математики съ профессоромъ-женщиною.

Уже въ іюлѣ 1881 г. Софья писала ему по этому поводу слѣдующее письмо, адресованное въ Гельсингфорсъ:

8 іюля 1881 г. Берлинъ.

«Приношу вамъ свою живѣйшую благодарность столько же за сочувственное отношеніе къ моему назначенію въ стокгольмскій университетъ, сколько и за всѣ хлопоты ваши по этому поводу. Что касается меня, то могу васъ увѣрить, что я всегда съ радостью соглашусь принять мѣсто доцента, если только оно будетъ мнѣ предложено. Я никогда и не разсчитывала ни на какое другое мѣсто, и, признаюсь вамъ въ этомъ откровенно, буду чувствовать себя гораздо менѣе стѣсненной и смущенной въ этой должности, чѣмъ въ какой-либо другой. Мнѣ хотѣлось бы получить возможность примѣнить свои познанія къ преподаванію въ высшемъ учебномъ заведеніи только для того, чтобы помощью этого открыть женщинамъ доступъ въ университетъ, разрѣшавшійся имъ до сихъ поръ лишь въ видѣ исключенія, какъ особая милость, которая можетъ быть во всякое время отнята, что и случилось въ большей части германскихъ университетовъ. Хотя я и не богата, но у меня имѣется достаточно средствъ, чтобы жить независимо; поэтому вопросъ о жалованьи не можетъ оказать никакого вліянія на мое

рѣшеніе. Я желаю главнымъ образомъ одного—служить всѣми силами дорогому для меня дѣлу и въ тоже время доставить себѣ самой возможность работать въ средѣ лицъ, занимающихся тѣмъ же дѣломъ, что и я—счастье, никогда не выпадавшее мнѣ на долю въ Россіи и испытанное мною только во время моего пребыванія въ Берлинѣ. Это, дорогой профессоръ, мои личныя желанія и чувства. Но я считаю себя обязанною сообщить вамъ и слѣдующее. Профессоръ Вейерштрассъ, основываясь на существующемъ въ Швеціи положеніи дѣлъ, считаетъ невозможнымъ, чтобы стокгольмскій университетъ согласился принять въ среду своихъ профессоровъ женщину, и, что еще важнѣе, онъ боится, чтобы вы не повредили сильно сами себѣ, настаивая на этомъ нововведеніи. Было бы слишкомъ эгоистично съ моей стороны не сообщить вамъ этихъ опасеній нашего уважаемаго учителя, и вы, конечно, поймете, что я была бы приведена въ страшное отчаяніе, если бы *вы* изъ-за меня навлекли на себя какую-либо непріятность,—вы, который всегда съ такимъ интересомъ относились къ моимъ занятіямъ и къ которому я питаю такую искреннюю дружбу.

«Я полагаю поэтому, что теперь, быть можетъ, было бы неблагоразумно и несвоевременно начинать хлопотать о моемъ назначеніи: лучше подождать до окончанія начатыхъ мною работъ. Если мнѣ удастся выполнить ихъ такъ хорошо, какъ я надѣюсь, то

это можетъ служить значительнымъ подспорьемъ для достиженія намѣченной мною цѣли».

Но благодаря случившимся затѣмъ драматическимъ происшествіямъ въ жизни Софьи, ея разлуки съ мужемъ, роману съ полякомъ, ужасной смерти ея мужа, она не была въ состояніи продолжать начатыя работы и окончила ихъ только въ августѣ 1883 г., о чемъ и сообщила Миттагъ-Леффлеру въ слѣдующемъ письмѣ, присланномъ изъ Одессы 28 августа.

«Мнѣ, наконецъ, удалось окончить одну изъ двухъ работъ, которыми я занималась послѣдніе два года. Какъ только я достигла удовлетворительныхъ результатовъ, первою моею мыслью было переслать мой трудъ немедленно вамъ для оцѣнки, но г. В. съ обычною ему добротою принялъ на себя трудъ увѣдомить васъ о результатахъ моихъ изслѣдованій. Я только-что получила отъ него письмо, гдѣ онъ сообщаетъ мнѣ, что уже написалъ вамъ объ этомъ и что вы ему отвѣтили и просили торопить меня поскорѣе отправляться въ Стокгольмъ, чтобы начать чтеніе приватнаго курса. Я не нахожу выраженій, чтобы достаточно сильно высказать, какъ я благодарна вамъ за вашу всегдашнюю доброту ко мнѣ и какъ счастлива возможностью выступить на дорогу, которая всегда составляла для меня излюбленную мечту. Въ то-же время я не считаю себя вправѣ скрывать отъ васъ, что я во многихъ от-

ношеніяхъ признаю себя весьма мало подготовленною для исполненія обязанностей доцента. Я до такой степени сомнѣваюсь въ самой себѣ, что боюсь, какъ бы вы, всегда относившіеся ко мнѣ съ такою благосклонностью, не разочаровались, увидѣвши, при ближайшемъ разсмотрѣніи, какъ я мало гожусь для избранной мною дѣятельности. Я глубоко благодарна стокгольмскому университету за то, что онъ такъ любезно открылъ передо мною свои двери, и готова всею душою полюбить Стокгольмъ и Швецію, какъ родную страну. Я надѣюсь долгіе годы прожить въ Швеціи и найти въ ней новую родину. Но именно поэтому мнѣ хотѣлось бы не пріѣзжать къ вамъ, пока я не буду считать себя заслуживающею хорошаго мнѣнія, которое вы составили обо мнѣ, и пока не буду надѣяться произвести на своихъ слушателей хорошаго впечатлѣнія. Я сегодня написала В. и спросила его, не найдетъ-ли онъ съ моей стороны благоразумнѣе провести еще два-три мѣсяца съ нимъ, чтобы лучше проникнуться его идеями и пополнить нѣкоторые пробѣлы въ моихъ математическихъ познаніяхъ.

«Эти два мѣсяца въ Берлинѣ были бы въ высшей степени полезны мнѣ и въ томъ отношеніи, что я имѣла бы случай видѣться съ молодыми математиками, которые или заканчиваютъ въ Берлинѣ свои занятія, или начинаютъ свою преподавательскую дѣятельность въ качествѣ доцентовъ уни-

верситета. Со многими изъ нихъ я хорошо знакома еще со времени моего послѣдняго пребыванія въ этомъ городѣ. Я могла бы сговориться съ нѣкоторыми изъ нихъ, чтобы обоюдно сообщать другъ другу результаты нашихъ математическихъ изслѣдованій, могла бы, напримѣръ, изложить имъ теорію превращенія абелевскихъ функцій, которою я теперь спеціально занимаюсь и съ которой они совершенно незнакомы. Я могла-бы воспользоваться этимъ, чтобы прочесть рефератъ, къ чему у меня нѣтъ совершенно навыка, и тогда я пріѣхала-бы въ Стокгольмъ въ январѣ гораздо болѣе увѣренною въ себѣ, чѣмъ теперь».

Этому плану не суждено было осуществиться, потому что уже 11 ноября того же года Софья выѣхала изъ Петербурга въ Стокгольмъ.

VIII.

Пріѣздъ въ Швецію. Первое впечатлѣніе.

Въ особенности теперь, послѣ смерти Софьи, возстаетъ какъ живое, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, воспоминаніе о моей первой встрѣчѣ съ нею. Она пріѣхала въ Стокгольмъ пароходомъ изъ Финляндіи, наканунѣ вечеромъ, и остановилась въ качествѣ гостьи у моего брата, профессора Миттагъ-Леффлера. На слѣдующее же утро я отправилась повидаться съ нею.

Мы обѣ были подготовлены къ тому, чтобы сдѣлаться друзьями. Намъ такъ много приходилось слышать другъ о другѣ, что и я, и Софья ждали съ нетерпѣніемъ этой встрѣчи. Софья, быть можетъ, надѣялась получить еще больше удовольствія отъ этого знакомства, чѣмъ я, потому что она относилась всегда съ живѣйшимъ интересомъ къ тому дѣлу, которому я служила, между тѣмъ какъ ея занятія нѣсколько пугали меня: я боялась найти въ ней жен-

щину, всецѣло погруженную въ сферу абстрактнаго мышленія.

Когда я вошла, Софья стояла въ библіотекѣ у окна и перелистывала какую-то книгу. Прежде, чѣмъ она успѣла подойти, мнѣ бросились въ глаза ея серьезный, рѣзко обрисованный профиль, густые, каштановые волосы, небрежными волнами обрамлявшіе ея лицо, тонкая, стройная фигура, отличавшаяся какою-то особенною гибкостью и изяществомъ, но казавшаяся слишкомъ маленькою сравнительно съ большою головою, поражавшею своими монументальными размѣрами. У нея былъ большой ротъ, съ полными, извилистыми свѣжими губами, очень выразительными, и необыкновенно маленькія, точно дѣтскія руки, бѣлыя и нѣжныя, съ рѣзко выступавшими синими жилками.

Замѣтивъ меня, она быстро обернулась и пошла мнѣ на встрѣчу съ протянутою рукою. Меня поразилъ при этомъ необыкновенный блескъ ея глазъ. Но въ ея обращеніи замѣтны были при этомъ нѣкоторая робость и смущеніе, какая-то сдержанность, и первый разговоръ нашъ вертѣлся все время вокругъ непріятности, приключившейся съ нею дорогою: она простудилась на пароходѣ и схватила сильную зубную боль. Сжалившись надъ нею, я предложила провести ее къ зубному врачу. Какая пріятная цѣль для первой прогулки въ новомъ городѣ!

Но она была не изъ тѣхъ, кто позволяетъ смущать себя такими мелочами.

Въ то время я была занята обдумываніемъ плана новой драмы «Hur man gar godt»; ни одной строчки этой драмы не было еще написано, задуманы были только нѣкоторыя ея части. Но такъ велико было умѣнье Софьи возбуждать умственную дѣятельность въ своихъ собесѣдникахъ, что прежде, чѣмъ мы успѣли дойти до квартиры зубного врача, я разсказала ей всю драму съ начала до конца, разсказала ей гораздо больше того, чѣмъ сколько сама знала до начала нашей прогулки. Это положило основаніе сильному вліянію, которое она съ тѣхъ поръ оказывала всегда на меня, на все, что я писала и чѣмъ занималась. Ея способность схватывать и понимать мысли другихъ и симпатизировать имъ, была такъ необыкновенно велика, одобреніе ея, когда она что-нибудь хвалила, такъ горячо, проникнуто такимъ пылкимъ энтузіазмомъ, ея критическія замѣчанія, когда ей что-нибудь не нравилось, такъ мѣтки и вѣрны, что, при воспріимчивости моей натуры, я быстро подпала подъ ея вліяніе и не могла ничего писать безъ ея одобренія. Если то, что я писала, не нравилось ей, я измѣняла и измѣняла до тѣхъ поръ, пока оно не заслуживало ея сочувствія; это было какъ бы зародышемъ нашей послѣдующей совмѣстной авторской дѣятельности. Она не разъ увѣряла, что я никогда не написала бы драму «Sanna

Kvinor», если бы она не появилась еще до ея пріѣзда въ Швецію, потому что эта драма вмѣстѣ съ повѣстью «Въ борьбѣ съ обществомъ» были единственныя изъ моихъ работъ, не нравившіяся ей, при чемъ «Sanna Kvinor» возбудила ея антипатію по очень характеристичной для нея причинѣ. Ей ужасно не нравилась борьба, въ которую Берта вступаетъ, чтобы сохранить для матери остатки своего состоянія. Женщина, отдавшаяся любимому человѣку, говорила она, никогда не задумается пожертвовать для него и всѣмъ своимъ состояніемъ, до послѣдняго гроша.

Подобнаго рода критическіе пріемы вытекали естествено изъ ея характера; она была чрезвычайно субъективна въ своихъ сужденіяхъ о литературныхъ произведеніяхъ. Если одушевлявшія автора мысли и чувства соотвѣтствовали ея собственнымъ, она всегда была готова признать за самымъ посредственнымъ сочиненіемъ большія достоинства. Напротивъ того, если взгляды автора расходились съ ея взглядами, она увѣряла, что данная книга ничего не стоитъ.

Не смотря на это свое предубѣжденіе, она высказывала всегда такіе свободные взгляды на жизнь, какъ рѣдко кто изъ ея наиболѣе выдающихся современниковъ. Въ ней не было и слѣда обыкновенныхъ предразсудковъ и условныхъ мнѣній. Ея громадныя способности и обширныя свѣдѣнія во всѣхъ обла-

стяхъ знанія заставляли ее возвышаться надъ ограниченіями, которыя налагаются традиціонными мнѣніями на большинство людей. Для нея ограниченіе заключалось въ ней самой, въ ея собственномъ глубоко индивидуальномъ характерѣ, въ ея столь сильно выраженныхъ антипатіяхъ и симпатіяхъ, которыя проявлялись иногда наперекоръ всякой логикѣ и всякимъ убѣжденіямъ.

Въ эту первую встрѣчу намъ не долго пришлось жить вмѣстѣ, и особенно дружескія отношенія не успѣли развиться между нами, потому что я мѣсяца черезъ два послѣ ея пріѣзда отправилась въ продолжительное путешествіе заграницу. Въ мое отсутствіе она на столько хорошо изучила шведскій языкъ, что прочитала всѣ мои сочиненія. Вскорѣ по пріѣздѣ она начала брать уроки шведскаго языка, и первыя недѣли ничего другого не дѣлала, какъ только упражнялась на этомъ языкѣ съ утра до вечера. Братъ мой сообщилъ ей о своемъ намѣреніи созвать къ себѣ на вечеръ мѣстныхъ ученыхъ, чтобы познакомить ее съ ними. На это она ему отвѣтила: «Подождите недѣли двѣ, пока я не научусь говорить по-шведски».

Это заявленіе показалось намъ довольно смѣлымъ, но она сдержала слово. Черезъ двѣ недѣли она выучилась съ грѣхомъ пополамъ выражаться по-шведски, а черезъ два мѣсяца познакомилась со всей

нашей современной беллетристикою и съ наслажденіемъ читала саги Фритгіофа.

Впрочемъ, ея необыкновенная способность къ языкамъ имѣла свои предѣлы. Сама она увѣряла, что у нея совсѣмъ нѣтъ способностей къ языкамъ и что она изучила столько иностранныхъ языковъ только по необходимости или изъ честолюбія. Вѣрно одно: не смотря на быстрые результаты, которыхъ она достигала при изученіи всякаго новаго языка, она никогда не достигала совершенства ни въ одномъ изъ нихъ, а всегда останавливалась на извѣстномъ пунктѣ и дальше не шла; въ то же время, какъ только она начинала говорить на одномъ языкѣ, она тотчасъ забывала тотъ, который изучала передъ этимъ. Не смотря на то, что она прожила долгое время въ Германіи въ самомъ юномъ возрастѣ, она никакъ не могла выучиться свободно говорить по-нѣмецки, и ея друзья-нѣмцы часто смѣялись надъ невозможными и комичными выраженіями, къ которымъ она прибѣгала для выраженія своихъ мыслей. Она никогда не стѣснялась въ выборѣ словъ изъ богатаго запаса ихъ, которымъ обладала, и считала мелочностью долго задумываться надъ отыскиваніемъ правильнаго выраженія. Она говорила всегда очень быстро, всегда умѣла выразить то, что желала, и придать своему разговору отпечатокъ своей индивидуальности, какъ ни мало владѣла тѣмъ языкомъ, на которомъ ей приходилось бесѣдовать. Научив-

шись по-шведски, она тотчасъ забыла почти совсѣмъ нѣмецкій языкъ, а когда ей приходилось на нѣсколько мѣсяцевъ уѣзжать изъ Швеціи, то по возвращеніи она самымъ плачевнымъ образомъ выражалась по-шведски. Оригинально было то, что когда она уставала или находилась въ дурномъ расположеніи духа, она почти не могла найти словъ, между тѣмъ какъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, она выражалась всегда необыкновенно легко и красиво. Языкъ подчинялся ея личному настроенію, какъ и вообще всѣ ея способности.

Когда она вернулась въ послѣднюю осень изъ Италіи, послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ ней, въ полномъ восторгѣ отъ этой страны, то оказалось, что она научилась говорить тамъ по-итальянски, такъ что могла довольно свободно выражаться на этомъ языкѣ, но за то возмутительно дурно говорила по-шведски, и чувствовала поэтому большое предубѣжденіе по отношенію къ Швеціи.

Единственный иностранный языкъ, которымъ она порядочно владѣла, это французскій, хотя она писала на немъ неправильно. А въ Россіи, какъ мнѣ говорили, замѣчали на ея слогѣ вліяніе иностранныхъ языковъ.

Она часто жаловалась на невозможность говорить по-русски съ своими близкими друзьями въ Швеціи: «Я не могу», говорила она, «передать вамъ по-шведски самыхъ тонкихъ оттѣнковъ моихъ мыслей;

*

я принуждена всегда или довольствоваться первымъ попавшимся мнѣ на умъ словомъ, или говорить обиняками, и поэтому всякій разъ, когда возвращаюсь въ Россію, мнѣ кажется, что я вернулась изъ тюрьмы, гдѣ держали связанными взаперти мои лучшія мысли. О, вы не можете представить себѣ, какое это мученіе быть принужденнымъ всегда говорить на чужомъ языкѣ съ своими близкими! Это все равно, какъ если бы васъ заставили ходить цѣлый день съ маскою на лицѣ».

Въ январѣ 1884 г. я уѣхала въ Лондонъ и вновь увидѣлась съ Софьей только въ сентябрѣ того же года. Въ Лондонѣ я получила одно лишь письмо отъ нея, въ которомъ она слѣдующимъ образомъ описываетъ первую свою зиму въ Стокгольмѣ (на письмѣ нѣтъ числа, но оно, очевидно, было написано въ началѣ апрѣля).

«Что сказать вамъ о моей жизни въ Стокгольмѣ? Если она не могла назваться особенно содержательною, зато она была очень шумною и стала подъ конецъ достаточно утомительною. Ужины, обѣды, вечера слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ и было нелегко поспѣвать вездѣ и находить вмѣстѣ съ тѣмъ время для подготовленія къ лекціямъ и продолженія начатыхъ работъ. Сегодня мы на двѣ недѣли прекратили чтеніе лекцій по случаю пасхальныхъ вакацій, и я, какъ ребенокъ, радуюсь этому перерыву въ занятіяхъ. Впрочемъ, недалеко уже и

1-ое мая, когда я думаю отправиться въ Берлинъ черезъ Петербургъ. Что же касается остальныхъ моихъ плановъ на зиму, то они еще совсѣмъ не опредѣлились, такъ какъ зависятъ, конечно, не отъ меня одной».

«Какъ вы легко можете себѣ представить, здѣсь много занимаются вами! Всѣ желаютъ получить извѣстія о вашемъ житьѣ-бытьѣ, и ваши письма читаются на расхватъ, много комментируются и производятъ настоящую сенсацію. Стокгольмскія дамы, дающія тонъ обществу, всегда страдаютъ недостаткомъ интересныхъ и возбуждающихъ темъ для разговора, и вы оказываете имъ положительно благодѣяніе, снабжая ихъ этими темами. Я заранѣе радуюсь и торжествую при мысли о впечатлѣніи, которое произведетъ ваша новая пьеса при постановкѣ на сценѣ».

Уже въ апрѣлѣ Софья закончила курсъ своихъ лекцій и уѣхала въ Россію, откуда написала Миттагъ-Леффлеру слѣдующее письмо [1]):

Россія, 29-го апрѣля 1884 г.

«Мнѣ кажется, что уже прошло цѣлое столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ я оставила Стокгольмъ. Никогда въ жизни не буду я въ состояніи выразить или доказать вамъ всю благодарность и всю дружбу, ко-

---

[1]) Это письмо, равно какъ и всѣ приведенныя выше, написано по-французски.

торую питаю къ вамъ. Въ Швеціи я нашла новую мородину, новую семью, и это какъ разъ въ ту минуту, когда я больше всего нуждалась въ поддержкѣ и сочувствіи».

Курсъ лекцій, прочитанный Софьей въ эту зиму на нѣмецкомъ языкѣ въ Стокгольмской высшей школѣ, носилъ вполнѣ частный характеръ, какъ я уже говорила выше. Но онъ доставилъ ей такую блестящую репутацію, что Миттагъ-Леффлеръ получилъ возможность собрать средства, необходимыя для обезпеченія за ней оффиціальнаго положенія въ качествѣ профессора, по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ. Нѣсколько лицъ обязалось платить по пятисотъ кронъ въ теченіе пяти лѣтъ, такъ что для нея составилось жалованье въ четыре тысячи кронъ въ годъ. При своемъ тогдашнемъ финансовомъ положеніи она не могла работать даромъ, какъ великодушно предлагала раньше. Но не одинъ только экономическій вопросъ затруднялъ доставленіе ей оффиціальнаго положенія. Главная суть дѣла заключалась въ томъ, чтобы одержать верхъ надъ консервативнымъ сопротивленіемъ, подымавшимся естественно со всѣхъ сторонъ противъ назначенія женщины на должность профессора университета, чему не было примѣра ни въ одномъ изъ существующихъ европейскихъ университетовъ. Наконецъ, 1-го іюля 1884 г. Миттагъ-Леффлеръ былъ обрадованъ возможностью телеграфировать Софьѣ, находившейся въ то время въ Бер-

линѣ, что ея назначеніе профессоромъ въ Стокгольмскій университетъ уже состоялось. Она отвѣтила на это слѣдующимъ письмомъ:

Берлинъ, 1-го іюля 1884 г.

«Я считаю излишнимъ говорить вамъ, какъ сильно обрадовало меня ваше письмо. Теперь я могу признаться вамъ, что до послѣдней минуты мало вѣрила въ осуществимость нашего желанія; я боялась, чтобы въ послѣднюю минуту не появилось какое-нибудь непредвидѣнное затрудненіе и не разрушило всѣ наши планы. При этомъ я совершенно увѣрена, что если мы одержали побѣду, то только благодаря вамъ, вашему упорству и вашей энергіи. Отъ души желала бы имѣть достаточно силы и способностей, чтобы хорошо выполнить возложенныя на меня обязанности и оказать вамъ дѣйствительную поддержку во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ. Я такъ много надеждъ возлагаю на будущее и такъ счастлива возможностью работать вмѣстѣ съ вами! Какое счастье, что намъ удалось встрѣтиться въ жизни!»...

Въ томъ же письмѣ дальше говорится слѣдующее:—«В. бесѣдовалъ съ нѣсколькими лицами изъ министерства по поводу моего желанія посѣщать здѣшнія лекціи. Есть надежда добиться разрѣшенія, но только не на это лѣто, потому что теперешній ректоръ страшный врагъ женскаго вопроса. Я на-

дѣюсь, что это устроится въ декабрѣ, когда я вернусь сюда на рождественскіе праздники»...

Итакъ, въ то время, когда Стокгольмскій университетъ уже назначилъ г-жу Ковалевскую профессоромъ, въ германской столицѣ ей отказывали въ разрѣшеніи слушать лекціи.

Еще до поѣздки въ Берлинъ она лѣтомъ навѣстила свою маленькую дочь, жившую въ Москвѣ у одной подруги дѣтства Софьи. Отсюда она написала Миттагъ-Леффлеру письмо, которое можетъ служить объясненіемъ того, какъ она понимала свои обязанности матери и какую борьбу приходилось ей вести по поводу этого.

Москва, 3-го іюня 1884 г.

«...Я получила здѣсь длинное письмо отъ Т., въ которомъ она меня горячо убѣждаетъ привезти съ собою въ Стокгольмъ и мою маленькую Соню. Но несмотря на всѣ основанія, которыя заставляютъ меня желать жить вмѣстѣ съ моею дѣвочкою, я рѣшилась оставить ее еще на одну зиму въ Москвѣ. Я не думаю, чтобы я поступила въ интересахъ ребенка, если бы взяла ее отсюда, гдѣ ей такъ хорошо живется, и увезла съ собою въ Стокгольмъ, гдѣ ничто еще не приготовлено для ея пріема, и гдѣ я сама принуждена буду посвящать все свое время и всю свою энергію на выполненіе своихъ новыхъ обязанностей. Т. между многими другими

основаніями приводилъ и то, что многіе будутъ обвинять меня въ равнодушіи къ дочери. Я допускаю, что такого рода обвиненія весьма возможны, но, признаюсь, они не могутъ имѣть никакого значенія въ моихъ глазахъ. Я согласна подчинить себя суду стокгольмскихъ дамъ во всемъ, что касается разнаго рода мелочей жизни. Но въ серьезныхъ вопросахъ, въ особенности, когда дѣло идетъ не только обо мнѣ, но и о благѣ моей дѣвочки, было бы непростительною слабостью съ моей стороны руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ желаніемъ прослыть хорошею матерью въ глазахъ стокгольмскихъ дамъ».

По возвращеніи въ Швецію, Софья на нѣсколько недѣль поселилась въ Седерлеге, чтобы заниматься, не развлекаясь, окончаніемъ одной значительной работы о «Преломленіи свѣта въ кристаллѣ». Миттагъ-Леффлеръ и одинъ молодой нѣмецкій математикъ, съ которымъ Софья познакомилась во время своего лѣтняго пребыванія въ Берлинѣ, посѣщали ее, причемъ послѣдній помогалъ ей редактировать ея сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ.

Пріѣхавши къ ней послѣ моего возвращенія, я была поражена, увидѣвъ, насколько она помолодѣла и похорошѣла. Сначала я подумала, что все это происходитъ благодаря тому, что она сняла черное траурное платье; черный цвѣтъ ей ужасно не шелъ и она сама терпѣть не могла ходить въ черномъ. Напротивъ того, свѣтло-голубое платье, въ кото-

ромъ я ее застала, замѣчательно шло къ ней; цвѣтъ лица ея казался нѣжнѣе, а ея густые, темно-каштановые волосы красивыми локонами обрамляли ея голову.

Но перемѣна была не въ одной только наружности. Я замѣтила, что грусть, составлявшая обычное выраженіе ея лица во время перваго пріѣзда въ Швецію, уступила мѣсто блестящей веселости,— другой сторонѣ ея существа, съ которою мнѣ пришлось познакомиться только теперь. Въ такіе періоды своей жизни она отличалась поразительнымъ остроуміемъ; полу-саркастическія, полу-добродушныя выходки градомъ сыпались вокругъ нея, самые смѣлые парадоксы смѣняли одинъ другого съ изумительною быстротою, и тотъ, кто не отличался особенною живостью въ отвѣтахъ, лучше дѣлалъ, если молчалъ въ такихъ случаяхъ, потому что она не давала своимъ собесѣдникамъ много времени на возраженія.

Ея возбужденное настроеніе продолжалось въ теченіе всей осени. Она принимала большое участіе въ жизни общества и представляла всегда центръ, вокругъ котораго оно группировалось. Саркастическая черта, присущая ея характеру, и глубокое презрѣніе, которое она въ дѣйствительности питала ко всякой умственной посредственности, — она была «умственнымъ аристократомъ» и большою поклонницею ума—скрывались у нея благодаря прирожденному,

какъ романисткѣ, глубокому сочувствію ко всѣмъ жизненнымъ столкновеніямъ, ко всякой жизненной борьбѣ, даже къ самымъ незначительнымъ. Вслѣдствіе этого она всегда съ живѣйшимъ интересомъ относилась ко всему, что происходило въ кружкѣ ея пріятелей, выслушивала съ участіемъ разсказы дамъ о своихъ хозяйственныхъ заботахъ, разговоры молодыхъ дѣвушекъ о нарядахъ и т. под. бесѣды, которыя велись въ ея присутствіи. Поэтому многіе говорили о ней: она такъ проста и скромна, словно школьница, и нисколько не считаетъ себя выше другихъ женщинъ.

Но, какъ я уже говорила, это было совершенно невѣрно; откровенность и любезность, которыя она выказывала въ своемъ обращеніи и которыя дѣлали ее такою доступною для всѣхъ, были только кажущіяся. На самомъ дѣлѣ она отличалась чрезвычайно замкнутымъ характеромъ, и мало было людей, которыхъ она считала себѣ равными. Только гибкость, присущая ея характеру и ея уму, желаніе нравиться всѣмъ, равно какъ и чисто психологическій, свойственный писательницѣ, интересъ ко всѣмъ проявленіямъ человѣческой природы, обусловливали то въ высшей степени симпатичное обращеніе ея со всѣми окружающими, которое привлекло къ ней всѣ сердца. Она лишь въ рѣдкихъ случаяхъ давала чувствовать саркастическое направленіе своего ума тѣмъ, кого считала ниже себя въ умствен-

номъ отношеніи, зато вволю изливала свои сарказмы на голову тѣхъ, кого считала равными себѣ.

Между тѣмъ жизнь въ Стокгольмѣ вскорѣ надоѣла ей. Прошло лишь немного времени послѣ пріѣзда, и она уже говорила, что знаетъ на перечетъ всѣхъ стокгольмскихъ жителей и начинаетъ чувствовать потребность въ новыхъ умственныхъ стимулахъ. Въ томъ-то и заключалось ея несчастье, что она никакъ не могла сродниться съ жизнью въ Стокгольмѣ, не могла освоиться въ Стокгольмѣ, какъ и вообще нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ, но нуждалась всегда въ новыхъ впечатлѣніяхъ для своей умственной дѣятельности, постоянно требовала отъ жизни драматическихъ событій и утонченныхъ умственныхъ наслажденій. Будничная жизнь съ ея сѣрыми сторонами была ей глубоко ненавистна; у нея была цыганская натура, какъ она сама часто говорила, и все, что подразумѣвается подъ словомъ «мѣщанскія добродѣтели», было ей не только не симпатично, но просто отвратительно.

Сама она объясняла эту черту своего характера какъ полученную по наслѣдству отъ прабабки цыганки, на которой женился отецъ ея дѣда (если я не ошибаюсь). Но черта эта коренилась не только въ ея темпераментѣ, но и въ характеристическихъ особенностяхъ ея ума, потому что, будучи въ высшей степени производительною натурою, она была въ то же время и въ высшей степени воспріимчи-

вою, и для того, чтобы производить, нуждалась въ стимулѣ со стороны другого ума. Вслѣдствіе этого вся ея научная дѣятельность была не инымъ чѣмъ, какъ развитіемъ идей ея великаго учителя, а для своихъ литературныхъ произведеній она чувствовала непреодолимую потребность въ обмѣнѣ мыслями съ другими лицами, занимавшимися тою же дѣятельностью. Въ виду этой основной черты ея характера и ума, ее, понятно, не могъ удовлетворить такой маленькій городъ, какъ Стокгольмъ. Только въ большихъ европейскихъ столицахъ могла она чувствовать себя хорошо, только тамъ находила тотъ умственный стимулъ, въ которомъ такъ сильно нуждалась.

Рождество того же 1884 года она провела въ Берлинѣ и по возвращеніи впервые произнесла фразу, которую часто повторяла потомъ и которая оскорбляла и огорчала ея шведскихъ друзей: «Дорога изъ Стокголма въ Мальмё», говорила она, «кажется мнѣ одною изъ самыхъ прекрасныхъ дорогъ на всемъ земномъ шарѣ, но дорога изъ Мальмё въ Стокгольмъ—самая безобразная, длинная и скучная изъ всѣхъ, по какимъ мнѣ когда-либо случалось проѣзжать».

Сердце сжимается у меня при мысли о томъ, какъ часто приходилось ей совершать это путешествіе, каждый разъ все съ большимъ и большимъ

ожесточеніемъ, пока оно не привело ее, наконецъ, къ преждевременной могилѣ.

Письмо, полученное отъ нея моимъ братомъ въ упомянутое Рождество, показываетъ, какая глубокая меланхолія царила въ ея душѣ, не смотря на всю внѣшнюю веселость. Берлинскіе друзья ея разсказываютъ, что они никогда не видали ее болѣе веселою и жизнерадостною, какъ въ это зимнее посѣщеніе Берлина. Она жаловалась, что во время своей ранней юности пренебрегала всѣми обыкновенными удовольствіями молодости и хотѣла теперь вознаградить себя за потерянное, почему, между прочимъ, начала брать уроки танцевъ и катанья на коньках. Такъ какъ ей не хотѣлось брать первые уроки катанья на конькахъ при публикѣ, то одинъ изъ ея друзей и поклонниковъ устроилъ особый катокъ у себя въ саду, въ одной изъ загородныхъ дачъ. Уроки танцевъ она брала подобнымъ же образомъ, въ частной гостиной, причемъ кавалерами служили ей нѣкоторые изъ ея поклонниковъ. Она переходила отъ одного удовольствія къ другому, встрѣчая повсюду самый радушный пріемъ и поклоненіе, что́ ей всегда очень нравилось.

Но радостное настроеніе ея продолжалось недолго. Уже черезъ мѣсяцъ оно смѣнилось совершенно другимъ, вызваннымъ отчасти извѣстіемъ о болѣзни сестры, отчасти обстоятельствами личной жизни, которыя для нея и на этотъ разъ, какъ и всегда, сло-

жились не особенно радостно, и были дѣйствительно причиною, какъ сильно вспыхнувшей у нея жажды жизни, такъ и послѣдовавшаго затѣмъ сильнаго упадка духа. Вотъ что она пишетъ отъ 27 декабря:

«Я въ очень подавленномъ настроеніи духа, потому что получила самыя ужасныя извѣстія отъ своей сестры. Болѣзнь прогрессируетъ съ ужасающею быстротою. Теперь пострадало зрѣніе: она не можетъ ни читать, ни писать. Причина—та же самая: сердце плохо функціонируетъ, отчего происходятъ временные застои крови и ослабленіе дѣятельности различныхъ органовъ. Я дрожу при мысли о страшной потерѣ, которая грозитъ мнѣ въ недалекомъ будущемъ. Какъ жизнь въ сущности возмутительна, и какъ глупо продолжать жить! Какъ хорошо поставлено дѣло въ романахъ и драмахъ: стоитъ извѣстному лицу открыть, что жизнь не представляетъ для него больше никакой цѣны, какъ на сцену является немедленно нѣчто или нѣкто, и облегчаетъ ему переходъ въ «Ienseits». Въ этомъ отношеніи дѣйствительность стоитъ несравненно ниже. Много говорятъ о тѣхъ измѣненіяхъ въ организмѣ, которыя мало-по-малу живыя существа развиваютъ помощью естественнаго подбора и т. д. Я нахожу, что въ дѣйствительности самымъ важнымъ усовершенствованіемъ было бы искусство умирать скоро и легко. Но въ этомъ отношеніи человѣкъ значительно отсталъ отъ другихъ животныхъ. Насѣ-

комыя и низшія животныя никакъ не могутъ рѣшиться умереть; просто трудно представить себѣ, какую массу страданій можетъ вынести какое-либо насѣкомое, не переставая существовать; но чѣмъ выше степень развитія даннаго существа, тѣмъ легче и скорѣе совершается у него переходъ отъ жизни къ смерти. Для птицы, для всѣхъ дикихъ звѣрей, для льва, для тигра, всякая почти болѣзнь смертельна; они либо пользуются всѣми наслажденіями жизни, либо умираютъ. Но человѣкъ въ этомъ отношеніи ближе всего подходитъ къ низшимъ животнымъ, и многіе изъ моихъ знакомыхъ заставляютъ меня поневолѣ вспоминать о насѣкомыхъ, у которыхъ оторвали крылья, раздавили всѣ члены, отняли ноги, а они, несмотря на это, все же не рѣшаются умереть. Извините меня за грустный тонъ моего сегодняшняго письма. Я теперь въ очень мрачномъ настроеніи. Но, что хуже всего, я не чувствую ни малѣйшей склонности къ работѣ. Я даже не могла заставить себя заняться серьезно приготовленіемъ лекцій на будущій семестръ. Но я много думала о слѣдующей проблемѣ»... (Здѣсь слѣдуютъ математическія вычисленія).

Приведу еще одну выписку изъ того же письма: «Въ видѣ рождественскаго подарка я получила отъ вашей сестры статью Стриндберга, въ которой онъ доказываетъ такъ ясно, какъ дважды два четыре, насколько такое чудовищное явленіе, какъ женскій

профессоръ математики, вредно, безполезно и неудобно. Я лично нахожу, что онъ въ сущности правъ; единственное, противъ чего я протестую, это то, что въ Швеціи находится такое множество математиковъ, стоящихъ несравненно выше меня, и что меня пригласили единственно изъ любезности».

IX.

Спортъ и другія времяпрепровожденія.

Среди массы катающихся на заливѣ и на королевской дорогѣ около Скеппсгольмена можно было въ слѣдующія зимы видѣть почти каждый день небольшого роста даму въ плотно облегающей мѣховой кофточкѣ, съ близорукими глазами, и руками, спрятанными въ муфту. Она осторожно, неувѣренными шагами подвигалась впередъ на конькахъ рядомъ съ высокимъ господиномъ въ очкахъ и высокою и тонкою дамою, которая также не отличалась особенною увѣренностью въ движеніяхъ. Скользя по льду колеблющимися шагами, они не переставали горячо о чемъ-то разговаривать, причемъ кавалеръ отъ времени до времени рисовалъ на льду какія-то математическія фигуры—не коньками впрочемъ, потому что онъ не былъ для этого достаточно искусенъ, а палкою. Тогда маленькая дама останавливалась и внимательно раз-

*

сматривала ихъ. Эти два конькобѣжца возвращались изъ высшей школы и, вступивъ еще въ школѣ въ горячій споръ по поводу только-что прочитанной тѣмъ или другимъ лекціи, продолжали его и во время всего пути. Но иногда маленькая дама начинала испускать испуганные крики и умолять своего кавалера не говорить о математикѣ во время катанья на конькахъ, такъ какъ она теряетъ при этомъ равновѣсіе. Въ другой разъ разговоръ велся въ совершенно иномъ духѣ: маленькая и высокая дама обмѣнивались своими психологическими наблюденіями и сообщали другъ другу планы будущихъ своихъ драмъ и романовъ. Онѣ спорили также и о томъ, кто изъ нихъ наиболѣе искусенъ въ благородномъ спортѣ, занимавшемъ ихъ въ данное время, и какъ ни были онѣ всегда готовы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ признавать заслуги и достоинства другъ друга, въ этомъ одномъ онѣ рѣшительно отказывались замѣчать успѣхи, дѣлаемые каждою изъ нихъ. Но тотъ, кто въ эти зимы встрѣчался въ обществѣ съ г-жею Ковалевскою, могъ вынести убѣжденіе, что она отличается необыкновеннымъ искусствомъ въ катаньи на конькахъ, такъ что могла бы даже брать призы въ состязаніи съ самыми искусными конькобѣжцами. Она съ такимъ жаромъ и съ такимъ интересомъ отзывалась всегда объ этомъ спортѣ и такъ гордилась малѣйшимъ своимъ успѣхомъ въ этомъ отношеніи, какъ никогда не гордилась своими научными рабо-

тами, не смотря на всемірную извѣстность, которую онѣ ей доставили. Потому-то она никогда не была такъ довольна собою, какъ именно тогда, когда вопросъ шелъ о недостижимой для нея вещи, т. е. о такой, къ которой у нея не было рѣшительно никакихъ способностей.

Вышеупомянутая маленькая дама въ эти зимы съ своею высокою спутницею показывалась также и въ манежѣ, причемъ слѣдуетъ сказать вообще, что эти двѣ особы были неразлучны и что гдѣ была одна, тамъ можно было сейчасъ же найти и другую. Знаменитая г-жа Ковалевская возбуждала всеобщее вниманіе своимъ появленіемъ въ манежѣ, но ни одна двѣнадцатилѣтняя дѣвочка не стала бы вести себя болѣе дѣтскимъ образомъ, чѣмъ она, во время этихъ уроковъ верховой ѣзды. Страсть къ спорту соединялась у нея съ полнымъ отсутствіемъ требуемыхъ для этого способностей. Едва садилась она на лошадь, какъ ее охватывалъ безумный страхъ; она теряла всякое самообладаніе и при малѣйшемъ неожиданномъ движеніи лошади начинала громко кричать. Каждый разъ, являясь въ манежъ, она требовала, чтобы ей давали самую смирную и спокойную лошадь, и хотя желаніе это всегда приводилось въ исполненіе, но затѣмъ въ объясненіе своей неудачной ѣзды и своего испуга она говорила всякій разъ, или что лошадь у нея закапризничала, или

что она неожиданно споткнулась, или что ей дали невозможное сѣдло.

Она никакъ не могла больше пяти минутъ ѣздить рысью; какъ только лошадь ея начинала бѣжать настоящимъ образомъ, она тотчасъ, задыхаясь отъ страха, кричала на своемъ ломаномъ шведскомъ языкѣ: «пожалуйста, г. штальмейстеръ, скажите моей лошади: стой!»

Она съ величайшею любезностью выносила насмѣшки и шутки, которыми осыпали ее по этому поводу ея ближайшіе друзья, но когда она затѣмъ разговаривала съ посторонними о своихъ подвигахъ верховой ѣзды, получалось всегда такое впечатлѣніе, какъ будто она весьма искусная наѣздница, смѣло галопирующая на самыхъ буйныхъ лошадяхъ. Это не было обманомъ съ ея стороны; она сама была убѣждена въ истинѣ того, что говорила, т.-е. она была убѣждена въ томъ, что въ слѣдующій разъ ей удастся выказать во всемъ блескѣ свое искусство и она всегда являлась въ манежъ съ самыми смѣлыми планами, и предлагала не разъ отправиться въ какія-нибудь отдаленныя экскурсіи верхомъ. Но какъ только она чувствовала подъ собою лошадь, ею тотчасъ же овладѣвалъ страхъ. Она увѣряла, что это не страхъ, а только нервность, которая дѣлаетъ ее въ высшей степени чувствительною ко всякаго рода звукамъ, почему топотъ лошадей въ манежѣ раздражительно дѣйствуетъ на нее и заставляетъ те-

рять всякое самообладаніе. При такого рода объясненіяхъ ея друзья не могли удержаться отъ искушенія, и коварно спрашивали ее, какой звукъ смутилъ ее, когда она бросилась бѣжать очертя голову, не помня себя, при видѣ коровы, спокойно пасущейся на лугу, или при встрѣчѣ съ собакою, молча обнюхавшей ее.

Впрочемъ, сама она превосходно описала такого рода трусость у одного своего героя, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ очень выдающагося человѣка, въ оставленной ею по смерти повѣсти, «Вѣра Воронцова»:

«Въ ученомъ кружкѣ, среди котораго вращался В., никому не приходило въ голову заподозрить его въ трусости. Напротивъ того, товарищи его жили въ постоянномъ страхѣ, что онъ поставитъ ихъ въ затрудненіе своею излишнею храбростью. Самъ онъ въ душѣ считалъ себя очень мужественнымъ. Въ своихъ затаенныхъ мечтахъ—въ такихъ, въ которыхъ не признаются и самому закадычному другу,— онъ воображалъ себя нерѣдко поставленнымъ въ самыя опасныя положенія и не разъ, въ тиши своей рабочей комнаты, занимаясь наукою, чувствовалъ страстное желаніе принять участіе въ какомъ-нибудь геройскомъ подвигѣ. Но несмотря на это, вопреки мужеству, признаваемому всѣми за нимъ, В. относился всегда съ большимъ уваженіемъ къ городскимъ

собакамъ и избѣгалъ также весьма тщательно знакомства съ городскимъ быкомъ».

Что касается Софьи, то она, быть можетъ, и преувеличивала нѣсколько свой страхъ изъ безсознательнаго женскаго кокетства. Она обладала въ значительной степени тѣмъ чисто женскимъ чувствомъ, которое многіе мужчины находятъ такимъ привлекательнымъ, — а именно, находила всегда большое удовольствіе въ томъ, чтобы чувствовать себя охраняемой, чтобы находиться подъ защитою другого лица.

Съ мужскою энергіею и мужскимъ умомъ и съ замѣчательнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ упорствомъ въ характерѣ, она соединяла и значительную долю женской безпомощности. Она всегда чувствовала потребность въ опорѣ, въ другѣ, который помогалъ бы ей выпутаться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и облегчалъ бы ей жизнь. И она почти всегда и повсюду находила такого друга, а когда его не оказывалось, она чувствовала себя несчастною, безпомощною и смущенною, точно неопытное дитя.

Она не могла сама купить себѣ платья, не могла сама смотрѣть за своими вещами, не могла сама найти дороги въ городѣ—проживши столько времени въ Стокгольмѣ, она умѣла находить тѣ только улицы, которыя вели въ высшую школу и къ ея ближайшимъ друзьямъ,—не могла сама заботиться ни о своихъ

дѣлахъ, ни о своемъ домашнемъ хозяйствѣ, ни о своей дочери, почему должна была постоянно оставлять ее на чужихъ рукахъ,—однимъ словомъ, она была до такой степени непрактична, что всѣ мелкія заботы жизни казались ей невыносимыми. А когда вопросъ шелъ о томъ, чтобы доставить себѣ доходы издателей, рекомендаціи для достиженія какой-нибудь цѣли, она была совершенно не въ состояніи выступать въ защиту своихъ интересовъ. Но при этомъ всегда на ея пути находился преданный другъ, который принималъ ея интересы такъ же близко къ сердцу, какъ и свои собственные, и кому она могла поручать всѣ заботы о себѣ.

На каждой станціи желѣзной дороги, на которой ей приходилось останавливаться, стоялъ всегда кто-нибудь, чтобы встрѣтить ее, приготовить ей комнату, руководить ею, служить ей. И она съ такою радостью принимала такого рода услуги, была такъ счастлива возможностью опереться на другого, стать подъ его защиту, что иногда, какъ я уже говорила выше, ей случалось даже преувеличивать свою безпомощность. Но при всемъ этомъ едва-ли можно было встрѣтить другую женщину, которая въ состояніи была бы меньше нея выносить зависимыя къ другому отношенія.

Въ одномъ письмѣ, написанномъ ею на нѣмецкомъ языкѣ своему поклоннику въ Берлинѣ, который училъ

ее кататься наونькахъ и танцовать, она слѣдующимъ образомъ описываетъ свою жизнь въ Стокгольмѣ, зимою 1885 г.:

Стокгольмъ, апрѣль 1885 г.

Дорогой г. В.

Я чувствую себя очень виноватою передъ вами, не отвѣтивъ до сихъ поръ на ваше любезное письмо. Мое единственное извиненіе заключается въ массѣ разнаго рода занятій, которыя послѣдніе два мѣсяца отнимали у меня все время. Разскажу вамъ все, что я дѣлала.

1. Прежде всего я должна была позаботиться о своихъ трехъ лекціяхъ въ недѣлю на шведскомъ языкѣ. Я читаю алгебраическое введеніе къ теоріи абелевскихъ функцій, и повсюду въ Германіи лекціи эти считаются наиболѣе трудными. У меня чрезвычайно много слушателей, и всѣ они остались вѣрными мнѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ.

2. Я за это время написала небольшой математическій трактатъ, который намѣреваюсь на-дняхъ отправить къ Вейерштрассу съ просьбою напечатать въ журналѣ Боргарта.

3. Я совмѣстно съ Миттагъ-Леффлеромъ начала большую математическую статью, отъ которой мы оба обѣщаемъ себѣ много удовольствія. Это покамѣсть секретъ и вы не должны никому разсказывать этого.

4. Я познакомилась съ однимъ очень симпатичнымъ господиномъ, только-что пріѣхавшимъ изъ Америки, который теперь состоитъ редакторомъ одной изъ самыхъ большихъ газетъ въ Швеціи. Этотъ господинъ заставилъ меня работать также и для своей газеты, и такъ какъ я (что вы, вѣроятно, замѣтили) никогда не могу видѣть своихъ друзей занимающимися чѣмъ-нибудь безъ того, чтобы не принять участія въ ихъ занятіяхъ, то я и на этотъ разъ поступила по обыкновенію, и написала рядъ небольшихъ газетныхъ статей для него. До сихъ поръ напечатана только одна изъ нихъ: «Изъ моихъ личныхъ воспоминаній», которую и посылаю вамъ, такъ какъ вы отлично понимаете по-шведски.

5. (Lost not least). Можете-ли вы себѣ представить, что, какъ это ни кажется невѣроятнымъ, а изъ меня выработался очень искусный конькобѣжецъ. Вплоть до послѣдней недѣли меня можно было почти каждый день встрѣтить на льду. Мнѣ было очень жаль, что вы не могли видѣть, какъ я подъ конецъ начала хорошо бѣгать. Съ каждымъ новымъ успѣхомъ я вспоминала о васъ. Теперь я довольно хорошо умѣю скользить назадъ, а впередъ катаюсь отлично и очень быстро... Всѣ мои знакомые здѣсь удивлялись, что я такъ быстро выучилась этому трудному искусству. Чтобы вознаградить себя нѣсколько за исчезновеніе льда, я со страстью предалась верховой ѣздѣ вмѣстѣ съ одной изъ моихъ

подругъ. Скоро наступитъ Пасха, и у насъ будетъ нѣсколько недѣль свободныхъ: тогда я думаю кататься по крайней мѣрѣ по часу каждый день. Верховая ѣзда меня страшно забавляетъ, и я не знаю, право, что мнѣ больше нравится: катаніе верхомъ или катаніе на конькахъ.

Но этимъ еще не заканчивается повѣсть о моемъ легкомысліи. 1-го апрѣля устраивается здѣсь большое народное празднество. Празднество это, какъ говорятъ, будетъ носить чисто шведскій характеръ,— это будетъ нѣчто въ родѣ базара. Сто дамъ, въ томъ числѣ и я, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, будутъ заниматься продажею всевозможныхъ вещей въ пользу народнаго музея. Я, конечно, намѣреваюсь нарядиться въ цыганскій костюмъ, такъ что на меня будетъ страшно посмотрѣть. Я убѣдила нѣсколькихъ дамъ раздѣлить мою судьбу. Мы образуемъ цыганскій таборъ и намъ дадутъ въ помощники нѣсколькихъ молодыхъ людей, наряженныхъ также въ цыганскія платья. У насъ будетъ русскій самоваръ, при помощи котораго мы и будемъ поить чаемъ желающихъ.

Что вы скажете на все это мое легкомысліе, дорогой г. В.?

Сегодня вечеромъ, въ моей маленькой гостиной, соберется большое общество, въ первый разъ послѣ моего пріѣзда въ Стокгольмъ».

Весною того же года распространился слухъ, что

Софья будетъ назначена профессоромъ механики вмѣсто заболѣвшаго профессора Гольмгрена. По поводу этого она написала 3-го іюня слѣдующее письмо къ Миттагъ-Леффлеру, уѣхавшему изъ Стокгольма:

Стокгольмъ, 3—6 іюня 1885.

«...Я была у Линдгагена, который передалъ мнѣ, что правленіе единогласно согласилось назначить меня замѣстителемъ Гольмгрена, но что объ этомъ пока ничего не говорятъ, боясь повредить здоровью Гольмгрена, который очень боленъ, но не подозрѣваетъ опасности своего положенія. Я сказала Линдгагену, что я очень рада, что мнѣ весьма пріятно узнать желаніе правленія назначить меня для замѣщенія Гольмгрена, въ томъ случаѣ, если онъ не будетъ въ состояніи читать осенью лекцій; если же, вопреки всѣмъ предположеніямъ, Г. выздоровѣетъ я такъ обрадуюсь этой счастливой случайности, что не буду ни одной минуты сожалѣть о времени, даромъ потраченномъ на подготовленіе къ лекціямъ. Я чрезвычайно рада, дорогой другъ мой, счастливому обороту дѣла, и буду теперь употреблять всѣ усилія, чтобы особенно хорошо читать лекціи. Всякаго рода нравоучительныя исторіи въ высшей степени скучны въ книгахъ, но въ дѣйствительной жизни онѣ дѣйствуютъ самымъ возбуждающимъ и полезнымъ образомъ; я вдвойнѣ рада тому, что мое правило pas trop de zèle было такимъ бле-

стящимъ образомъ опровергнуто. Надѣюсь, что и вы не будете имѣть повода упрекать меня въ слишкомъ быстрой потерѣ мужества. Прежде всего вы не должны забывать, дорогой другъ мой, что я русская. Когда шведъ устанетъ или придетъ въ дурное расположеніе духа, онъ хмурится и молчитъ, вслѣдствіе чего его дурное расположеніе духа обращается у него нерѣдко въ хроническую болѣзнь. Русскій, напротивъ того, такъ громко жалуется и кричитъ, что его крики и жалобы производятъ на него такое же дѣйствіе въ нравственномъ отношеніи, какое чай изъ бузины производитъ въ физическомъ въ случаѣ катарра. Я, впрочемъ, должна сказать о себѣ, что я лично жалуюсь и кричу только въ томъ случаѣ, когда мнѣ не очень больно; когда же мнѣ очень больно, я молчу и тогда никому при моемъ видѣ и въ голову не придетъ мысль, что я въ отчаяніи. Что-же касается до адресованныхъ къ вамъ упрековъ въ излишнемъ оптимизмѣ, то я ни за что въ мірѣ не желала-бы, чтобы вы исправились отъ этого недостатка. Онъ вамъ замѣчательно къ лицу и кромѣ того самое вѣское доказательство, которое у меня имѣется относительно вашего оптимизма, это хорошее мнѣніе ваше обо мнѣ. Отсюда вы можете заключить, какъ мало я имѣю желанія, чтобы вы исправились...»

Вскорѣ послѣ того, Софья отправилась въ Россію, чтобы провести лѣто отчасти въ Петербургѣ, у

своей больной сестры, отчасти въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ со своей подругою и своею маленькою дочерью. Я приведу ниже нѣсколько писемъ, относящихся къ этому періоду времени.

Они не особенно содержательны, потому что Софья не любила писать писемъ, почему и моя корреспонденція съ нею никогда не отличалась большимъ оживленіемъ, а носила всегда отрывочный характеръ; но и въ этой краткой формѣ письма ея отражаютъ ея настроеніе, почему и способствуютъ въ значительной степени ея характеристикѣ. Я была въ Швейцаріи съ своимъ братомъ и пригласила ее проѣхаться туда ко мнѣ; въ отвѣтъ на это она прислала слѣдующее письмо:

«Дорогая моя Анна-Карлотта!

Я только что получила твое милое письмо. Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ хотѣлось бы тотчасъ пуститься въ дорогу, чтобы встрѣтиться въ Швейцаріи съ тобою и съ твоимъ братомъ и затѣмъ сейчасъ же приняться странствоватъ по Швейцаріи и подыматься на самыя высокія горы. У меня достаточно воображенія, чтобы представить себѣ, какъ намъ было бы при этомъ весело и какія счастливыя недѣли мы провели бы вмѣстѣ. Къ несчастью, меня удерживаютъ разнаго рода причины, одна глупѣе и скучнѣе другой. Прежде всего *я обѣщала остаться здѣсь* до 1 августа. Хотя въ принципѣ я

давно держусь правила, что человѣкъ господинъ своему слову, но старые предразсудки слишкомъ глубоко укоренились во мнѣ и всегда заставляютъ меня отступать, когда приходитъ время проводить свои теоріи на практикѣ, такъ что, вмѣсто того чтобы быть господиномъ своего слова, я чаще всего оказываюсь его рабою. Но кромѣ этого много есть еще другихъ обстоятельствъ, которыя удерживаютъ меня здѣсь. Твой братъ (который въ сущности отлично понимаетъ меня и очень вѣрно судитъ обо мнѣ, хотя ему этого не слѣдуетъ говорить, а то онъ слишкомъ много возомнитъ о себѣ) часто говорилъ, что я слишкомъ впечатлительна, что данныя обязанности и впечатлѣнія всегда управляютъ моими поступками. Въ Стокгольмѣ, гдѣ со мною обращаются какъ съ передовымъ борцомъ за женскій вопросъ, я начинаю также считать своею священнѣйшею обязанностью поддерживать и развивать «свой геній». Но я должна смиренно признаться, что здѣсь [1]) меня представляютъ всѣмъ новымъ знакомымъ не иначе, какъ подъ именемъ «Сониной мамы», и ты можешь себѣ представить, какимъ понижающимъ образомъ это обстоятельство дѣйствуетъ на мое тщеславіе и сколько возбуждаетъ во мнѣ женскихъ добродѣтелей, о которыхъ ты и понятія не имѣешь и которыя теперь

[1]) Въ деревнѣ возлѣ Москвы, гдѣ она гостила у подруги, воспитывавшей ея дочь.

поднимаются вверхъ, точно паръ. Прибавь еще къ этому жарỳ, размягчающую мой мозгъ, и ты будешь въ состояніи представить себѣ, на что я стала теперь похожа. Однимъ словомъ, отъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и мелочныхъ вліяній, которыя въ настоящую минуту держатъ въ тискахъ твою бѣдную пріятельницу, получается результатъ достаточно сильный, чтобы удержать меня здѣсь до 15 августа. Единственное, на что я могу надѣяться, это встрѣтиться съ вами въ Нормандіи и затѣмъ отправиться съ твоимъ братомъ въ Эбердинъ. Напиши мнѣ поскорѣе, милая, добрая А. К., какъ ты счастлива— какъ я тебѣ завидую, ты даже и представить себѣ не можешь! Пиши хоть по крайней мѣрѣ. Я постараюсь употребить всѣ усилія, чтобы съѣхаться съ вами въ Нормандіи.

«Bien à toi Софья».

Какъ въ большей части ея писемъ, и въ этомъ нѣтъ числа. Изъ предположенныхъ плановъ путешествій ничего не вышло, и мы увидались только въ Стокгольмѣ въ сентябрѣ.

Почти одновременно съ этимъ она писала моему брату:

«Cher Monsieur!

Я только-что получила ваше любезное письмо и спѣшу на него отвѣтить, хотя у меня нѣтъ рѣшительно ничего интереснаго сообщить вамъ. Наша

жизнь до такой степени однообразна, что я теряю способность не только заниматься, но даже думать. Мнѣ представляется, что стоитъ этой жизни продлиться еще нѣкоторое время, и я обращусь въ растеніе. Странно, право, что чѣмъ меньше у насъ дѣла, тѣмъ меньше въ состояніи мы работать, по крайней мѣрѣ такъ бываетъ со мною. Чтобы работать, мнѣ необходимо нуженъ какой-либо внѣшній стимулъ. Здѣсь же я положительно ничего не дѣлаю. Я цѣлые длинные дни сижу въ креслѣ съ вышиваніемъ въ рукахъ, безъ признака какой-либо мысли въ головѣ. Къ этому присоединяется еще и жара, которая за послѣдніе дни сдѣлалась удушающею. Послѣ холодныхъ, дождливыхъ дней, стоявшихъ у насъ вначалѣ, наступило внезапно лѣто, настоящее русское лѣто, когда можно въ тѣни сварить яйцо»...

Она писала въ это время и своему другу В., описывая шутливымъ образомъ свое пребываніе въ деревнѣ:

«Я живу теперь у своей подруги Юліи Л., въ принадлежащемъ ей маленькомъ имѣніи, къ сѣверу отъ Москвы. Я застала свою дочь здоровою и веселою и не знаю, кто изъ насъ двухъ болѣе радуется свиданію,—я или она. Теперь мы уже больше не разстанемся, по крайней мѣрѣ на долгое время, такъ какъ я намѣреваюсь увезти ее съ собою въ Стокгольмъ. Ей скоро исполнится шесть лѣтъ и она

очень развита для своего возраста. Говорятъ вообще, что она очень похожа на меня, и я въ самомъ дѣлѣ думаю, что и я была такою, какъ она, въ дѣтствѣ. Моя подруга теперь въ горѣ: у нея умерла сестра. Поэтому въ нашемъ домѣ царитъ всегда мрачная тишина. Мы живемъ исключительно въ обществѣ старыхъ дамъ, четырехъ старыхъ дѣвъ, и такъ какъ онѣ всѣ ходятъ теперь въ глубокомъ траурѣ, то мнѣ кажется по временамъ, что я попала въ монастырь. Мы ѣдимъ очень много и по четыре раза въ день пьемъ чай со всевозможными добавленіями въ видѣ фруктовъ, печеній и разныхъ сладостей, что значительно помогаетъ намъ убивать время. Я стараюсь, впрочемъ, разнообразить его и нѣсколько инымъ образомъ. Такъ, напр., сегодня я убѣдила Юлію отправиться со мною кататься безъ кучера въ сосѣдній городъ, увѣривши ее, что я отлично умѣю править. Въ городъ мы пріѣхали благополучно, но на возвратномъ пути лошадь бросилась въ сторону, экипажъ ударился о большой стволъ дерева, мы вылетѣли вонъ и упали въ грязь. Бѣдная Юлія подвернула себѣ при паденіи ногу, но я, зачинщица всего, вышла невредимою изъ этого приключенія».

Нѣсколько позже она пишетъ тому же лицу: «Наша жизнь здѣсь до такой степени однообразна, что я могу васъ только поблагодарить за ваше письмо. Въ послѣднее время я даже никого не выворачивала изъ экипажа, и наша жизнь протекаетъ

такъ же безмятежно тихо, какъ вода возлѣ плотины въ прудѣ, украшающемъ нашъ садъ. Мнѣ кажется, что у меня прекратилась даже способность размышлять. Я цѣлые дни сижу съ ручною работою и ни о чемъ рѣшительно не думаю».

Здѣсь будетъ умѣстно упомянуть о необыкновенной способности Софьи ничего не дѣлать въ промежуткахъ между занятіями. Она часто увѣряла, что никогда не чувствовала себя такъ хорошо, какъ въ эти промежутки полнаго отдыха, когда ей казалось труднымъ даже подняться со стула и когда она рѣшительно ничего не дѣлала, не признавала никакихъ умственныхъ занятій, а только читала какіе-нибудь интересные романы, вертѣла въ рукахъ какое-нибудь женское рукодѣлье, курила сигары и пила чай. Эта способность реагировать противъ слишкомъ напряженныхъ умственныхъ занятій и безпрестаннаго умственнаго возбужденія, которое обыкновенно съ такою силою дѣйствовало въ ней, составляли для нея большое счастье. Быть можетъ, эти постоянныя перемѣны въ ея характерѣ, эти вѣчные переходы отъ одного настроенія къ другому объясняются ея русско-нѣмецкимъ происхожденіемъ.

X.

Измѣнчивость настроенія.

Въ слѣдующую зиму элементъ чувствъ началъ вновь играть выдающуюся роль въ личной жизни Софьи. Она не находила больше ничего, что всецѣло наполняло бы ее или интересовало въ жизни общества, она не была увлечена научною работою, которая поглощала бы ее, ея лекціи доставляли ей мало удовольствія. При такихъ обстоятельствахъ она всегда предавалась самонаблюденіямъ, размышленіямъ о своей судьбѣ, сожалѣніямъ, что жизнь не дала ей именно того, чего она себѣ всегда больше всего желала.

Она уже не говорила, что каждый человѣкъ въ отдѣльности представляетъ только половину, что въ жизни можетъ быть только *одна* любовь, которая должна оказать рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу человѣка. Теперь она мечтала о такомъ союзѣ между двумя людьми, который представлялъ

бы союзъ двухъ умовъ, взаимно поддерживающихъ другъ друга и могущихъ приносить дѣйствительно зрѣлые плоды только при условіи совмѣстной работы. Совмѣстная работа при любовномъ союзѣ между мужчиною и женщиною сдѣлалась для нея идеаломъ жизни, и она только и мечтала о томъ, какъ бы встрѣтить человѣка, который могъ бы сдѣлаться ея вторымъ *я* въ этомъ именно смыслѣ. Убѣжденіе, что она никогда не можетъ встрѣтить его въ Швеціи, способствовало возникновенію у нея нелюбви къ этой странѣ, куда она пріѣхала съ такими пылкими надеждами и такими блестящими ожиданіями.

Мысль о совмѣстной работѣ возникла въ ней, благодаря особенностямъ ея характера, благодаря присущему ей стремленію къ духовному общенію съ кѣмъ-либо другимъ, благодаря страданію, которое причиняло ей умственное одиночество, выпавшее ей на долю. Она почти не въ состояніи была работать, если возлѣ нея не было кого-нибудь, кто вращался бы въ той же сферѣ идей, что и она. Работа сама по себѣ, отвлеченное исканіе научной истины не доставляли ей полнаго удовлетворенія. Она хотѣла, чтобы ею восхищались, чтобы ее понимали, шли ей на встрѣчу и поощряли при каждомъ шагѣ, который она дѣлала впередъ, при каждой новой мысли, возникавшей въ ея головѣ. Ей хотѣлось подарить какому-нибудь одному лицу свое умственное дѣтище, обогатить имъ не человѣчество, въ отвлеченномъ смыслѣ

этого слова, а какое-нибудь опредѣленное лицо, которое, взамѣнъ того, отдало бы ей всецѣло самого себя. Не смотря на свои выдающіяся математическія дарованія, Софья не въ состояніи была заниматься исключительно математическими изысканіями: для этого она была слишкомъ живою, слишкомъ страстною во всѣхъ своихъ мысляхъ и чувствахъ, слишкомъ близко принимала къ сердцу все, что происходило вокругъ.

Миттагъ-Леффлеръ часто говорилъ ей, по поводу этихъ идей, что потребность въ пониманіи со стороны другого лица составляетъ въ ней чисто женскую слабость. Истинно талантливые мужчины никогда не ощущаютъ потребности стать въ зависимыя отношенія къ другому лицу. Но она всякій разъ горячо возставала противъ этого и приводила сейчасъ же въ примѣръ массу мужчинъ, которые только въ любви къ женщинѣ черпали свои лучшія вдохновенія. Большинство этихъ лицъ были, правда, поэты; среди научныхъ дѣятелей не такъ-то было легко найти доказательствъ этой теоріи. Но Софья вообще не затруднялась въ пріискиваніи ихъ, когда нуждалась въ подтвержденіи высказываемыхъ ею взглядовъ. Если въ данную минуту ей не удавалось найти подходящихъ ясныхъ и неопровержимыхъ фактовъ, то она сама что-нибудь изобрѣтала съ необыкновеннымъ искусствомъ. И нужно правду сказать, ей удавалось всегда придумать множество примѣровъ, доказывав-

шихъ, какое сильное мученіе представляетъ почти для всѣхъ глубокихъ натуръ чувство одиночества, и какъ ужасно тяготитъ оно, точно проклятіе, тѣхъ людей, которые всю жизнь мечтали, какъ о высшемъ счастьи, о сліяніи душою и сердцемъ съ другимъ лицомъ, и никогда не достигали этого счастья.

Мнѣ особенно живо представляется весна 1886 г. Весна была всегда тяжелымъ временемъ для Софьи: царствующее въ природѣ броженіе, ростъ всего существующаго, которые она сама такъ мастерски описала сначала въ «Vae victis», а потомъ въ «Вѣрѣ Воронцовой», производили на нее всегда глубокое впечатлѣніе, дѣлали ее нервною, безпокойною, нетерпѣливою, полною горячихъ стремленій къ другой жизни, не похожей на ту, которую ей приходилось вести. Въ особенности сильно дѣйствовали на ея нервы свѣтлыя сѣверныя ночи, которыя я, напротивъ того, любила. «Это вѣчное солнечное сіяніе», говорила она, «какъ бы даетъ массу обѣщаній, но ни одного изъ нихъ не выполняетъ: земля остается такою же холодною, какъ и была, развитіе идетъ назадъ такъ же успѣшно, какъ и впередъ, и лѣто мерещится гдѣ-то вдали, точно миражъ, котораго никогда не удастся достигнуть». Именно потому, что свѣтлыя ночи начинаются задолго до наступленія лѣтнихъ жаровъ, онѣ и возмущали ее, такъ какъ давали, казалось, обѣщанія разнаго рода радостей, которыя въ дѣйствительности не выполняли.

Она не могла работать, и потому тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ доказывала, что работа сама по себѣ и въ особенности научныя занятія сами по себѣ ничего не стоятъ, такъ какъ не могутъ ни доставить радости, ни вести человѣчество впередъ; что безумно тратить всю свою молодость на научныя занятія; что обладаніе способностями къ научнымъ занятіямъ настоящее несчастье, особенно для женщины, вынужденной вслѣдствіе этого войти въ сферу дѣятельности, которая никогда не можетъ доставить ей счастья.

Тотчасъ по окончаніи семестра она выѣхала изъ Стокгольма «по прекрасной, короткой и спокойной дорогѣ», ведущей изъ Мальме въ Парижъ. Оттуда она мнѣ написала одно только письмо, обозначивъ на немъ, противъ обыкновенія, число.

26 іюня 1886 г.

«Дорогая Анна-Карлотта!

Я только-что получила твое письмо и страшно зла на себя, что я раньше не написала тебѣ. Охотно соглашаюсь, что немного ревновала тебя и думала, что ты совсѣмъ не интересуешься мною. Я хочу непремѣнно, чтобы это письмо пошло съ сегодняшней почтой, и потому пишу тебѣ только эти немногія строки, чтобы сказать, какъ вы оба, ты и твой братъ, неправы, когда упрекаете меня и говорите, будто я

забываю васъ, какъ только уѣзжаю. Я, быть можетъ, еще ни разу не чувствовала такъ живо, какъ теперь, на сколько сильна моя любовь къ вамъ обоимъ, къ тебѣ и твоему брату. Каждый разъ, когда я доставляю себѣ какое-нибудь удовольствіе, я вспоминаю о васъ. Я много веселюсь здѣсь въ Парижѣ, потому что всѣ математики самымъ предупредительнымъ образомъ относятся ко мнѣ (font grand cas de moi). Тѣмъ не менѣе я съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда опять увижусь съ вами, потому что вы оба сдѣлались положительно необходимыми для меня. Я не могу выѣхать отсюда раньше 5-го іюля, и пріѣду въ Христіанію только ко времени открытія съѣзда естествоиспытателей. Не можешь-ли ты подождать меня (въ Копенгагенѣ), чтобы затѣмъ ѣхать вмѣстѣ? [1]). Отвѣчай скорѣе. Я отнесла твою книгу [2]) Іонасу Ли. Онъ съ большимъ дружелюбіемъ отзывается о тебѣ. Онъ уже отдалъ мнѣ визитъ, но не успѣлъ еще къ тому времени прочесть твою книгу. Онъ находитъ вообще, что у тебя гораздо больше таланта для романовъ, чѣмъ для драмъ. Я намѣрена еще разъ навѣстить Іонаса Ли, прежде чѣмъ уѣду.

Цѣлую тебя крѣпко. Мнѣ очень хочется поскорѣе увидаться съ тобою, милая, дорогая Анна-Карлотта.

Tout à toi Соня».

---

[1]) Мы условились-было встрѣтиться въ Норвегіи и провести вмѣстѣ остатокъ лѣта.

[2]) «Лѣтняя Идиллія».

Но она, какъ всегда, осталась въ Парижѣ до послѣдней минуты и поѣхала въ Христіанію только въ послѣдній день засѣданій съѣзда естествоиспытателей. Я уже давно привыкла къ рѣзкимъ перемѣнамъ въ ея настроеніи, но на этотъ разъ контрастъ между ея теперешними взглядами на жизнь и тѣми, которые она высказывала въ прошломъ году и въ особенности въ послѣднюю весну въ Стокгольмѣ, былъ просто поразителенъ. Она провела нѣсколько недѣль въ Парижѣ въ обществѣ Поенкарре и другихъ великихъ математиковъ, и въ разговорѣ съ ними ей впервые пришла въ голову мысль о работѣ, возвысившей въ такой сильной степени ея репутацію и доставившей ей высшую награду парижской академіи наукъ. И теперь, по ея мнѣнію, не было ничего на свѣтѣ выше науки, для нея только и стоило жить; все другое, личное счастье, любовь, восхищеніе природою, міръ фантазій, — все это пустяки; исканіе научной жизни составляло само по себѣ высшую и самую прекрасную цѣль жизни, а обмѣнъ мыслей съ людьми, равными себѣ въ умственномъ отношеніи, преслѣдующими одинаковыя цѣли,—высшее изъ всѣхъ наслажденій.

Радость творчества вновь овладѣла ею; начался опять блестящій періодъ въ ея жизни, когда она отличалась особенною красотою и остроуміемъ и блистала жизненною радостью.

Она прибыла въ Христіанію ночью послѣ трехъ

дней морского путешествія изъ Гавра. Во время переѣзда она сильно страдала отъ морской болѣзни, которая, не переставая, мучила ее. Но когда она была въ хорошемъ расположеніи духа, усталости для нея не существовало, и послѣ немногихъ часовъ сна она на другое же утро приняла участіе въ загородной поѣздкѣ и въ празднествѣ, которое длилось далеко за полночь. Много тостовъ было произнесено въ этотъ день въ честь ея и всѣ самыя выдающіяся лица толпились вокругъ нея и она, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, была такъ любезна, привѣтлива, скромна и безпритязательна, что очень понравилась всѣмъ. Затѣмъ мы отправились съ нею путешествовать на нѣсколько дней, проѣхали черезъ Телемаркенъ и посѣтили высшую народную школу, которою Софья сильно заинтересовалась и къ которой отнеслась съ самою горячею симпатіею. Это посѣщеніе дало первый толчокъ для статьи о высшихъ народныхъ школахъ въ Скандинавіи, которую она затѣмъ написала для одного русскаго журнала [1]).

Изъ Сильяна мы отправились пѣшкомъ на горы. Это было первое восхожденіе Софьи на горы; она была очень смѣла, быстро и неутомимо взлѣзала на крутизны, любовалась красотою природы. Веселая, полная жизни и радости, она приходила въ смущеніе только тогда, когда вблизи какой-нибудь сырни

---

[1]) См. «Сѣверный Вѣстникъ», 1890 г. № 11.

показывалась корова или когда намъ приходилось переходить по кучѣ камней, которые, выскальзывая изъ-подъ ногъ, съ грохотомъ скатывались внизъ. Тогда она испускала разнаго рода дѣтскіе крики, сильно забавлявшіе наше общество. У нея было много любви и пониманія природы въ томъ смыслѣ, что на ея воображеніе и чувство сильно дѣйствовали поэзія природы, красота даннаго ландшафта или даннаго освѣщенія. Но такъ какъ она была чрезвычайно близорука и изъ женскаго кокетства не носила очковъ, чувствуя отвращеніе къ этому традиціонному внѣшнему признаку синяго чулка, то отъ нея совершенно ускользали подробности ландшафта, и она никогда не могла разобрать, какое дерево стоитъ передъ нею, какая трава растетъ у нея подъ ногами, какъ построены дома, и т. д. Если она, несмотря на это, въ нѣкоторыхъ своихъ работахъ, какъ напр., въ поименованныхъ уже нами описаніяхъ весны, передала съ необыкновенною силою и яркостью колорита не только впечатлѣніе, производимое природою, такъ сказать, на ея душу, но и дала точное описаніе ея чисто матеріальной стороны, то это обусловливалось не столько ея личными наблюденіями, сколько ея обширными теоретическими познаніями. Она много потратила времени на изученіе естественной исторіи, много помогала мужу при переводѣ *Жизни птицъ* Брема и, какъ мы уже упоминали выше, изучала совмѣстно съ нимъ палеонтологію и геологію и много

вращалась въ обществѣ самыхъ выдающихся естествоиспытателей своего времени.

Но ее нельзя было назвать тонкимъ наблюдателемъ, когда вопросъ шелъ объ обыденныхъ явленіяхъ природы, потому что всѣ ея детали отъ нея ускользали, и потому у нея не было никакого точнаго и опредѣленнаго понятія о красотѣ. Самый блѣдный, обыкновенный ландшафтъ казался ей красивымъ, когда она была въ хорошемъ расположеніи духа и, наоборотъ, она проходила совершенно равнодушно мимо самыхъ чудныхъ видовъ, относилась невнимательно къ самымъ красивымъ линіямъ и краскамъ, если была дурно настроена. То же можно сказать относительно ея сужденій о внѣшности людей: у нея не было никакого точнаго понятія о чистотѣ линій и гармоніи, о пропорціональности, о краскахъ и другихъ объективныхъ опредѣленіяхъ красоты. Тѣхъ людей, которые внушали ей симпатію или обладали нравившимися ей внѣшними свойствами, она называла красивыми, другихъ же некрасивыми. Блондинокъ и блондиновъ она охотно признавала красивыми, но рѣдко удостоивала этого названія брюнетовъ.

Въ связи съ этимъ приходится упомянуть и объ одномъ недостаткѣ, весьма оригинальномъ у такой богато одаренной женщины, а именно о полномъ отсутствіи у нея любви къ искусству. Проживши столько лѣтъ въ Парижѣ и такъ часто пріѣзжая

въ этотъ городъ, она ни разу не посѣтила Лувра; ни картины, ни скульптурныя, ни архитектурныя произведенія никогда не останавливали на себѣ ея вниманія, а къ украшенію комнатъ, къ убранству ихъ, ко всякаго рода изящнымъ отраслямъ промышленности она выказывала вообще глубокое равнодушіе.

Какъ мы уже говорили выше, она очень увлекалась красотою норвежской природы и находила чрезвычайно симпатичными норвежцевъ, съ которыми намъ приходилось по дорогѣ встрѣчаться. Мы намѣревались продолжать путешествіе въ экипажѣ черезъ весь Телемаркенъ по дорогѣ надъ Гауклифіелль, чтобы затѣмъ спуститься у западнаго берега и по пути навѣстить Александра Кьелланда въ Іедеренѣ. Но несмотря на то, что она много лѣтъ мечтала объ этомъ путешествіи по Норвегіи, что все въ этомъ путешествіи улыбалась ей и что она очень желала познакомиться съ Александромъ Кьелландомъ, въ ней совершенно неожиданно заговорилъ новый голосъ съ такою страшною силою, что она не была въ состояніи противостоять ему. И вотъ среди дороги, въ то время, когда мы находились на одномъ изъ длинныхъ внутреннихъ озеръ, которыя глубоко вдаются въ Телемаркенъ, она внезапно рѣшилась вернуться обратно въ Христіанію и Швецію, чтобы въ тиши деревенской жизни предаваться своимъ занятіямъ. Она оста-

вила меня одну и пересѣла на другой пароходъ, который перевезъ ее чрезъ Скіенъ въ Христіанію.

Я не могла ни отговаривать ее, ни порицать; я знала по собственному опыту, что когда духъ творчества овладѣваетъ нами, мы должны, во что бы то ни стало, повиноваться его призыву; все остальное, какъ бы оно ни было дорого намъ въ другое время, отступаетъ на задній планъ, оставляетъ насъ глубоко равнодушными къ себѣ, кажется намъ совершенно незначительнымъ; дѣлаешься слѣпымъ и глухимъ ко всему окружающему и прислушиваешься только ко внутреннему голосу, который раздается въ насъ сильнѣе шума водопада въ горахъ или урагана на морѣ.

Но для меня это было, конечно, большимъ разочарованіемъ. Я, впрочемъ, поѣхала дальше съ случайно подвернувшимся мнѣ на дорогѣ спутникомъ, посѣтила Кьелланда, затѣмъ вернулась въ Остландетъ и приняла участіе въ празднествѣ, которое давалось въ Сагатунской высшей народной школѣ и, конечно, доставило бы Софьѣ не меньше удовольствія, чѣмъ мнѣ, еслибы она была свободна въ своихъ дѣйствіяхъ.

Много разъ наблюдала я эту черту въ ней. Иногда она принимала самое живое участіе въ какомъ-нибудь интересномъ разговорѣ во время какой-либо прогулки или на вечерѣ, была, повидимому, совершенно увлечена окружающимъ, какъ вдругъ взоръ

ея устремлялся въ одну точку, лицо дѣлалось разсѣяннымъ, она замолкала, отвѣчала невпопадъ на задаваемые вопросы. Тогда она тотчасъ прощалась и никакія убѣжденія, никакія предъидущія обѣщанія—ничто не могло заставить ее остаться: она стремилась домой, чтобы сѣсть за работу.

У меня сохранилась маленькая записка, написанная ею весною того же года и характеризующая ея настроеніе въ этомъ отношеніи. Мы сговорились съ нѣсколькими друзьями отправиться въ экипажѣ въ окрестности Стокгольма, когда она въ послѣднюю минуту раскаялась и написала мнѣ слѣдующее объясненіе:

«Дорогая Анна-Карлотта! [1])

Утромъ я проснулась съ большимъ желаніемъ повеселиться сегодня, какъ вдругъ передо мною очутился мой дѣдъ съ материнской стороны, толстый педантъ (т.-е. астрономъ) и грозно указалъ на всѣ тѣ ученыя сочиненія, которыя я предполагала изучить во время пасхальныхъ вакансій, осыпая меня самыми серьезными упреками по поводу того, что я такимъ недостойнымъ образомъ трачу свое драгоцѣнное время. Его строгія рѣчи обратили въ бѣгство мою бѣдную бабушку-цыганку (съ отцовской стороны). Теперь я сижу за письменнымъ столомъ въ

[1]) Это письмо, какъ и всѣ дальнѣйшія, написано по-шведски.
Прим. авт.

капотѣ и туфляхъ, глубоко погруженная въ математическія размышленія, и не чувствую ни малѣйшаго желанія принять участіе въ вашей поѣздкѣ. Васъ такъ много, что вамъ навѣрное будетъ весело и безъ меня; поэтому надѣюсь, что вы великодушно простите мнѣ мой отказъ.

Преданная тебѣ Соня».

Мы рѣшили прожить вмѣстѣ остатокъ лѣта въ Іемтландѣ, гдѣ Софья поселилась съ семьею моего брата. Но едва я успѣла пріѣхать, какъ Софью вызвали телеграммою въ Россію по случаю новаго припадка болѣзни ея сестры.

Вернувшись въ сентябрѣ, она привезла съ собою и свою маленькую восьмилѣтнюю дочку, и впервые поселилась въ своей собственной квартирѣ въ Стокгольмѣ. Ей надоѣло жить въ пансіонѣ. Конечно, она была необыкновенно равнодушна ко всякаго рода комфорту и удобствамъ, равнодушна къ тому, что ей приходилось пить и ѣсть, и къ окружавшей ее обстановкѣ; но въ ней всегда сильна была потребность къ независимости, ей хотѣлось распоряжаться по своему своимъ временемъ, что не всегда возможно было при тѣхъ многочисленныхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергаешься, когда живешь у другихъ. Поэтому она обратилась къ своимъ друзьямъ съ просьбою помочь ей отыскать квартиру и женщину, которая завѣдывала бы ея хозяйствомъ и присматри-

вала бы вмѣстѣ съ тѣмъ и за ея дочкою. Она купила часть необходимой мебели, а остальную выписала изъ Россіи. Но все же устроилось такъ, что ея квартира носила отпечатокъ чего-то временнаго, случайнаго: казалось, что хозяева каждую минуту собираются выѣхать изъ нея.

Гостинная мебель, выписанная изъ Россіи, была чрезвычайно оригинальна. Она вывезла ее изъ родительскаго дома и мебель эта отличалась всею роскошью старинной барской обстановки. Она стояла прежде въ громадной гостиной и состояла изъ длиннаго дивана, занимавшаго всю стѣну, изъ углового дивана, представлявшаго часть большого дивана, стоявшаго когда-то посреди комнаты и декорированнаго цвѣтами, и изъ нѣсколькихъ глубокихъ креселъ. Сдѣлана она была изъ чернаго дерева съ очень богатою рѣзьбою, обита пурпуровымъ шелковымъ дамà, теперь, впрочемъ, мѣстами порваннымъ, между тѣмъ какъ сидѣнья были всѣ сильно вдавлены, а пружины поломаны. Софья все собиралась обить заново и поправить эту мебель, но изъ этого ничего не вышло, отчасти изъ-за свойственнаго русскимъ пристрастія къ старинной мебели, отчасти потому, что Софья никакъ не могла свыкнуться съ жизнью въ Стокгольмѣ и смотрѣла на свое пребываніе въ Швеціи, какъ на нѣчто временное, вслѣдствіе чего и не хотѣла тратить много денегъ на обстановку.

*

Когда она была въ хорошемъ расположеніи духа, на нее находили иногда минуты увлеченія рукодѣльями; тогда она забавлялась тѣмъ, что украшала свои небольшія комнаты собственными работами. Однажды она по поводу этого прислала мнѣ слѣдующую записку.

«Дорогая Анна-Карлотта.

Вчера вечеромъ я видѣла блистательное доказательство того, какъ права критика, утверждающая, что въ глаза тебѣ бросается только некрасивое и гадкое въ жизни, а не хорошее и прекрасное. Каждое пятно, каждая дыра на моихъ почтенныхъ креслахъ тотчасъ открываются и демонстрируются тобою, хотя бы они были прикрыты десятью антимакассарами; но моя чудная, восхитительная вышивка на качалкѣ осталась незамѣченною, несмотря на то, что она постоянно качалась передъ тобою въ тщетныхъ попыткахъ привлечь наконецъ твое вниманіе; ты ее не удостоила ни единымъ взглядомъ.

Твоя Соня».

XI.

«Какъ оно было и какъ оно могло быть».

Не успѣла она привести въ порядокъ свою столь оригинально устроенную квартиру, какъ ее вновь вызвали въ Россію къ больной сестрѣ, и она среди зимы уѣхала моремъ до Гельсингфорса, а затѣмъ желѣзною дорогою до Петербурга. Жизнь ея сестры висѣла на волоскѣ. Въ такого рода случаяхъ Софья не испытывала никогда страха и не отступала ни передъ какими препятствіями. Горячо любя сестру, она всегда готова была на всевозможныя жертвы для нея.

Свою маленькую дочку въ теченіе тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, которые провела въ отсутствіи она оставила на моемъ попеченіи. У меня сохранилось только одно письмо отъ этого времени. Оно представляетъ интересъ лишь въ томъ отношеніи, что показываетъ,

какіе грустные рождественскіе праздники пришлось ей провести въ этомъ году.

Петербургъ, 18 декабря 86 г.

«Дорогая Анна-Карлотта.

Я только вчера пріѣхала сюда и пишу тебѣ сегодня всего нѣсколько строкъ. Моя сестра страшно больна, хотя докторъ увѣряетъ, что ей теперь гораздо лучше, чѣмъ нѣсколько дней тому назадъ. Право, трудно представить что-нибудь ужаснѣе, мучительнѣе, отвратительнѣе этой болѣзни. Она страдаетъ невѣроятно, не можетъ ни спать, ни дышать настоящимъ образомъ... Я не знаю, сколько времени мнѣ придется провести здѣсь. Я сильно скучаю по Фуфи (ея дочь) и по своимъ занятіямъ. Мой сердечный поклонъ вамъ всѣмъ.

Преданная тебѣ Соня».

Въ теченіе долгихъ дней и ночей, которые ей пришлось провести у постели больной сестры, много мыслей и фантазій роилось у нея въ головѣ. И тогда-то именно возникла у нея идея о разницѣ между тѣмъ «какъ оно было» и тѣмъ «какъ оно могло быть». Она вспоминала, съ какими чудными мечтами онѣ, обѣ сестры, вступали въ жизнь, молодыя, красивыя, богато одаренныя, и какъ мало дала имъ жизнь въ дѣйствительности сравнительно съ тѣмъ, что онѣ рисовали себѣ въ своемъ воображеніи.

Правда, жизнь обѣихъ прошла бурно, была богата разнаго рода событіями, но въ глубинѣ сердца и у той, и у другой скрывалось горькое чувство сожалѣнія о разбитыхъ надеждахъ.

А какъ иначе могла бы сложиться жизнь ихъ обѣихъ, если бы онѣ не сдѣлали нѣсколькихъ крупныхъ ошибокъ!

Изъ этихъ мечтаній и разсужденій возникла идея написать два параллельные романа, въ которыхъ судьба и развитіе однихъ и тѣхъ же людей должны были изображаться съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Ихъ нужно было представить въ ранней юности, когда вся будущность еще впереди, затѣмъ описать все дальнѣйшее развитіе ихъ жизни до извѣстнаго поворотнаго пункта въ ней. Одинъ изъ романовъ долженъ былъ показать, къ какимъ послѣдствіямъ привелъ сдѣланный ими выборъ, а другой, въ противоположность первому,—что случилось бы, если бы они пошли по другой дорогѣ.

«Кому не приходилось въ жизни раскаяваться въ важномъ, необдуманномъ шагѣ», разсуждала Софья, «и кто не разъ желалъ начать жизнь съизнова!» И этимъ желаніямъ, этимъ мечтамъ она хотѣла придать дѣйствительную жизнь въ образѣ романа—если бы только обладала необходимыми для этого способностями! Но такихъ способностей, по ея мнѣнію, у нея не было и поэтому, когда она вернулась въ Стокгольмъ, увлеченная своею идеею, она стара-

лась всѣми силами убѣдить меня написать его совмѣстно съ нею.

Я въ то время находилась въ самомъ разгарѣ работы, занятая сочиненіемъ новаго романа подъ заглавіемъ «Вокругъ брака». Я намѣревалась изобразить въ немъ исторію незамужнихъ женщинъ, исторію всѣхъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ были лишены возможности основать собственную семью, описать ихъ мысли и представленія о любви и бракѣ, интересы и стремленія, которыми онѣ наполняютъ свою жизнь,—однимъ словомъ, я хотѣла написать романъ женщинъ, которыя по общепринятымъ понятіямъ не имѣютъ вовсе романа... Это сочиненіе представило бы pendant къ роману Гарборга «Мужчины», въ которомъ онъ изображаетъ намъ, какъ живутъ въ нашемъ обществѣ холостяки. Я уже собрала не мало типовъ и была очень заинтересована своею темою.

Но тутъ явилась Софья съ своею идеею, и такъ велико было ея вліяніе на меня, такъ громадна сила убѣжденія, что она тотчасъ заставила меня отказаться отъ собственнаго своего дѣтища для того, чтобы усыновить ея. Изъ нѣсколькихъ писемъ, отправленныхъ мною около этого времени одному общему другу, видно, какой живой энтузіазмъ къ этой работѣ овладѣлъ нами обѣими.

Вотъ что я писала 2 февраля: «Теперь я занята сочиненіемъ новаго романа «Вокругъ брака». Я до

такой степени увлекаюсь имъ, что весь внѣшній міръ, который не стоитъ въ той или иной связи съ моей работою, не существуетъ для меня. Странное психическое и физическое состояніе овладѣваетъ мною всякій разъ, когда я принимаюсь за новую работу; тысячи сомнѣній приходятъ мнѣ на умъ: будетъ-ли моя работа имѣть какое-либо значеніе, хватитъ-ли у меня силъ и способностей на выполненіе предпринятой мною задачи и т. д., и въ то же время я испытываю невыразимую радость и наслажденіе, которое доставляется мнѣ чувствомъ обладанія таинственнымъ міромъ, принадлежащимъ мнѣ одной, гдѣ я чувствую себя дома, между тѣмъ какъ весь внѣшній міръ представляется для меня какимъ-то царствомъ тѣней и т. д.... И вотъ среди всего этого мною внезапно овладѣла другая идея. Сонѣ и мнѣ пришла въ голову положительно геніальная мысль. Мы собираемся написать большую драму, разбивающуюся на два представленія и состоящую изъ десяти актовъ. То-есть, идея собственно ея,—я же должна обработать ее, сочинить пьесу и написать реплики. Мнѣ кажется, что идея положительно геніальна и въ высшей степени оригинальна. Одна часть драмы описываетъ, какъ оно было, а другая — какъ оно могло быть. Въ первомъ всѣ дѣлаются несчастными, какъ оно и бываетъ большею частью въ жизни, гдѣ люди всячески мѣшаютъ счастью другъ друга вмѣсто того, чтобы способствовать ему. Въ другомъ опи-

сываются тѣ же люди, только при совершенно другихъ обстоятельствахъ: они помогаютъ другъ другу, живутъ другъ для друга, образуютъ небольшое идеальное общество и чувствуютъ себя всѣ счастливыми. Никому не говорите объ этомъ ни слова. Правду сказать, я объ идеѣ Сони не знаю ничего больше того, что передала вамъ сейчасъ; мы вчера впервые заговорили объ этомъ, а утромъ она должна разсказать мнѣ подробно весь свой планъ, такъ, чтобы я рѣшила, годится-ли онъ для драматической обработки. Вы, конечно, будете смѣяться надо мною, надъ тѣмъ, какъ быстро я прихожу въ восторгъ и увлекаюсь, но я иначе не могу, со мною всегда бываетъ такъ: стоитъ мнѣ показать начало какой-нибудь работы и я уже вижу конецъ. И теперь я вижу уже себя и Соню совмѣстно работающими надъ гигантскимъ произведеніемъ, которое осчастливитъ весь настоящій міръ, а, быть можетъ, и будущій. Мы совершенно одинаково безумствуемъ обѣ. Если бы намъ удалась эта работа, мы примирились бы со всѣмъ, что у насъ было непріятнаго въ жизни. Соня забыла бы, что Швеція самая возмутительная филистерская страна въ мірѣ и перестала бы жаловаться, что она здѣсь тратитъ даромъ свои лучшіе годы, а я забыла бы все, о чемъ я постоянно думаю... Вы, конечно, скажете, что мы обѣ точно взрослыя дѣти. И вы будете, слава Богу, совершенно правы. Есть, къ счастью, царство, лучше всѣхъ земныхъ

царствъ, ключи котораго имѣются у насъ—это царство фантазіи; тамъ властвуетъ только тотъ, кто этого желаетъ, и всѣ обстоятельства жизни складываются именно такъ, какъ мы этого хотимъ сами... Но, можетъ быть, планъ Сони, предназначенный для романа, не годится вовсе для драмы. А романа я не могу никакъ писать по чужому плану, потому что романъ находится въ гораздо болѣе тѣсной связи съ авторомъ, чѣмъ драма, гораздо сильнѣе захватываетъ его, является гораздо болѣе личнымъ произведеніемъ».

10 февраля я писала слѣдующее: «Соня невыразимо счастлива этимъ новымъ оборотомъ въ своей жизни; она говоритъ, что только теперь понимаетъ, какимъ образомъ мужчина заново влюбляется въ мать своего ребенка—потому что я, конечно, представляю собою мать, такъ какъ на мнѣ лежитъ обязанность произвести на свѣтъ ребенка —и она такъ исполнена любви и преданности ко мнѣ, что мое сердце радуется при одномъ видѣ ея блестящихъ, сіяющихъ радостью глазъ, обращенныхъ на меня. Мы такъ весело проводимъ вмѣстѣ время, какъ я думаю ни однѣ подруги въ цѣломъ свѣтѣ, потому что мы представляемъ собою первый примѣръ въ литературѣ двухъ женщинъ-сотрудницъ... Я ни разу еще не увлекалась такъ быстро какою-нибудь идеею, какъ теперь. Какъ только Соня сообщила мнѣ свой планъ, я пришла отъ него въ восторгъ. Да, это былъ точно

взрывъ восторга. Въ четвергъ, 3-го, она разсказала мнѣ свой планъ, но планъ, который былъ обработанъ въ видѣ длиннаго романа въ русской средѣ. Затѣмъ, когда она ушла, я еще долго, добрую часть ночи просидѣла на качалкѣ, обдумывая въ темнотѣ драму, и когда я, наконецъ, легла, драма была мысленно почти вся окончена. Въ пятницу я переговорила объ этомъ съ Сонею, а въ субботу начала писать. Теперь вся первая пьеса, прологъ и 5 актовъ написаны въ наброскѣ; слѣдовательно, я успѣла это сдѣлать въ пять дней, работая только по нѣскольку часовъ въ день, потому что когда пишешь съ такимъ увлеченіемъ, невозможно долго усидѣть на стулѣ. Я ни разу еще не писала ничего такъ скоро. Обыкновенно я по цѣлымъ мѣсяцамъ и даже годамъ ношусь съ какою-нибудь идеей, прежде чѣмъ рѣшаюсь обработать ее».

21 февраля я писала слѣдующее: «Самое пріятное въ этой работѣ то, что я, какъ вы, вѣроятно, замѣтили, сама такъ сильно восхищаюсь ею. Это происходитъ, я думаю, главнымъ образомъ потому, что идея принадлежитъ Сонѣ, такъ какъ я, конечно, убѣждена, что ей гораздо скорѣе, чѣмъ мнѣ, могутъ приходить въ голову геніальныя идеи. Она, съ своей стороны, восхищается моей работою, живостью дѣйствія, художественностью изображенія. Трудно представить себѣ болѣе пріятное положеніе: имѣть возможность восхищаться собственнымъ произве-

деніемъ безъ всякой примѣси себялюбія или самовосхваленія. Никогда еще я не относилась съ такимъ довѣріемъ къ своему труду, какъ теперь. Если мы потерпимъ неудачу, то мы, кажется, убьемъ себя.

«Вы интересуетесь знать, какая доля участія Ковалевской въ этой работѣ? Она, правда, не написала ни одной реплики, но она обдумала не только весь основной планъ драмы, но и содержаніе каждаго акта въ отдѣльности; кромѣ того она доставила мнѣ массу психологическихъ данныхъ для обработки характеровъ. Каждый день мы прочитываемъ вмѣстѣ все, что я написала; она дѣлаетъ свои замѣчанія и подаетъ совѣты, придумываетъ что-нибудь новое. Она требуетъ, чтобы я опять и опять перечитывала то, что она уже читала раньше—точно дѣти, которымъ не надоѣдаетъ слушать по десяти разъ любимую сказку. Она увѣряетъ, что никогда еще ни одно чтеніе не доставляло ей такого удовольствія, какъ это».

3-го марта мы впервые прочитали громко наше произведеніе кружку близкихъ друзей. До этого времени наша радость и наше восторженное отношеніе къ своей работѣ все усиливались. Я не помню, чтобы я когда-нибудь видѣла ее такою счастливою, буквально сіяющею отъ счастія, какъ въ это время. На нее находили такіе припадки жизненной радости, что она должна была уходить въ лѣсъ, чтобы выкричать тамъ свою радость подъ открытымъ не-

бомъ. Мы ежедневно дѣлали продолжительныя прогулки въ лѣсу Лилль-Янсъ, прилегавшемъ къ нашему кварталу, и здѣсь она, какъ ребенокъ, прыгала съ камня на камень, пробиралась черезъ кусты, бросалась мнѣ на шею, танцовала и громко кричала, что жизнь невыразимо хороша, а будущее восхитительно и полно самыхъ чудныхъ обѣщанiй. Она возлагала самыя блестящiя и невѣроятныя надежды на будущее нашей драмы. Ее съ трiумфомъ встрѣтятъ во всѣхъ европейскихъ столицахъ; такое новое оригинальное произведенiе не можетъ не показаться настоящимъ откровенiемъ въ нашей литературѣ; эта драма «Какъ оно могло быть», мечта, которая рисуется передъ мысленными взорами всѣхъ, представленная со всею объективностью сцены, должна была непремѣнно увлечь за собою всѣхъ. А само содержанiе, апофеозъ любви, какъ единственной существенной цѣли жизни и, наконецъ, картина будущаго идеальнаго общества, гдѣ всѣ живутъ для всѣхъ, а двое любящихъ людей другъ для друга,—на всемъ этомъ лежалъ отпечатокъ ея сокровенныхъ мыслей и чувствъ.

Послѣ громогласнаго чтенiя нашей пьесы, она вступила въ новую фазу развитiя. До сихъ поръ мы ее больше разсматривали съ точки зрѣнiя того, «Какъ оно могло быть», чѣмъ «Какъ оно было». Теперь всѣ ея недостатки и недомолвки, неизбѣжные при такой быстрой, лихорадочной работѣ, рѣзко

бросились намъ въ глаза, и мы принялись за передѣлки.

Софья все это время не могла никакъ думать о своей большой математической работѣ, не смотря на то, что срокъ для подачи работъ на prix Bordin былъ уже назначенъ и ей оставалось такъ мало времени, что она должна была изо всѣхъ силъ спѣшить. Миттагъ-Леффлеръ, который чувствовалъ себя всегда какъ бы отвѣтственнымъ за Софью и считалъ, что пріобрѣтеніе этой преміи представляетъ большое значеніе, приходилъ въ полное отчаяніе всякій разъ, когда, навѣщая ее, заставалъ въ гостиной съ вышиваніемъ въ рукахъ. Она получила настоящую страсть къ вышиванію. Подобно романтической героинѣ Ингерборгѣ, которая вплетала въ скатерть подвиги своего милаго, Софья вшивала въ канву помощью иглы, шерсти и шелка драму, которую она не въ силахъ была написать сама перомъ и чернилами. Пока иголка механически то опускалась, то поднималась, ея умъ и воображеніе неус танно работали, и сцена за сценою съ удивительною ясностью возставали передъ ея мысленными очами. Одновременно съ этимъ и я трудилась надъ тѣмъ же при помощи своего пера, и когда затѣмъ оказывалось, что иголка и перо приходили къ одному и тому же результату, наша обоюдная радость не знала границъ, и, конечно, перевѣшивала тѣ небольшія размолвки, которыя происходили иногда

между нами, когда наша фантазія увлекала насъ въ разныя стороны. Но послѣ такихъ столкновеній мнѣ приходилось всякій разъ проводить свои вечера не за писаніемъ, а за исправленіемъ написаннаго, и наша работа въ это время переживала не мало такого рода кризисовъ. Слѣдующая маленькая записка, присланная мнѣ Софьею въ отвѣтъ на какое-то мое сообщеніе, характеризируетъ немного наши тогдашнія ощущенія:

«Бѣдное дитя мое! Какъ часто приходится ему бороться между жизнью и смертью! Что же такое случилось опять? Нашло-ли на тебя вдохновеніе, или, напротивъ того, ты оказываешься безсильною? Я, право, начинаю думать, что все это написано тобою исключительно изъ злости, чтобы заставить меня дурно читать сегодня. Какъ могу я вообще думать о своихъ лекціяхъ, когда я знаю, что наше бѣдное маленькое дитятко переживаетъ сегодня такой страшный кризисъ? Нѣтъ, знаешь-ли, пріятно, право, хоть разъ чувствовать себя отцомъ; знаешь, по крайней мѣрѣ, что приходится терпѣть несчастнымъ мужчинамъ отъ злыхъ женщинъ. Какъ бы я желала встрѣтиться съ Стриндбергомъ, чтобы пожать ему руку!»

Затѣмъ я пишу въ письмѣ отъ 1-го апрѣля: «Я попробовала произвести маленькое измѣненіе въ самомъ ходѣ работы, запретивъ Сонѣ, къ ея великому отчаянію, входъ въ мою комнату, пока я напишу

въ полномъ одиночествѣ всю первую пьесу. Дѣло въ томъ, что когда я писала первую, страшно мѣшала мнѣ и разстраивала меня постоянная совмѣстная работа. Я утрачивала личную связь съ своими героями, которая у меня всегда такъ сильна, и не могла составить себѣ общей картины ихъ внутренней жизни. Эта потребность въ полномъ общеніи съ своими героями, безъ которой мнѣ трудно работать, подавлялась сильнымъ вліяніемъ на меня Софьи: моя личность исчезала въ ея, между тѣмъ какъ ея личность не могла произвести на меня какого-либо ясно опредѣленнаго индивидуальнаго впечатлѣнія. Вся сила моего ума заключается въ одинокой работѣ, и вслѣдствіе этого совмѣстная работа съ кѣмъ-либо другимъ для меня крайне мучительна, особенно съ такимъ лицомъ, какъ Софья. Она представляетъ въ этомъ отношеніи полную противоположность мнѣ, она — Алиса (въ «Борьбѣ за счастье»), которая ничего не можетъ создать, обнять душою, если у нея не съ кѣмъ дѣлить свои мысли и ощущенія. Все, что было произведено ею въ математикѣ, создавалось всегда подъ вліяніемъ другого лица, напр., даже свои лекціи она читаетъ лучше всего тогда, когда на нихъ присутствуетъ мой братъ».

Софья сама признавала часто, шутя, эту свою зависимость отъ окружающихъ, Вотъ что она писала однажды въ запискѣ къ моему брату:

«Дорогой г. профессоръ.

Придете-ли вы завтра утромъ на мою лекцію? Не идите, если вы чувствуете себя уставшимъ; я попробую читать такъ-же хорошо, какъ когда вы присутствуете».

А когда я однажды, по случаю дня ея рожденія, отправила ей поздравленіе въ стихахъ, она отвѣтила мнѣ на это слѣдующею самохарактеристикою, которую я передаю со всѣмя особенностями ея рѣчи. Въ ней она очень удачно рисуетъ себя. Отвѣтъ написанъ по-шведски въ стихахъ:

«Хамелеона ты знаешь съ дѣтскихъ лѣтъ. Когда онъ сидитъ одинокимъ въ своемъ углу, онъ кажется такимъ скромнымъ, такимъ некрасивымъ и сѣрымъ; но при хорошемъ освѣщеніи онъ можетъ быть и красивымъ; у него нѣтъ собственной красоты, онъ только отражаетъ, какъ въ зеркалѣ, все, что видитъ вокругъ хорошаго и прекраснаго... Онъ можетъ переливаться и желтымъ, и голубымъ, и зеленымъ цвѣтомъ; какими будутъ его друзья, такимъ можетъ сдѣлаться и онъ. Въ этомъ животномъ я какъ бы вижу самое себя. Дорогой другъ мой, куда ты ни пойдешь, я пойду по твоимъ слѣдамъ, я отъ тебя не отстану и никогда тебѣ не измѣню. Слѣдовать за такимъ другомъ, какъ ты, почетно. Ты пишешь мнѣ о цѣляхъ, наказаніяхъ и т. д. Для меня все это пустяки, пататра! Но да сжалится Богъ надо мною! Я, кажется, пустилась писать стихи».

Въ лицѣ Алисы (героини драмы: «Борьба за

счастье») *) Софья хотѣла изобразить самое себя и нѣкоторыя реплики этой драмы до такой степени ярко характеризуютъ ее, какъ будто были цитированы изъ ея собственныхъ устъ. Въ большой сценѣ между Гіальмаромъ (1-я драма, 3-е дѣйствіе, сцена 2-я) она хотѣла выразить свою собственную жгучую жажду нѣжности, жажду глубокой, цѣльной любви, заставляющей два существа жить душа въ душу въ полномъ значеніи этого слова, хотѣла описать то чувство глубокаго отчаянія, которое охватывало ее отъ сознанія собственнаго одиночества, и то недовѣріе къ себѣ, къ своей способности привлечь и приковать сердце любимаго человѣка, которое овладѣвало ею всякій разъ, когда она замѣчала, что ее любятъ не такъ, какъ бы ей этого хотѣлось. Алиса говоритъ: «Я такъ привыкла, чтобы всѣхъ любили больше, чѣмъ меня. Въ школѣ говорили, что я самая способная, но я знала всегда, что судьба зло подшутила надо мною, одаривши меня такими способностями, какъ бы для того, чтобы я лучше чувствовала, чѣмъ бы я могла сдѣлаться для другого, если бы кто-нибудь дѣйствительно захотѣлъ полюбить меня...»

«Я желала немногаго; я хотѣла только, чтобы никто не стоялъ между нами, не былъ ближе тебѣ,

---

*) Драма эта издана въ Кіевѣ книжнымъ магазиномъ Іогансона подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Борьба за счастье», двѣ параллельныя драмы, соч. Софьи Ковалевской и А. К. Леффлеръ, переводъ со шведскаго М. Лучицкой.

чѣмъ я, одного только я и желала всю свою жизнь—быть первою для другого человѣка...»

«Дай мнѣ только хоть разъ показать тебѣ, какою я могу быть, если меня искренно любятъ... Бѣдняжка Алиса не такъ ничтожна, какъ кажется... Посмотри хорошенько на меня. Хороша-ли я? Да, когда меня любятъ, я хороша, но только тогда, когда меня любятъ. Добра-ли я? Да, когда меня любятъ, я воплощенная доброта. Эгоистка-ли я? О, нѣтъ, я не эгоистка, я могу совсѣмъ отрѣшиться отъ себя, слиться всѣми мыслями съ другимъ».

Такимъ трогательнымъ, умоляющимъ образомъ могла прославленная, знаменитая г-жа Ковалевская просить о любви, которая никогда не доставалась ей на долю. Она никогда не была первою, единственною для другого человѣка, какъ страстно ни желала этого и не смотря на всѣ внѣшнія преимущества, обезпечивавшія ей, повидимому, возможность побѣждать и приковывать сердца.

А желаніе Алисы раздѣлить труды Карла, принять участіе въ его дѣятельности, ея негодованіе, когда онъ подъ давленіемъ излишней деликатности отдаляется отъ нея, ея рѣзкое, не знающее никакихъ компромиссовъ требованіе отбросить въ сторону всѣ сомнѣнія, всѣ колебанія и остаться вѣрнымъ голосу своего сердца, ея страстное воззваніе къ его любви,—во все это Софья вложила свою собственую душу, здѣсь вся она цѣликомъ.

А когда Алиса во второй драмѣ рѣзко разрываетъ со всѣмъ своимъ прошлымъ, отказывается отъ богатства и отъ положенія въ обществѣ, чтобы жить въ бѣдности съ Карломъ и совмѣстно съ нимъ работать надъ его открытіемъ,—здѣсь мы опять видимъ Софью, видимъ, какою она сама представляла себя, какою мечтала быть въ томъ случаѣ, если бы ей встрѣтилось въ дѣйствительной жизни такъ пылко желаемое ею счастье, и если бы ей предоставлено было сдѣлать тотъ или иной выборъ. И я не сомнѣваюсь, что напиши она самъ сцены, изображающія счастье Алисы и Карла, онѣ получили бы гораздо болѣе теплый и личный колоритъ.

Очень рада возможности привести здѣсь нѣсколько словъ изъ одной замѣчательно мѣткой характеристики покойной, напечатанной датскимъ писателемъ Германомъ Бангомъ въ одномъ изъ датскихъ журналовъ. Вотъ что говоритъ онъ о «Борьбѣ за счастье»:

«Признаюсь, я люблю эту необыкновенную драму, которая съ математическою точностью доказываетъ всемогущую силу любви, доказываетъ, что только она, и одна она составляетъ все въ жизни, что только она придаетъ жизни энергію или заставляетъ преждевременно блекнуть. Она одна даетъ возможность развиваться и сдѣлаться сильнымъ и могучимъ. Только благодаря ей можно неуклонно идти впередъ, исполняя свой долгъ».

Трудно лучше формулировать смыслъ этой драмы,

которая дѣйствительно выражала сокровенные взгляды Софьи, ея воззрѣнія на жизнь. Читая эти слова, мнѣ было жаль только одного: что они были произнесены слишкомъ поздно и не доставили ей радости видѣть себя такъ хорошо понятою.

Со свойственною ей потребностью объяснять всѣ явленія жизни научнымъ образомъ, она изобрѣла цѣлую научную теорію, которую желала положить въ основаніе параллельной драмы. Она написала набросокъ статьи, которую намѣревалась предпослать драмѣ въ видѣ объясненія, но статья эта осталась неоконченною. Несмотря на свой отрывочный характеръ, она, вѣроятно, прочтется съ интересомъ, какъ и все, вышедшее изъ подъ ея пера.

Она прислала ее мнѣ съ слѣдующими строками: «Дорогая Карлотта, помочь тутъ уже больше нечѣмъ: написать лучше я не въ состояніи. Если ты можешь связать вмѣстѣ эти отрывочныя мысли, то и прекрасно. Если же ты будешь не въ силахъ справиться съ этимъ, то пусть книга выходитъ и безъ объяснительной статьи. Можно будетъ и позже выступить съ объясненіями, когда драма наша вызоветъ нападки.

Твоя Соня».

Вотъ эта статья: «Какому человѣку не случалось иногда задумываться надъ вопросомъ, насколько иначе сложилась бы его жизнь, еслибы онъ въ томъ

или иномъ случаѣ поступилъ не такъ, какъ онъ поступилъ въ дѣйствительности, а иначе.

Когда мы вспоминаемъ объ обыденныхъ явленіяхъ нашей жизни, мы всегда представляемся себѣ рабами внѣшнихъ обстоятельствъ. Обыденный ходъ нашего будничнаго существованія держитъ насъ связанными тысячью невидимыхъ нитей. Мы занимаемъ въ жизни извѣстное, опредѣленное мѣсто, на насъ лежатъ извѣстныя, опредѣленныя обязанности, которыя мы исполняемъ, точно автоматы, не напрягая своихъ силъ до послѣдней крайности, и если бы мы проснулись по утру и почувствовали себя внезапно немного лучше или хуже, чѣмъ прежде, немного крѣпче или слабѣе, немного болѣе или менѣе способными, то въ цѣломъ это представило бы весьма мало значенія. Я не могла бы заставить теченіе своей жизни перемѣнить направленіе, не сдѣлавшись совершенно иною, чѣмъ какая я въ дѣйствительности, не будучи одаренною совершенно иными качествами, которыя я даже во снѣ не могу приписать себѣ, не потерявъ сознанія своей индивидуальности. Но совсѣмъ инымъ представляется мнѣ все это, какъ только на умъ приходятъ нѣкоторыя обстоятельства моей жизни. Тогда присущее мнѣ убѣжденіе въ существованіи свободной воли заговариваетъ во мнѣ съ неудержимою силою. Мнѣ кажется, что стоило мнѣ въ ту или иную прошлую минуту напречь нѣсколько больше свои силы, больше

вдуматься въ положеніе дѣла, дѣйствовать болѣе энергически, быть въ иномъ расположеніи духа,— и я сама направила бы свою судьбу по совершенно иному пути.

Здѣсь происходитъ то же, что и съ вѣрою въ чудеса. Врядъ-ли найдется человѣкъ, который, не будучи сумасшедшимъ, сталъ бы молить Создателя нарушить ради него явнымъ образомъ незыблемые законы природы, заставить, напримѣръ, мертваго вернуться къ жизни. Но я позволю себѣ спросить всѣхъ вѣрующихъ людей, кто изъ нихъ не молилъ нѣсколько разъ Господа сдѣлать ради него маленькое измѣненіе въ своихъ постановленіяхъ, заставить, напримѣръ, больного выздоровѣть. Маленькое чудо кажется намъ несравненно болѣе легкимъ для выполненія, чѣмъ большое, и нужно дѣйствительно нѣкотораго умственнаго усилія, чтобы признать обѣ эти просьбы совершенно однородными. То же происходитъ и съ нашими мыслями о самихъ себѣ. Для меня почти невозможно представить себѣ, какъ я могу проснуться неожиданно утромъ съ голосомъ Дженни Линдъ, съ тѣломъ, такимъ же гибкимъ и сильнымъ, какъ у...съ. Но мнѣ не было бы нисколько трудно представить себѣ, что цвѣтъ моего лица...

Такую именно рѣшительную минуту и желали изобразить авторы въ своихъ двухъ параллельныхъ драмахъ. Они вообразили, что Карлъ въ первой драмѣ и Карлъ во второй—одно и то же лицо, но что

между ними существуютъ небольшія различія, изъ тѣхъ, которыя такъ легко приписать себѣ, не утрачивая сознанія собственной индивидуальности. Въ обыденной жизни мы почти не замѣтили бы, что такого рода различія существуютъ, и въ большинствѣ случаевъ они не оказали бы никакого вліянія на то или иное дѣйствіе Карла. Стоитъ намъ представить, что все пошло хорошо, что отецъ героя прожилъ еще года два,—и Карлъ, нарисованный въ первой драмѣ, и Карлъ, какъ онъ изображенъ во второй драмѣ, испытали бы, приблизительно, одинаковую судьбу, и всѣ мелкія пертурбаціи въ ихъ жизни, которыя могли быть вызваны этими небольшими, изобрѣтенными нами различіями въ ихъ характерахъ, скоро бы прекратились подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Но тутъ наступаетъ такой рѣшительный моментъ въ ихъ жизни, когда совершенно одинаковыя обязанности толкаютъ ихъ въ совсѣмъ противоположныя стороны, и тогда предположенныхъ нами небольшихъ различій въ ихъ характерахъ совершенно достаточно, чтобы заставить одного изъ нихъ избрать одинъ путь, а другого—другой, а разъ выборъ сдѣланъ, каждый изъ нихъ начинаетъ жить совершенно особенною жизнью, и пути ихъ никогда уже больше не встрѣчаются.

Возьмемъ другой примѣръ изъ области механики:

Представимъ себѣ обыкновенные часы, или, если

хотите, небольшую тяжелую пулю, висящую на очень легкой, но трудно сгибаемой нити, прикрѣпленной къ гвоздю. Стоитъ дать пулѣ небольшой толчокъ, и она сейчасъ двинется въ правую или лѣвую сторону, смотря по направленію удара, опишетъ извѣстный кругъ, достигнетъ извѣстной высоты, упадетъ назадъ, но не остановится на томъ мѣстѣ, откуда ей данъ былъ первоначальный толчекъ, а двинется дальше въ противоположномъ направленіи, поднимаясь, приблизительно, на ту же высоту, на какую она поднялась на противоположной сторонѣ, будетъ въ теченіе извѣстнаго времени качаться такимъ образомъ взадъ и впередъ. Еслибы мой первый ударъ былъ нѣсколько сильнѣе, пуля поднялась бы нѣсколько выше, но затѣмъ продолжала бы двигаться вышеописаннымъ образомъ. Но еслибы мой первый ударъ былъ настолько силенъ, чтобы пуля могла достигнуть наибольшей высоты поднятія нити, она не упала бы назадъ, а продолжала бы двигаться впередъ въ сторону, противоположную первоначальному направленію, описывая полный кругъ, вслѣдствіе чего движеніе измѣнило бы совсѣмъ свой первоначальный характеръ: такимъ образомъ два удара, совершенно подобные другъ другу, изъ которыхъ одинъ не доходитъ до извѣстной черты, а другой переходитъ за нее, привели къ совершенно различнымъ результатамъ.

Въ механикѣ мы привыкли изучать такого рода

границы движеній или критическіе моменты, и иногда для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ извѣстномъ явленіи, бываетъ необходимо изслѣдовать его въ связи съ этими моментами. Авторы настоящей драмы задались мыслью изслѣдовать вліяніе такого рода критическаго момента на двухъ людей, очень похожихъ другъ на друга, но не вполнѣ тождественныхъ. Чтобы понять, что хотѣли сказать при этомъ авторы, нужно помнить, что Карлъ одной и Карлъ другой пьесы не одно и то же лицо: одинъ изъ нихъ болѣе идеалистиченъ, лучше умѣетъ отличать существенное въ жизни отъ несущественнаго. Но эти различія такъ незначительны, что въ обыкновенной жизни мы врядъ-ли бы отличили одного Карла отъ другого. Если бы все пошло хорошо, если бы отецъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, такъ, чтобы сынъ получилъ возможность упрочить свое положеніе послѣ его смерти, судьба обоихъ Карловъ сложилась бы, повидимому, однимъ и тѣмъ же образомъ. По всей вѣроятности, оба они сдѣлались бы мирными научными дѣятелями, можетъ быть, профессорами университета или высшей технической школы, женились бы, приблизительно, въ одномъ и томъ же возрастѣ и сдѣлали бы одинъ и тотъ же выборъ. Но внезапно наступаетъ критическій моментъ въ ихъ жизни и маленькаго, еле замѣтнаго различія между ними совершенно достаточно, чтобы заста-

вить одного смѣло переступить черезъ критическій пунктъ, а другого упасть подъ его бременемъ».

Переработка драмы заняла гораздо больше времени, чѣмъ ея сочиненіе, и мы разстались лѣтомъ, не окончивши нашей работы.

XII.

Разочарованія и огорченія.

Мы предполагали провести это лѣто вдвоемъ. Новая авторская фирма Корвинъ-Леффлеръ собиралась отправиться вмѣстѣ въ Берлинъ и Парижъ, чтобы завязать побольше литературныхъ и театральныхъ знакомствъ, которыя могли бы намъ пригодиться потомъ, когда наше произведеніе будетъ окончено и начнетъ свое тріумфальное шествіе по свѣту. Но всѣмъ этимъ надеждамъ суждено было разсѣяться одной за другой. Наше путешествіе было уже назначено на средину мая, мы такъ сильно радовались новымъ интересамъ и надеждамъ, открывавшимся передъ нами, когда опять грустныя вѣсти изъ Россіи разрушили всѣ наши планы. Жизнь сестры Софьи находилась въ опасности, а мужъ долженъ былъ оставить ее, чтобы вернуться въ Парижъ. Ничего другого не оставалось дѣлать: Софья должна была

предпринять печальное путешествіе къ одру болѣзни сестры и отказаться отъ всякой мысли о томъ, чтобы доставить себѣ лѣтомъ какія-либо удовольствія или освѣжить себя послѣ усиленной зимней работы.

Всѣ ея письма въ это лѣто показываютъ, въ какомъ подавленномъ настроеніи она находилась.

«Моя сестра находится въ томъ же положеніи, что и зимою. Она страшно страдаетъ, ужасно дурно выглядитъ и не имѣетъ силъ двинуться съ мѣста. Тѣмъ не менѣе я убѣждена, что не всякая еще надежда на ея выздоровленіе утрачена. Она ужасно обрадовалась моему пріѣзду, и постоянно повторяетъ, что навѣрное умерла бы, если бы я отказалась теперь пріѣхать къ ней...

Я въ такомъ подавленномъ настроеніи духа, что не хочу больше и писать. Единственное, что доставляетъ мнѣ еще отраду, это мысль о нашей феерiи и о Vae victis»...

Это новый намекъ на двѣ новыя совмѣстныя работы, задуманныя нами. Мысль о феерiи пришла мнѣ; она должна была называться: «Когда не будетъ больше смерти». Какъ только я изложила Софьѣ свою идею, она такъ горячо ухватилась за нее, начала такимъ блестящимъ образомъ развивать ее и такъ сильно переработала въ своей фантазiи, что получила на нее такія же авторскія права, какъ и я. Vae victis была ея идеею: она хотѣла создать большую повѣсть, содержаніе которой было бы въ

высшей степени характеристично для нея, но считала себя не въ силахъ написать ее самостоятельно, безъ помощи.

Въ другомъ, болѣе позднемъ письмѣ, она говоритъ слѣдующее:

«Ты такъ добра, что увѣряешь меня, будто я много значу въ твоей жизни, — а между тѣмъ у тебя такъ много есть другихъ привязанностей, ты настолько богаче меня! Подумай же, какъ много ты значишь для меня, когда я такъ одинока и такъ бѣдна любящими и преданными мнѣ людьми»...

А вотъ другое письмо: «Не замѣчала-ли ты, что бываютъ такія минуты, когда мы сами, вмѣстѣ съ нашими друзьями, представляемся себѣ облаченными точно чернымъ флеромъ. Самыя дорогія существа кажутся вдругъ совершенно чуждыми, а самыя сочныя ягоды получаютъ во рту вкусъ песка. Скогстомтенъ говорилъ, что это случается съ нимъ всякій разъ, когда дѣти входятъ къ нему безъ разрѣшенія. Быть можетъ, и намъ не дано было разрѣшенія провести пріятно это лѣто. А между тѣмъ мы усиленно работали зимою. Я и теперь пробую работать по мѣрѣ возможности и пользуюсь всякою свободною минутою, чтобы обдумывать свое математическое сочиненіе или изучать геніальные трактаты Поенкарре. Я слишкомъ изнемогла и нахожусь въ слишкомъ дурномъ расположеніи духа, чтобы заниматься литературою и писать что-нибудь по

этой части. Все въ жизни кажется мнѣ такимъ блѣднымъ, неинтереснымъ. Въ такія минуты нѣтъ ничего лучше математики; невыразимо пріятно сознаніе, что существуетъ цѣлый міръ, въ которомъ «я» совершенно отсутствуетъ. Чувствуешь желаніе постоянно говорить о «безличныхъ предметахъ». Только ты одна, моя милая, моя рѣдкая, моя единственная Анна-Карлотта, остаешься для меня одинаково милою, дорогою. Какъ я скучаю по тебѣ,— трудно выразить! Ты для меня самое дорогое въ свѣтѣ существо, и мы должны сохранить нашу дружбу на всю жизнь. Я, право, не знаю, чѣмъ была бы моя жизнь безъ тебя».

Нѣсколько позже она пишетъ мнѣ (по французски): «Зять мой, наконецъ, рѣшился остаться въ Петербургѣ, пока сестра не будетъ въ состояніи послѣдовать за нимъ въ Парижъ. Значитъ, я совершенно напрасно пожертвовала собою. Если бы я знала, что ты свободна, я могла бы еще теперь встрѣтиться съ тобою въ Парижѣ, хотя, правду сказать, всѣ здѣшнія исторіи совершенно отняли у меня всякое желаніе веселиться. Мнѣ хотѣлось-бы скорѣе поселиться въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, гдѣ я могла бы спокойно заниматься. Теперь мною овладѣло страстное желаніе работать, работать надъ чѣмъ бы то ни было, заниматься математикою или литературою, все равно, лишь бы погрузиться всецѣло въ работу, чтобы забыть и себя, и людей.

Если бы у тебя было такое же сильное желаніе видѣться со мною, какое я испытываю относительно тебя, я могла бы пріѣхать къ тебѣ куда бы ты ни захотѣла; мнѣ рѣшительно все равно, гдѣ ни жить. Но такъ какъ твое лѣто уже навѣрно распредѣлено, то я останусь здѣсь еще на нѣсколько недѣль, а затѣмъ вернусь съ Фуфи въ Стокгольмъ, поселюсь гдѣ-нибудь на островкахъ и примусь серьезнымъ образомъ за работу. О томъ, чтобы доставить себѣ при этомъ какое-нибудь удовольствіе, я не буду и думать. Ты знаешь, до какой степени я фаталистка, и вотъ теперь мнѣ кажется, что я прочла въ звѣздахъ, будто мнѣ нечего ждать хорошаго отъ этого лѣта. Въ такомъ случаѣ лучше всего покориться своей участи и не дѣлать никакихъ напрасныхъ усилій...

Вчера я написала начало «Vae victis». Вѣроятно, мнѣ никогда не удастся окончить эту работу. Но, можетъ быть, когда-нибудь то, что я напишу теперь, послужитъ тебѣ матеріаломъ. Чтобы успѣшно заниматься математикою, нужно чувствовать себя немного болѣе дома, чѣмъ я себя въ настоящую минуту чувствую»...

Въ другомъ письмѣ, написанномъ ею съ островковъ, на которыхъ она поселилась по возвращеніи въ Стокгольмъ, она говоритъ слѣдующее: «Въ Россіи я чувствовала себя послѣднее время очень хорошо и сдѣлала нѣсколько весьма интересныхъ зна-

комствъ, но такой старый консервативный, педантическій математикъ, какъ я, можетъ работать хорошо только у себя дома; поэтому я возвращаюсь въ старую Швецію, къ моимъ книгамъ и бумагамъ».

А затѣмъ въ другомъ письмѣ она пишетъ: «Я много думала о нашемъ первенцѣ, и всякій разъ мнѣ, правду сказать, приходится открывать множество органическихъ недостатковъ у нашего бѣднаго малютки, въ особенности въ отношеніи композиціи. Какъ бы для того, чтобы насмѣяться надо мною, судьба свела меня въ это лѣто съ тремя изслѣдователями, чрезвычайно интересными молодыми людьми, каждый въ своемъ родѣ. Одинъ изъ нихъ, на мой взглядъ, самый неспособный, уже сдѣлалъ коекакіе успѣхи въ жизни, другой очень даровитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и до смѣшного ограниченъ въ другихъ; этотъ тоже началъ уже свою борьбу за счастье, но къ какимъ результатамъ она должна привести,—никакъ не могу сказать теперь. Третій, очень интересный типъ, совершенно разбитъ тѣломъ и душою. Но для автора онъ представляетъ глубокій интересъ, какъ типъ, достойный внимательнаго изученія. Исторію этихъ трехъ изслѣдователей, во всей ея простотѣ, я нахожу гораздо болѣе богатою содержаніемъ, чѣмъ все, что мы сочинили вмѣстѣ о Карлѣ и Алисѣ.

По желанію твоего брата, я взяла съ собою одинъ томъ стихотвореній Рунеберга: Ганна, Надежда и

другіе, и читаю ихъ здѣсь. Но онѣ мнѣ не особенно нравятся; мнѣ кажется, что у нихъ тотъ же недостатокъ, что и въ *Сотвореніи міра* Гайдена. Имъ недостаетъ діавола, а безъ него не существуетъ истинной гармоніи въ этомъ мірѣ».

Въ это же лѣто написано было Софьей шутливое письмо, которое я привожу здѣсь, какъ образчикъ сатирическихъ выходокъ ея. Такъ какъ она, вообще, не держала въ особенномъ порядкѣ своихъ бумагъ и т. п., то всякій разъ, когда я посылала ей какое-нибудь слишкомъ откровенное, интимное письмо, я просила ее быть осторожной, не давать ему валяться повсюду и т. д,

По поводу этого она пишетъ мнѣ слѣдующее:

«Бѣдная Анна-Карлотта! Мнѣ, право, начинаетъ казаться, что ты заболѣла комическою болѣзнью — страхомъ, чтобы твои письма не попали въ неподходящія руки. Симптомы принимаютъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе угрожающій характеръ и я начинаю серьезно безпокоиться. По моему, человѣкъ, обладающій такимъ неразборчивымъ почеркомъ, какъ ты долженъ быть болѣе спокоенъ на этотъ счетъ. Увѣряю тебя, что кромѣ немногихъ людей, прямо заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, врядъ-ли у кого станетъ терпѣнія заниматься разборомъ твоихъ pattes de mouche. Что же касается твоего письма, то оно, конечно, сначала затерялось на почтѣ, и когда я, наконецъ, получила его, то

поспѣшила немедленно оставить его открытымъ на столѣ, чтобы дать возможность точнѣйшимъ образомъ изучить его моей горничной и всей семьѣ Г. Они всѣ нашли, что письмо написано восхитительно и что содержаніе его крайне интересно. Сегодня я намѣреваюсь отправиться къ проф. Монтану для переговоровъ о переводахъ на польскій языкъ. Я возьму съ собою туда и письмо и постараюсь раструбить его содержаніе въ гостиной профессора. Большаго я ничего не могу сдѣлать для распространенія твоей славы.

Преданная тебѣ Соня».

Съѣхавшись вновь осенью, мы принялись опять за окончательную переработку нашей двойной драмы. Но радость, которую мы испытывали прежде при работѣ, энтузіазмъ, иллюзіи уже успѣли разсѣяться, и эта послѣдняя обработка отличалась чисто механическимъ характеромъ. Уже въ ноябрѣ мы приступили къ печатанію драмы, которую одновременно съ тѣмъ представили на разсмотрѣніе драматическаго театра. Чтеніе корректуръ заняло весь остатокъ осени. Къ рождеству наше произведеніе вышло, было разнесено въ пухъ и прахъ Вирсеномъ и St. Dagblad и вскорѣ послѣ того мы получили отъ театральной дирекціи отказъ. Небольшая записка, присланная ко мнѣ Софьею въ отвѣтъ на мое

сообщеніе о постигшей насъ неудачѣ, показываетъ, что она приняла ее очень легко:

«Что же ты намѣрена теперь предпринять, ты, вѣроломная, жестокая мать? Возможно-ли разъединять сіамскихъ близнецовъ, разлучить то, что природа соединила? Ты внушаешь мнѣ просто ужасъ—Стриндбергъ совершенно правъ относительно женщинъ. Тѣмъ не менѣе я приду къ тебѣ сегодня вечеромъ, чтобы увидаться съ тобою, возмутительная ты женщина!»

И въ самомъ дѣлѣ, мы обѣ были теперь довольно равнодушны къ этой уже оконченной работѣ. Мы совершенно походили другъ на друга въ томъ отношеніи, что любили обѣ «не рожденныхъ еще дѣтей», и строили уже планы другихъ работъ, которыя должны были оказаться гораздо болѣе удачными, чѣмъ эта. Разница между нами заключалась только въ томъ, что Софья по прежнему страстно увлекалась мыслью о совмѣстной работѣ, между тѣмъ какъ мое увлеченіе ею уже успѣло пройти, хотя я не смѣла заговорить объ этомъ съ Софьею. И кто знаетъ, не эта-ли потребность, все болѣе и болѣе возраставшая въ глубинѣ моей души, потребность въ умственной и душевной самостоятельности, желаніе вернуть себѣ свободное распоряженіе своимъ *я*, своими мыслями и чувствами, не она-ли способствовала безсознательно тому, что я рѣшилась, наконецъ, предпринять въ ту же зиму путешествіе по Италіи? Мысль объ этомъ путешествіи

давно уже занимала меня, но Софья всегда противилась этому, считая мой отъѣздъ измѣною нашей дружбѣ. Но эта дружба, которая, съ одной стороны, была самымъ дорогимъ для меня чувствомъ, самымъ дорогимъ личнымъ счастьемъ, какое до того времени доставалось мнѣ на долю, начала тяготить меня слишкомъ большими требованіями, предъявляемыми ею ко мнѣ. Я говорю это здѣсь, чтобы уяснить смыслъ и значеніе дальнѣйшихъ трагическихъ обстоятельствъ въ жизни Софьи. При своей идеалистической натурѣ она требовала такой цѣльности чувствъ, какую жизнь даетъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, такого полнаго слиянія двухъ душъ, котораго ей не удалось осуществить на дѣлѣ ни въ дружбѣ, ни позже—въ любви. Ея любовь отличалась тираническимъ характеромъ: она не допускала, чтобы любимое ею существо имѣло какія-либо чувства, мысли, желанія, направленныя не на нее. Она хотѣла такъ всецѣло обладать любимымъ человѣкомъ, что лишала его совершенно возможности жить собственною индивидуальною жизнью, и если такого рода требованія едва-ли могутъ быть осуществлены при любовныхъ отношеніяхъ, въ особенности въ томъ случаѣ, когда оба любящіе являются высокоразвитыми личностями, тѣмъ менѣе это, конечно, возможно при дружескихъ отношеніяхъ, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ всегда полная индивидуальная свобода обѣихъ сторонъ.

Въ этой чертѣ характера Софьи лежитъ, быть можетъ, и объясненіе того, почему материнскія чувства не могли удовлетворить присущаго ея сердцу стремленія къ нѣжности и любви. Дитя не любитъ, оно даетъ себя любить; дитя не входитъ въ интересы другого лица; оно беретъ, а не даетъ, а Софья, напротивъ того, чувствовала потребность въ дающей любви. Этимъ я, впрочемъ, вовсе не хочу сказать, что она сама больше хотѣла брать, чѣмъ давать, въ своихъ отношеніяхъ къ тѣмъ, кого любила. Напротивъ того, она очень много давала, самымъ теплымъ, симпатичнымъ образомъ относилась къ любимымъ ею лицамъ, оказывала имъ всевозможное вниманіе, доказывала, чѣмъ только могла, свою дружбу къ нимъ, всѣмъ готова была жертвовать для нихъ. Но она требовала, чтобы и ей отвѣчали тѣмъ же, чтобы ее встрѣчали на полупути; она желала быть увѣренною въ томъ, что и она имѣетъ для любимаго существа то же значеніе, какое это существо имѣло для нея.

Не однѣ только литературныя неудачи постигли Софью въ эту осень; ей пришлось испытать тяжелую, горькую утрату. Сестра, къ одру болѣзни которой она столько разъ спѣшила по морю и сушѣ, жертвуя всѣми своими планами и желаніями съ единственною мыслью, какъ бы не опоздать, какъ бы поспѣть къ ея послѣднимъ минутамъ, была осенью перевезена въ Парижъ, гдѣ ей должны были сдѣлать

операцію. Софья читала лекціи въ высшей школѣ и не располагала свободнымъ временемъ, но если бы ей написали о возможной опасности, она, конечно, не посмотрѣла бы ни на что, а поѣхала бы къ сестрѣ, хотя бы ей пришлось вслѣдствіе этого лишиться своего положенія и куска насущнаго хлѣба. Но ее увѣрили, что операція самая ничтожная и что существуетъ надежда на полное выздоровленіе. Она уже получила извѣстіе о счастливомъ исходѣ операціи и предавалась самымъ радужнымъ надеждамъ, когда ей внезапно принесли телеграмму съ извѣщеніемъ о смерти сестры. Въ томъ состояніи слабости, въ какомъ находилась она послѣ операціи, у нея неожиданно развилось воспаленіе легкихъ, и она погибла, не будучи въ силахъ вынести болѣзни.

Софья, какъ видно изъ описанія жизни сестеръ Раевскихъ, очень любила эту сестру, и къ горю, которое она чувствовала по поводу ея смерти, по поводу того, что ей не удалось отдать ей послѣдній долгъ любви, несмотря на всѣ жертвы, принесенныя ею для этой цѣли, присоединилось теперь и горькое чувство сожалѣнія о несчастной судьбѣ когда-то столь блестящей Анюты, окруженной всеобщимъ поклоненіемъ. Истощенная тяжелою, хроническою болѣзнью, много лѣтъ ее мучившею, разочарованная во всѣхъ своихъ надеждахъ на жизнь, стѣсненная въ своемъ развитіи, какъ писательница,—она, увы, послѣ всѣхъ этихъ страданій не нашла никакого

облегченія, а только неизбѣжную, неумолимую смерть, унесшую ее во цвѣтѣ лѣтъ.

А для такой постоянно рефлексирующей натуры, какова была натура Софьи, всякое страданіе увеличивалось еще, благодаря тому, что она обобщала его. Несчастье, постигшее ее или кого-либо изъ тѣхъ, кого она любила, обращалось въ несчастье для всего человѣчества и, страдая, она мучилась всякій разъ не только своимъ горемъ, но и горемъ всѣхъ.

При этомъ ее огорчала также мысль, что со смертью сестры исчезла послѣдняя связь, соединяющая ее съ родительскимъ домомъ, съ дѣтствомъ.

«Никто больше не будетъ вспоминать обо мнѣ, какъ о маленькой Сонѣ», говорила она; «для всѣхъ васъ я—г-жа Ковалевская, знаменитая ученая женщина и т. д. Ни для кого больше я не могу быть застѣнчивою, сдержанною, жмущеюся ко всѣмъ маленькою Сонею».

При томъ необыкновенномъ самообладаніи, которое было свойственно ей, и при замѣчательномъ умѣньи скрывать свои чувства, она по прежнему показывалась повсюду въ обществѣ и не носила даже обычнаго траура: сестра ея, какъ и она сама, питала рѣшительное отвращеніе къ черному цвѣту, и Софьѣ казалось нелѣпымъ такимъ образомъ выказывать свое горе по ней. Но скрываемая ею въ глубинѣ сердца печаль, та раздвоенность, которую она испытывала, выказывалась въ чрезвычайной нервности: она могла

расплакаться изъ-за всякаго пустяка, напр., если кто наступалъ ей на ногу или обрывалъ ей платье; въ то же время при самомъ ничтожномъ противодѣйствіи ея желаніямъ она могла разразиться самыми гнѣвными, вспыльчивыми словами. Когда ей случалось, по ея всегдашнему обыкновенію, анализировать себя, она говорила: «глубокое горе, которое я стараюсь всячески подавить и сдержать въ себѣ, вѣчно прорывается наружу въ видѣ мелочной раздражительности. Вообще, въ жизни существуетъ стремленіе размѣнивать все на мелочи, не допускать, чтобы въ глубинѣ души хранилось какое-либо великое, нераздѣльное чувство».

Она надѣялась, что сестра въ томъ или иномъ видѣ явится ей, во снѣ-ли или въ образѣ видѣнія. Въ теченіе всей своей жизни Софья сохраняла вѣру въ значеніе сновъ, о которой разсказываетъ нѣсколько выше ея подруга юности, а также вѣру въ предчувствія и разнаго рода предзнаменованія.

Напримѣръ, она всегда заранѣе знала, какой годъ будетъ для нея несчастнымъ, а какой счастливымъ. Она знала, что 1887 г. долженъ былъ доставить ей большую радость и большое горе; подобнымъ же образомъ она увѣряла, что 1888 г. будетъ самымъ счастливымъ въ ея жизни, а 1890—самымъ горькимъ. За то 1891 г. долженъ былъ принести въ ея жизнь просвѣтленіе. Такимъ просвѣтленіемъ оказалась смерть.

Ей всегда снились тяжелые сны передъ тѣмъ,

когда съ кѣмъ-либо изъ ея близкихъ случалось несчастье или когда любимое ею лицо дѣлало сознательно то, что должно было причинить ей страданіе. Послѣднія ночи передъ смертью сестры у нея были очень тяжелые сны,—къ ея величайшему удивленію, такъ какъ всѣ получаемыя извѣстія были какъ нельзя болѣе благопріятны. Но, узнавъ о смерти, она говорила, что эта вѣсть застала ее подготовленною.

Между тѣмъ всѣ надежды на то, что сестра привидится ей послѣ смерти, оказались тщетными.

XIII.

Тріумфъ и пораженіе. Все выиграно, все потеряно.

Въ январѣ 1888 г. я уѣхала, и мы не видѣлись до сентября 1889 г. Не прошло и полныхъ двухъ лѣтъ со времени нашей разлуки, но въ жизни насъ обѣихъ произошла за это время большая перемѣна и мы встрѣтились совершенно другими людьми сравнительно съ тѣмъ, какими разстались. Мы не могли больше жить душа въ душу, какъ прежде, потому что каждая изъ насъ была слишкомъ занята своею личною драмою и не хотѣла открывать другой всю правду относительно переживаемой ею борьбы. Такъ какъ я намѣрена въ этой біографіи разсказать о Софьѣ только то, что она сама передавала мнѣ о себѣ, и держаться такого же образа дѣйствія и при повѣствованіи о послѣднихъ годахъ ея жизни, то эта часть моего разсказа выйдетъ болѣе смутною и неопредѣленною, чѣмъ мои первыя сообщенія о ней, именно потому, что она не давала мнѣ больше заглядывать въ свою душу такъ, какъ прежде.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда она познакомилась съ человѣкомъ, который, по ея словамъ, былъ самымъ даровитымъ изъ всѣхъ людей, когда-либо встрѣченныхъ ею въ жизни. При первомъ свиданіи она почувствовала къ нему сильнѣйшую симпатію и восхищеніе, которыя мало-по-малу перешли въ страстную любовь. Съ своей стороны и онъ сталъ вскорѣ ея горячимъ поклонникомъ и даже просилъ сдѣлаться его женою. Но ей казалось, что его влечетъ къ ней скорѣе преклоненіе передъ ея умомъ и талантами, чѣмъ любовь, и она, понятно, отказалась вступить въ бракъ съ нимъ, а стала употреблять всѣ усилія, чтобы внушить ему такую же сильную и глубокую любовь къ себѣ, какую она сама чувствовала къ нему. Эта борьба представляетъ всю исторію ея жизни въ теченіе этихъ послѣднихъ двухъ лѣтъ. Она мучила его и себя своими требованіями, устраивала ему страшныя сцены ревности, они много разъ совершенно расходились въ сильномъ взаимномъ озлобленіи, снова встрѣчались, примирялись, и вновь рѣзко рвали всѣ отношенія.

Въ ея письмахъ ко мнѣ отъ этого времени сообщается чрезвычайно мало о ея внутренней жизни. Она была чрезвычайно скрытною во всемъ, что касалось сокровенной жизни ея сердца, въ особенности когда дѣло шло о ея сердечныхъ горестяхъ и страданіяхъ. Ее можно было вовлечь въ задушевную, интимную бесѣду только подъ вліяніемъ личнаго сви-

данія; поэтому я только по возвращеніи въ Швецію узнала то, что произошло съ нею во время моего отсутствія. Приведу, впрочемъ, нѣкоторыя мѣста изъ ея писемъ ко мнѣ за это время, наиболѣе характеристическія для этого періода ея жизни.

Вотъ что она пишетъ мнѣ въ январѣ 1888 года, вскорѣ послѣ моего отъѣзда: «Эта исторія съ Е. (намекъ на одно событіе, происшедшее въ кружкѣ ея знакомыхъ въ Стокгольмѣ) навела меня на мысль приняться вновь за моего первенца: «Приватъ-Доцентъ», какъ только я освобожусь отъ своихъ теперешнихъ занятій. Я увѣрена, что стоитъ мнѣ только серьезно обработать этотъ сюжетъ, и я создамъ нѣчто восхитительное. Я, право, горжусь тѣмъ, что уже въ такіе молодые годы такъ хорошо понимала нѣкоторыя стороны человѣческой жизни. Когда я начинаю анализировать чувства Е. къ Г. мнѣ кажется, что я въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно удачно описала отношенія между моимъ приватъ-доцентомъ и его профессоромъ». А нѣсколько времени спустя она пишетъ мнѣ: «Отъ души благодарю тебя за письмо изъ Дрездена. Я всегда такъ рада, когда получаю отъ тебя хотя бы одну строчку. Но тѣмъ не менѣе письмо твое въ цѣломъ произвело на меня очень грустное впечатлѣніе. Да что тутъ подѣлаешь! Такова уже жизнь. Всегда получаешь не то, что̀ желаешь, и не то, что̀ считаешь необходимымъ для себя: все,—только не это. Какой-либо другой человѣкъ долженъ полу-

чить то счастье, которое я всегда желала себѣ и о которомъ всегда мечтала. Должно быть плохо подаются блюда въ «le grand festin de la vie» потому что всѣ гости берутъ точно черезъ покрывало порціи, предназначенныя не для нихъ, а для другихъ. Во всякомъ случаѣ Н., какъ мнѣ кажется, получилъ именно ту порцію, которую онъ самъ желалъ. Онъ такъ увлеченъ своимъ путешествіемъ въ Гренландію, что нѣтъ ничего, что могло бы въ его глазахъ сравниться съ этимъ. Поэтому совѣтую тебѣ лучше отказаться отъ своего остроумнаго проекта написать ему, потому что если бы онъ даже узналъ, онъ не отказался бы отъ поѣздки къ духамъ великихъ мертвыхъ людей, которые, какъ разсказываютъ лапландскія саги, покоются на ледяныхъ поляхъ Гренландіи. Я, съ своей стороны, работаю очень много (надъ сочиненіемъ на премію), хотя безъ особенной охоты или энтузіазма».

Софья незадолго передъ тѣмъ познакомилась съ Фритгіофомъ Нансеномъ во время его пріѣзда въ Стокгольмъ, и его личность и смѣлые планы путешествій произвели на нее сильное впечатлѣніе. Они встрѣтились всего одинъ разъ, но произвели другъ на друга такое сильное впечатлѣніе, что затѣмъ говорили оба, что если бы между ними ничего не стояло, эта сильная симпатія, при благопріятныхъ условіяхъ для развитія, могла бы оказать рѣшающее вліяніе на всю ихъ послѣдующую жизнь.

Въ слѣдующемъ письмѣ, тоже отъ января 1888 г., она пишетъ мнѣ: «Я нахожусь въ настоящую минуту подъ вліяніемъ самаго увлекательнаго и возбуждающаго чтенія, какое мнѣ когда-либо случалось встрѣчать. А именно я получила сегодня отъ Н. небольшую статью его съ изложеніемъ плана предполагаемой поѣздки по льдамъ Гренландіи. Прочитавъ ее, я совершенно упала духомъ. Теперь онъ получилъ отъ датскаго коммерсанта Гамеля 5.000 кронъ на это путешествіе и, конечно, ничто на свѣтѣ не въ состояніи будетъ заставить его отказаться отъ этой поѣздки. Статья, впрочемъ, такъ интересна и такъ хорошо написана, что я ее пришлю тебѣ (конечно, подъ условіемъ, что ты ее поскорѣе вернешь мнѣ), какъ только узнаю твой точный адресъ. Только прочитавъ эту статью, можно получить полное понятіе о человѣкѣ. Сегодня я разговаривала о немъ съ Б, который находитъ также, что работа Н. просто геніальна, и увѣряетъ, что Н. слишкомъ хорошъ, чтобы рисковать своею жизнью въ Гренландіи».

Въ слѣдующемъ письмѣ встрѣчается первый намекъ на наступившій въ ея жизни кризисъ. Письмо не датировано, но написано, повидимому, въ мартѣ того же года. Она уже познакомилась съ человѣкомъ, который долженъ былъ оказать такое сильное вліяніе на всю ея послѣдующую жизнь. Вотъ что она пишетъ: «Ты ставишь мнѣ также другіе во-

просы, но ихъ я даже сама не рѣшаюсь ставить себѣ, и потому ты, надѣюсь извинишь, меня, если я оставлю ихъ безъ отвѣта. Я боюсь строить какіе бы то ни было планы будущаго. Одно только, къ несчастью, вѣрно; именно то, что мнѣ придется еще прожить два съ половиною длинныхъ, безконечныхъ мѣсяца въ полномъ одиночествѣ въ Стокгольмѣ. Быть можетъ, оно и лучше, такъ какъ это дастъ мнѣ возможность уяснить себѣ вполнѣ, до какой степени я одинока».

Я сообщила ей въ письмѣ, что нѣкоторые скандинавы въ Римѣ разсказывали мнѣ, будто Нансенъ уже нѣсколько лѣтъ помолвленъ съ одною нѣмкою. Въ отвѣтъ она прислала мнѣ слѣдующее шутливое письмо:

«Дорогая Анна-Карлотта!

Souvent femme varie
Bien fol est qui s'y fie!

Если бы твое письмо съ тѣмъ-же содержаніемъ и съ тѣмъ же ужаснымъ сообщеніемъ было получено мною нѣсколько недѣль тому назадъ, оно, конечно, сокрушило бы совершенно мое сердце. Но теперь, къ собственному стыду, должна признаться, что, прочитавъ вчера твои глубоко сочувственныя строки, я разразилась громкимъ хохотомъ. Вчерашній день былъ вообще тяжелый для меня, потому что вчера вечеромъ уѣхалъ М. Надѣюсь, что кто-

нибудь изъ семьи успѣлъ уже сообщить тебѣ о перемѣнѣ въ нашихъ планахъ, такъ что мнѣ незачѣмъ распространяться больше на этотъ счетъ. Въ цѣломъ эта перемѣна очень счастлива для меня, потому что если бы М. остался здѣсь, я не знаю, право, удалось-ли бы мнѣ окончить свою работу. Онъ такой большой, такой grossgeschlagen, согласно удачному выраженію К. въ его рѣчи, и занимаетъ такъ ужасно много мѣста не только на диванѣ, но и въ мысляхъ другихъ, что мнѣ было бы положительно невозможно въ его присутствіи думать ни о чемъ другомъ, кромѣ него. Хотя мы во все время его десятидневнаго пребыванія въ Стокгольмѣ были постоянно вмѣстѣ, большею частью глазъ на глазъ, и не говорили ни о чемъ другомъ, какъ только о себѣ, притомъ съ такою искренностью и сердечностью, какую тебѣ трудно даже представить, тѣмъ не менѣе я еще совершенно не въ состояніи анализировать своихъ чувствъ къ нему. Я ничѣмъ не могу такъ хорошо выразить произведеннаго имъ на меня впечатлѣнія, какъ слѣдующими превосходными стихами Мюссе:

Il est très joyeux—et pourtant très maussade,
Detestable voisin—excellent camérade,
Extremement futile—et portant très posé
Indignement naïf—et portant très blasé,
Horriblement sinsère—et portant très rusé.

Къ довершенію всего,—настоящій русскій съ го-

ловы до ногъ. Вѣрно также и то, что у него въ мизинцѣ больше ума и оригинальности, чѣмъ сколько можно было бы выжать изъ обоихъ супруговъ— вмѣстѣ, даже если бы положить ихъ подъ гидравлическій прессъ».

Остальная часть письма наполнена планами путешествій на лѣтнее время, которые затѣмъ не осуществились, такъ что я приведу изъ этихъ писемъ только самое существенное: «Я врядъ-ли поѣду въ Болонью (на юбилейное празднество, на которое она собиралась поѣхать прежде), потому что такого рода путешествіе стоило бы слишкомъ дорого: туалеты и т. д., а отчасти потому, что всѣ эти торжественныя собранія слишкомъ скучны и совершенно не въ моемъ вкусѣ. Кромѣ того для меня очень важно побывать теперь въ Парижѣ, хотя бы на самое короткое время. Поэтому я съ 15 мая по 15 іюня намѣреваюсь прожить въ Парижѣ, а затѣмъ уѣхать съ М. въ Италію, чтобы встрѣтиться тамъ съ тобою, потому что это уже рѣшено: мы должны провести лѣто вмѣстѣ, втроемъ—это самое важное, но гдѣ же именно?—это уже вопросъ второстепенный, которымъ я собственно меньше всего интересуюсь. Мнѣ лично пріятнѣе всего было-бы поселиться у итальянскаго озера или въ Тиролѣ. М. соглашается на всѣ эти планы, но ему собственно хотѣлось бы убѣдить насъ отправиться съ нимъ на Кавказъ, черезъ Константинополь. Не могу не сознаться, что

его планъ кажется мнѣ чрезвычайно соблазнительнымъ, въ особенности если взять во вниманіе его увѣренія, что это путешествіе не будетъ стоить намъ особенно дорого. Но относительно этого пункта у меня существуютъ сомнѣнія и я думаю, что мы поступимъ благоразумнѣе, если будемъ держаться цивилизованныхъ странъ. Есть еще одно обстоятельство, которое съ моей точки зрѣнія говоритъ въ пользу перваго плана: мнѣ ужасно хочется изложить этимъ лѣтомъ на бумагѣ тѣ многочисленныя картины и фантазіи, которыя роятся у меня въ головѣ. Ты также должна была-бы начать серьезно работать послѣ продолжительнаго отдыха, которымъ пользовалась въ теченіе всѣхъ этихъ мѣсяцевъ. А это все возможно только въ томъ случаѣ, если мы поселимся въ какомъ-нибудь тихомъ, красивомъ мѣстѣ, и начнемъ вести спокойную, идиллическую жизнь. Никогда не чувствуешь такого сильнаго искушенія писать романы, какъ въ присутствіи М., потому что, не смотря на свои грандіозные размѣры (которые, впрочемъ, нисколько не противорѣчатъ типу истиннаго русскаго боярина), онъ самый подходящій герой для романа (конечно, для романа реалистическаго направленія), какого я когда-либо встрѣчала въ жизни. Въ то же время онъ, какъ мнѣ кажется, очень хорошій литературный критикъ, у него есть «искра Божья».

Ничего не вышло изъ нашихъ плановъ провести

лѣто вмѣстѣ. Софья встрѣтилась съ своимъ новымъ русскимъ другомъ въ Лондонѣ въ концѣ мая, а затѣмъ поѣхала съ нимъ путешествовать по Гарцу и навѣстила Вейерштрасса, чтобы съ его помощью редактировать окончательно свою работу, которую она еще весною отослала во Французскую академію съ просьбою разрѣшить ей представить до выдачи преміи, которая должна была происходить въ концѣ года, новое сочиненіе на изслѣдуемый ею вопросъ, въ которомъ послѣдній будетъ обработанъ болѣе полнымъ образомъ. Какъ сильно работала она въ теченіе этихъ весеннихъ мѣсяцевъ, видно изъ слѣдующаго короткаго письма, присланнаго ею мнѣ въ это время. Оно адресовано совмѣстно мнѣ и моему брату:—мы жили въ это время вмѣстѣ, въ Италіи.

«Дорогіе друзья мои!

«Я не могу писать вамъ длиннаго письма, потому что такъ много работаю въ настоящее время, какъ только могу, и какъ только возможно вообще работать для человѣка. Я до сихъ поръ не знаю, удастся-ли мнѣ окончить мое сочиненіе. Мнѣ встрѣтилось неожиданно затрудненіе, съ которымъ никакъ не могу справиться. Я уже написала Вейерштрассу, чтобы попросить его помочь мнѣ; если онъ не можетъ этого сдѣлать, я погибла».

Вскорѣ послѣ того, въ концѣ мая, она пишетъ мнѣ, по дорогѣ въ Лондонъ: «Дорогая Анна-Карлотта! Я сижу теперь въ Гамбургѣ въ ожиданіи

поѣзда, который долженъ увезти меня въ Лондонъ. Ты врядъ-ли въ состояніи представить себѣ, что это за наслажденіе принадлежать вновь самой себѣ, сдѣлаться опять властелиномъ надъ своими мыслями и не быть болѣе принужденною насильно, par foree, концентрировать ихъ на одномъ и томъ же предметѣ, какъ мнѣ приходилось это дѣлать въ теченіе послѣднихъ недѣль».

Въ сентябрѣ она вернулась въ Стокгольмъ и во время послѣдующихъ осеннихъ мѣсяцевъ жила въ состояніи постояннаго напряженія, которое на долгое время разрушило ея здоровье. Этотъ годъ (1888) доставилъ ей много счастья, упрочилъ ея репутацію и ея славу, но вмѣстѣ съ тѣмъ принесъ и много горя и печали, которыя, съ наступленіемъ новаго года, должны были обрушиться на нее.

Когда она, на Рождество того же года, въ торжественномъ засѣданіи французской академіи наукъ, въ присутствіи многихъ изъ знаменитѣйшихъ дѣятелей науки того времени, лично принимала Бординскую премію, которая представляла собою не только высшее научное отличіе, когда-либо выпадавшее на долю женщинъ, но въ то же время и одно изъ самыхъ большихъ отличій, какія могутъ доставаться научнымъ дѣятелямъ,—съ нею былъ и тотъ человѣкъ, въ обществѣ котораго она находила полное удовлетвореніе всему, чего жаждала ея душа и къ чему стремилось ея сердце. Она обладала въ

настоящую минуту всѣмъ, что считала когда-либо необходимымъ для полноты счастья: ея умъ, ея дарованія были признаны высшимъ судилищемъ міра, а та страстная потребность въ любви и преданности, которая таилась въ глубинѣ ея души, нашла достойную для себя цѣль. Но она была похожа на ту принцессу въ сказкѣ, которую добрыя феи при рожденіи надѣлили всѣми возможными дарами, но которой эти дары не принесли никакой пользы, потому что дѣйствіе ихъ было почти совершенно нейтрализовано завистливою феею, преподнесшею послѣдній несчастный даръ. Правда, она въ теченіе своей жизни получила все, чего желала, но всегда не въ подходащее время и при такихъ обстоятельствахъ, которыя отравляли ей ея счастье.

Въ самомъ разгарѣ работы надъ сочиненіемъ на премію, которое сдѣлалось для нея теперь вопросомъ чести, такъ какъ всѣ ея друзья-математики знали, что она трудится надъ нимъ, произошелъ тотъ новый поворотъ въ ея жизни, котораго она такъ давно желала. Въ послѣдніе мѣсяцы передъ отсылкою своей работы въ академію она жила въ состояніи страннаго раздвоенія, колеблясь между двумя стремленіями, съ одинаковою силою говорившими въ ней и увлекавшими ее въ двѣ противоположныя стороны: въ ней боролись одновременно женщина и научный дѣятель. Физически она ужасно истощала себя непосильною работою по ночамъ. Нрав-

ственно она постоянно мучилась внутреннимъ разладомъ между стремленіемъ окончить во что бы то ни стало возложенную на себя задачу и стремленіемъ отдаться всецѣло новому могучему чувству, овладѣвшему ею. Эту-то борьбу приходится до извѣстной степени переносить всѣмъ женщинамъ, посвятившимъ себя индивидуальной производительной дѣятельности, и она-то составляетъ одно изъ самыхъ вѣскихъ возраженій противъ развитія способностей къ самостоятельному производительному труду у женщинъ: такого рода трудъ препятствуетъ затѣмъ женщинѣ отдаться всецѣло своей любви, чего каждый мужчина требуетъ отъ своей жены и любовницы. Софья безконечно мучилась сознаніемъ, что ея работа становится постоянно между нею и тѣмъ человѣкомъ, которому должны были бы безраздѣльно принадлежать всѣ ея мысли. Хотя они объ этомъ никогда не говорили, но она замѣчала охлажденіе въ немъ при видѣ того, что именно въ то время, когда самая сильная взаимная симпатія влекла ихъ неудержимо другъ къ другу, она предавалась такъ страстно погонѣ за славою и отличіями—причемъ та слава, къ которой она стремилась, была не изъ тѣхъ, которыя считаются достойными женщинъ въ глазахъ мужчинъ. Не трудно было возникнуть подозрѣнію, что ею въ данномъ случаѣ руководитъ только тщеславіе.

Пѣвица или актриса, осыпаемыя вѣнками, могутъ

легко найти доступъ къ сердцу мужчины, благодаря именно своимъ тріумфамъ — привожу собственныя разсужденія Софьи — то же самое можетъ сдѣлать и прекрасная женщина, красота которой возбуждаетъ восторги въ гостиной. Но женщина, преданная наукѣ, трудящаяся до красноты глазъ и до морщинъ на лбу надъ сочиненіемъ на премію,—что можетъ представить она привлекательнаго для мужчины? Чѣмъ можетъ она возбудить его фантазію?

И она съ горечью повторяла себѣ, что поступаетъ неблагоразумно, отказываясь жертвовать своимъ тщеславіемъ и своимъ честолюбіемъ для пріобрѣтенія того, что для нея представляло во всякомъ случаѣ гораздо больше значенія, чѣмъ всѣ успѣхи въ мірѣ. Но, тѣмъ не менѣе, она не могла сдѣлать этого потому что отступать теперь, значило признаться громко въ своей несостоятельности; сила обстоятельствъ и особенности ея собственной природы влекли ее неудержимо впередъ къ цѣли, которую она поставила раньше передъ собою. Если бы она нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ знала, какъ дорого будетъ стоить ей откладываніе этой работы на послѣднюю минуту, она, конечно, ни за что не согласилась бы тратить свое драгоцѣнное время на «Борьбу за счастье», которая на столько затруднила ея теперешнюю борьбу за свое личное счастье, сдѣлавъ ее гораздо болѣе тяжелою, чѣмъ какою она могла быть при другихъ обстоятельствахъ.

Наконецъ, она пріѣхала въ Парижъ, чтобы получить свою премію. Она была героинею дня, переходила постоянно съ одного празднества на другое, выслушивала заздравные тосты и отвѣчала на нихъ, принимала и дѣлала съ утра до ночи визиты, и не могла почти ни одной минуты въ день посвятить человѣку, который пріѣхалъ сюда спеціально за тѣмъ, чтобы присутствовать на ея торжествѣ. Такимъ образомъ для нея оказались отравленными, какъ счастье любви, такъ и торжество честолюбія, изъ которыхъ каждое само по себѣ должно было доставить ей столько радости. Все было испорчено, благодаря ея несчастной судьбѣ, предопредѣлившей, что она получитъ отъ жизни все, чего себѣ когда-либо желала, но всегда при такихъ обстоятельствахъ, что счастье обращалось для нея въ несчастье,—или, согласно ея объясненію, быть можетъ также вслѣдствіе дуализма, присущаго ея природѣ, который заставлялъ ее постоянно испытывать разладъ между своими чувствами и мыслями, между желаніемъ отдаться всецѣло любимому лицу и такимъ же сильнымъ желаніемъ сохранить неприкосновенною свою самостоятельность,—тѣмъ вѣчнымъ дуализмомъ, который неизбѣжно долженъ возникнуть въ жизни всякой женщины, одаренной производительными способностями, когда любовь покажетъ надъ ней свою силу. Къ этому присоединялось еще осложненіе, вытекавшее непосредственно изъ

характера Софьи. Ея любовь была всегда ревнивою и деспотическою, она требовала отъ того, кого любила, такой преданности, такого полнаго слiянiя съ собою, какое только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ было возможно для такой сильно выраженной индивидуальности, для такого даровитаго человѣка, какимъ былъ тотъ, кого она любила. Но, съ другой стороны, и она сама не могла никакъ рѣшиться сдѣлать полный переломъ въ своей жизни, отказаться отъ своей дѣятельности, отъ своего положенiя,—это было то требованiе, которое онъ предъявлялъ къ ней, — и примириться съ мыслью быть *только* его женою.

Въ виду невозможности согласить эти противоположныя требованiя, любовь ихъ потерпѣла полное крушенiе.

Въ это самое время она встрѣтилась въ Парижѣ съ своимъ кузеномъ, котораго не видала съ юности. Это былъ крупный землевладѣлецъ одной изъ внутреннихъ губернiй Россiи, жившiй въ деревнѣ счастливою семейною жизнью съ женою, которую любилъ, и съ цѣлою кучею подроставшихъ дѣтей. Въ молодости онъ носился съ планами художественной дѣятельности, отъ которой впослѣдствiи отказался. Софья и онъ часто въ молодости повѣряли другъ другу честолюбивые планы будущей дѣятельности, и когда онъ теперь увидѣлъ ее во время ея трiумфа, окруженною общимъ вниманiемъ, прославляемою

всѣми, героинею дня въ этомъ Парижѣ, гдѣ всякое личное торжество дѣйствуетъ болѣе опьяняющимъ образомъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, имъ овладѣло нѣкоторое чувство сожалѣнія о своихъ погибшихъ надеждахъ. Она достигла всего, о чемъ мечтала,— но онъ остался тѣмъ, чѣмъ и былъ, землевладѣльцемъ, не представлявшимъ никакого особеннаго значенія, и счастливымъ отцомъ семейства.

Софья смотрѣла на его красивое, хорошо сохранившееся лицо, съ его спокойнымъ, гармоничнымъ выраженіемъ, слушала, какъ онъ разсказывалъ ей о своей женѣ и дѣтяхъ, и думала съ своей стороны: онъ нашелъ истинное счастье, онъ не мучится внутреннимъ разладомъ, не колеблется между сложными стремленіями, а живетъ простою, цѣльною жизнью.

Эту встрѣчу и свое настроеніе по этому поводу она хотѣла изложить въ повѣсти, содержаніе которой передавала мнѣ. Сожалѣю отъ души, что эта повѣсть осталась ненаписанною, потому что она представила бы самое полное изложеніе ея воззрѣній на жизнь.

Письмо ея отъ этого времени къ моему брату показываетъ, въ какомъ глубокомъ разладѣ сама съ собою она тогда находилась.

«Парижъ, янв. 1889 г.

Дорогой Гэста!

Я только-что получила ваше любезное письмо. Какъ

я благодарна вамъ за вашу дружбу! Да, право, я начинаю думать, что это единственное хорошее, что было послано мнѣ въ жизни. И какъ мнѣ совѣстно, что я до сихъ поръ такъ мало сдѣлала, чтобы доказать вамъ, какъ глубоко я цѣню ее! Но не вините меня за это, дорогой Гэста; я, право, совершенно не владѣю собою въ настоящую минуту. Со всѣхъ сторонъ мнѣ присылаютъ поздравительныя письма, а я, по странной ироніи судьбы, еще ни разу въ жизни не чувствовала себя такою несчастною, какъ теперь. Несчастна, какъ собака! Впрочемъ, я думаю, что собаки, къ своему счастью, не могутъ быть никогда такъ несчастны, какъ люди, и въ особенности, какъ женщины.

Но я надѣюсь со временемъ сдѣлаться благоразумнѣе. По крайней мѣрѣ употреблю всѣ усилія, чтобы приняться вновь за работу и заинтересоваться практическими вещами, и тогда я, конечно, отдамся всецѣло подъ ваше руководство и буду дѣлать все, что вы захотите. Въ настоящую минуту единственное, что я могу сдѣлать, это сохранить про себя свое горе, скрыть его въ глубинѣ своей души, стараться вести себя возможно осмотрительнѣе въ обществѣ и не давать поводовъ для разговоровъ о себѣ.

У меня было много приглашеній въ эту недѣлю. Я была у Бертрана, у Менабреа, затѣмъ у графа Левенгаупта въ обществѣ принца Евгенія и т. д. Я сегодня въ слишкомъ дурномъ расположеніи духа,

чтобы описывать вамъ подробно всѣ эти празднества. Постараюсь сдѣлать это въ другомъ письмѣ.

Всякій разъ, когда я возвращаюсь домой съ какого-нибудь вечера, я хожу, не переставая, изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ. У меня нѣтъ ни аппетита, ни сна, и моя нервная система находится въ ужаснѣйшемъ состояніи. Въ настоящую минуту я даже не знаю, стоитъ-ли мнѣ просить о продленіи отпуска. Рѣшу этотъ вопросъ на слѣдующей недѣлѣ.

Прощайте на сегодня, дорогой Гэста. Сохраните мнѣ вашу дружбу: я въ ней сильно нуждаюсь, увѣряю васъ. Поцѣлуйте Фуфи за меня и поблагодарите С. за всѣ ея заботы о ней.

«Горячо преданная вамъ Соня».

Она рѣшилась попросить отпуска на весенній семестръ и осталась жить въ Парижѣ. Вотъ что она пишетъ мнѣ оттуда въ апрѣлѣ (по-французски):

«Позволь мнѣ прежде всего отъ души поздравить тебя съ большимъ счастьемъ, выпавшимъ тебѣ на долю. Какая ты счастливица! (Heureuse fille du soleil que tu es). Встрѣтить въ твои годы такую сильную, глубокую, взаимную любовь—по истинѣ судьба, достойная такой любимицы счастья, какъ ты. Намъ уж на роду было, повидимому, написано, что изъ насъ двухъ ты будешь *Счастьемъ*, а я, по всей вѣроятности, навсегда останусь *Борьбою*.

Странно, что, чѣмъ больше я живу, тѣмъ сильнѣе подчиняюсь чувству фатализма или, скорѣе, предопредѣленія. Сознаніе свободы воли, которая считается прирожденною людямъ, все болѣе и болѣе утрачивается мною. Я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что какъ бы сильно я ни боролась, какъ бы сильно ни желала, не могу перемѣнить ни одной іоты въ своей судьбѣ. Теперь я уже почти примирилась съ нею; я работаю, потому что чувствую потребность, но я ни на что больше не надѣюсь, ничего больше не желаю. Ты даже не въ состояніи представить себѣ, до какой степени я ко всему равнодушна.

Но довольно обо мнѣ, поговоримъ о другомъ. Очень рада, что тебѣ понравился мой польскій разсказъ *), и мнѣ незачѣмъ даже и говорить тебѣ, до какой степени я была бы рада, если бы ты согласилась перевести его на шведскій ялыкъ. Я только сильно упрекала бы себя за то, что отвлекла тебя отъ другихъ, болѣе интересныхъ работъ, и отняла у тебя драгоцѣнное время, которое ты могла бы употребить гораздо болѣе полезнымъ образомъ. Я написала также длинный разсказъ о своемъ дѣтствѣ, о молодости моей сестры, о ея первыхъ шагахъ въ области литературной дѣятельности и о нашемъ знакомствѣ съ Достоевскимъ. Теперь я занята об-

---

*) Воспоминаніе дѣтства, написанное на французскомъ языкѣ, и затѣмъ напечатанное на шведскомъ въ «Nordisk Tidskrift».

работкою «Vae victis», которое ты, вѣроятно, еще не забыла. У меня сидитъ въ головѣ еще другая повѣсть, «Les Revenants», которая также сильно интересуетъ меня. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы ты дала мнѣ полное право распоряженія нашимъ общимъ произведеніемъ: «Когда не будетъ больше смерти». Это мой любимецъ между всѣми нашими дѣтьми, и я много думала о немъ въ послѣдніе дни. Я даже нашла превосходное мѣсто дѣйствія для него—институтъ Пастера, который я случайно осматривала недавно: онъ какъ бы нарочно созданъ для нашей феерія. Уже нѣсколько недѣль роится въ моей головѣ планъ обработки нашего произведенія, который кажется мнѣ чрезвычайно удачнымъ. Но въ то же время онъ слишкомъ смѣлъ и фантастиченъ, и я не рѣшусь никогда серьезно приняться за него, пока ты не дашь мнѣ разрѣшенія самостоятельно распоряжаться этимъ произведеніемъ».

Въ августѣ она мнѣ опять пишетъ изъ Севра, гдѣ поселилась на лѣто съ своею дѣвочкою и нѣсколькими русскими друзьями:

«Я только-что получила письмо отъ Гэста, въ которомъ онъ сообщаетъ, что мнѣ, можетъ быть, удастся увидаться съ тобою при моемъ возвращеніи въ Швецію. Признаюсь, я настолько эгоистична, что отъ всего сердца обрадовалась этому.

Мнѣ очень хотѣлось бы знать, чѣмъ ты теперь низамаешься, что пишешь. Съ своей стороны и у

меня есть много такого, что я хотѣла бы разсказать тебѣ, съ чѣмъ хотѣла бы подѣлиться съ тобою. Слава Богу, до сихъ поръ я еще никогда не страдала недостаткомъ въ сюжетахъ, но теперь они буквально кишатъ у меня въ головѣ. Я уже окончила свои воспоминанія дѣтства и написала введеніе къ «Vae Victisa», а кромѣ того, начала писать двѣ новыя повѣсти. Богъ знаетъ только, когда мнѣ придется окончить все это».

XIV.

Литературныя стремленія. Совмѣстная поѣздка въ Парижъ.

Въ серединѣ сентября Софья вернулась въ Стокгольмъ, и мы увидались съ нею послѣ почти двухлѣтней разлуки. Я нашла ее сильно измѣнившейся. Прежнее блестящее остроуміе и шутливость почти совершенно покинули ее, маленькая морщинка на лбу углубилась, лицо получило мрачное, разсѣянное выраженіе, а глаза утратили тотъ необыкновенный блескъ, который составлялъ главную красоту ихъ. Они казались теперь усталыми, а сильная близорукость, заставлявшая ихъ немного косить, была теперь гораздо болѣе замѣтна, чѣмъ прежде. Съ обычнымъ ей самообладаніемъ она умѣла скрывать въ обществѣ постороннихъ свое грустное настроеніе, и казалась совершенно такою

же, какъ прежде. Она увѣряла меня, что нерѣдко, когда она бывала въ самомъ непріятномъ расположеніи духа, ей случалось слышать замѣчанія: сегодня г-жа Ковалевская необыкновенно весела и сіяетъ.

Но для насъ, стоявшихъ такъ близко къ ней, перемѣна была просто поразительна. Она совершенно потеряла всякую любовь къ обществу, не только къ обществу постороннихъ ей лицъ, но и къ нашему. Только одна работа доставляла ей удовольствіе, только въ одной отчаянной, форсированной работѣ находила она успокоеніе.

Она вновь принялась за свои лекціи, но дѣлала это подъ вліяніемъ чувства долга, безъ всякаго интереса. Только въ литературныхъ работахъ искала она отвлеченія отъ мучившихъ ее мыслей, отчасти потому, что еще не успѣла настоящимъ образомъ поправиться послѣ перенесеннаго ею переутомленія, и не находила въ себѣ достаточно силъ, чтобы засѣсть опять за научную работу.

Она прежде всего принялась за окончательную переработку введенія къ «Vae victis», которое она дала перевести съ русской рукописи и затѣмъ напечатала по-шведски.

Это—поэтическое описаніе борьбы природы при пробужденіи ея къ новой жизни весною, послѣ продолжительнаго зимняго сна. Но здѣсь не поется хвала веснѣ, какъ то бываетъ во всѣхъ описаніяхъ весны; напротивъ того, здѣсь воспѣвается спокой-

ная, безмятежная зима, между тѣмъ какъ весна изображается въ видѣ грубой, чувственной силы, которая возбуждаетъ массу надеждъ, но ни одной изъ нихъ не осуществляетъ.

Романъ долженъ былъ отчасти представить внутреннюю жизнь Софьи. Мало женщинъ пользовались такимъ почетомъ и такими успѣхами, какъ она; тѣмъ не менѣе въ этомъ романѣ она намѣревалась воспѣвать не побѣдителей, а побѣжденныхъ. Потому что сама она, не смотря на всѣ свои успѣхи въ жизни, считала себя побѣжденною въ борьбѣ за счастье, и всѣ ея симпатіи были всегда на сторонѣ тѣхъ, кто погибалъ, никогда—на сторонѣ тѣхъ, кто побѣждалъ. Это глубокое сочувствіе къ чужому страданію составляло у нея наиболѣе характеристическую черту, но это не было христіанское милосердное сочувствіе къ страданію; нѣтъ, она въ буквальномъ смыслѣ слова сама страдала за другихъ, принимала такъ близко къ сердцу ихъ страданія, какъ будто это были ея собственныя, и относилась къ нимъ не съ видомъ превосходства, которое старается утѣшить, а съ отчаяніемъ по поводу жестокой судьбы. Она часто говорила, что въ православномъ вѣроисповѣданіи, въ которомъ она была воспитана и къ которому всю жизнь относилась съ самымъ глубокимъ чувствомъ, ее больше всего привлекаетъ сочувствіе къ страданію, въ гораздо большей степени преобладающее въ этомъ исповѣданіи, чѣмъ

во всѣхъ другихъ. А въ литературѣ ей больше всего нравились тѣ писатели, у которыхъ было сильнѣе всего выражено это чувство, составляющее наиболѣе выдающуюся черту русской литературы.

Около этого времени она окончила и свои воспоминанія дѣтства. Фрекенъ Гедбердъ занялась переводомъ ихъ на шведскій языкъ съ рукописи, и по вечерамъ мы читали ихъ въ семейномъ кружкѣ главу за главою по мѣрѣ того, какъ онѣ переводились. Не смотря на грустное настроеніе, въ которомъ мы обѣ, я и Софья, находились, эта осень оказалась для насъ обѣихъ очень содержательною, благодаря необыкновенному рвенію къ работѣ, обнаруженному нами, хотя на этотъ разъ мы работали отдѣльно другъ отъ друга. Въ теченіе этихъ осеннихъ мѣсяцевъ—октябрь, ноябрь—я написала не менѣе пяти новыхъ повѣстей, которыя, по мѣрѣ того, какъ я ихъ сочиняла, прочитывались въ нашемъ семейномъ кружкѣ поочередно съ работами Софьи. Мы радовались обѣ работамъ другъ друга, ѣздили вмѣстѣ къ издателю и устроили такъ, что обѣ книги вышли вмѣстѣ, а именно мой сборникъ повѣстей «Изъ жизни», III, и «Сестры Раевскія» Софьи. Это былъ какъ бы отблескъ нашей прежней совмѣстной работы.

Софья намѣревалась издать свои воспоминанія дѣтства подъ видомъ автобіографіи, какъ она и сдѣлала впослѣдствіи по-русски. но какъ только мы

прослушали первую главу, мы отсовѣтовали ей дѣлать это. Мы находили, что въ нашемъ маленькомъ обществѣ могли найти неприличнымъ со стороны еще молодой женщины, если бы она прямо, безъ всякихъ прикрасъ, начала повѣствовать всему обществу объ интимной жизни своей семьи. Нѣсколько главъ было уже переведено, а все сочиненіе написано по-русски, когда было сдѣлано предложеніе замѣнить мѣстоименіе *я* словомъ *Таня.* Никакихъ другихъ возраженій или замѣчаній намъ не пришлось сдѣлать; мы могли только удивляться и восхищаться художественнымъ талантомъ, обнаруженнымъ Софьею въ этомъ произведеніи.

Пока обѣ наши книги печатались, мы принялись за новую совмѣстную работу. Во время своей послѣдней поѣздки въ Россію, Софья нашла въ одномъ ящикѣ своей сестры рукопись драмы, написанной ею нѣсколько лѣтъ тому назадъ и встрѣченной самымъ горячимъ одобреніемъ со стороны нѣсколькихъ выдающихся литературныхъ критиковъ Россіи. Но она не была еще окончательно обработана для театра. Содержаніе драмы, многія дѣйствительно талантливо написанныя сцены, великолѣпно обрисованные характеры, и оригинальное, глубоко грустное настроеніе, которымъ была проникнута вся пьеса, носили такой сильно выраженный, чисто русскій колоритъ, что какъ только Софья прочла мнѣ въ вольномъ переводѣ эту драму, я заявила, что ее

стоитъ переработать для шведской сцены. Софья горячо желала, въ особенности теперь, послѣ смерти сестры, выпустить въ свѣтъ какое-нибудь ея произведеніе. Ей было ужасно больно при мысли, что богатыя дарованія сестры были стѣснены въ своемъ развитіи, и она находила нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, чтобы хотя послѣ ея смерти создать ей блестящую репутацію.

Поэтому мы засѣли обѣ за работу, изучили сцену за сценою, актъ за актомъ съ начала до конца, и согласились относительно того, что̀ нужно было измѣнить въ пьесѣ. Софья составила на русскомъ языкѣ планъ переработки драмы и сама написала почти весь первый актъ—это былъ первый ея опытъ сочиненія драматическихъ діалоговъ—а затѣмъ продиктовала мнѣ на своемъ ломаномъ шведскомъ языкѣ остальные акты, которые я исправляла по мѣрѣ того, какъ писала.

Но намъ, повидимому, не могла удасться совмѣстная работа никакого рода. Мы прочли новую драму, послѣ долгихъ размышленій получившую наконецъ тяжеловѣсное заглавіе «До смерти и послѣ смерти», маленькому кружку литературныхъ и артистическихъ друзей, собравшихся у Софьи въ ея красной гостиной, но въ произнесенномъ ими надъ пьесою приговорѣ не было ничего поощрительнаго. Они нашли драму слишкомъ однообразно-мрачною по колориту и думали, что она не можетъ имѣть боль-

шого успѣха на сценѣ. Я же, напротивъ того, держусь совершенно противоположнаго мнѣнія: я думаю, что и эта пьеса, и «Борьба за счастье» будутъ когда-нибудь имѣть успѣхъ, и убѣждена, что первая изъ нихъ произведетъ потрясающее впечатлѣніе.

Во все время нашей работы насъ занималъ одинъ личный вопросъ: какъ ни старались мы отодвигать его на задній планъ, а намъ приходилось наконецъ принять то или иное рѣшеніе. Ни Софья, ни я, не были въ такомъ настроеніи духа, чтобы проводить дома рождественскіе праздники. Мы по разнымъ причинамъ рвались обѣ изъ Стокгольма и наконецъ рѣшились привести въ исполненіе свой давнишній планъ совмѣстнаго путешествія, который намъ никакъ не удавался до сихъ поръ. Послѣ долгихъ переговоровъ относительно того, куда именно отправиться, мы нашли наиболѣе удобнымъ поѣхать въ Парижъ, такъ какъ намъ обѣимъ было легче всего войти въ литературные и театральные кружки и погрузиться въ ихъ интересы, чѣмъ мы намѣревались заглушить мучившія насъ обѣихъ мысли. И вотъ въ началѣ декабря мы вмѣстѣ выѣхали въ Парижъ. Но какъ непохоже было это путешествіе на ту, совмѣстную поѣздку которую мы рисовали въ своемъ воображеніи нѣсколько лѣтъ тому назадъ! Теперь ни одна изъ насъ не ждала себѣ отъ нея никакихъ особенныхъ удовольствій. Путешествіе

должно было послужить намъ вмѣсто морфія: оно должно было помочь намъ заглушить мысли о личныхъ заботахъ и огорченіяхъ. Грустныя сидѣли мы въ купэ и глядѣли другъ на друга, чувствуя, каждая за себя, какъ собственная печаль возрастаетъ отъ огорченія, написаннаго на лицѣ визави. Мы провели нѣсколько дней въ Копенгагенѣ и посѣтили тамошнихъ своихъ друзей и знакомыхъ. Всѣ удивлялись сильной перемѣнѣ, происшедшей въ наружности Софьи: она страшно похудѣла, лицо ея покрылось морщинами, щеки ввалились; при этомъ она сильно кашляла. Кашель этотъ она схватила въ Стокгольмѣ, во время царившей тамъ эпидеміи инфлуэнцы и такъ мало береглась при этомъ, что нельзя было не удивляться тому, какъ она не слегла въ постель. Однажды, получивъ письмо, сильно взволновавшее ее, она соскочила съ постели, на которой лежала, вышла на улицу полуодѣтою, безъ корсета и въ тонкихъ башмакахъ, по слякоти и дождю, въ сильный вѣтеръ, и, вернувшись домой совершенно промокшею, просидѣла въ той же одеждѣ до поздней ночи, ни за что не соглашаясь перемѣнить ее.

— Ты увидишь, — говорила она мнѣ въ отвѣтъ на мои просьбы поберечь себя, — мнѣ такъ не везетъ, что я даже и серьезной болѣзни не въ состояніи схватить! О, не бойся, смерть навѣрное пощадитъ меня, потому что именно теперь мнѣ

очень хотѣлось бы умереть! Такое счастье никогда не выпадетъ мнѣ на долю!

А въ то время, какъ мы день и ночь сидѣли неподвижно въ купэ (мы ѣхали прямымъ путемъ изъ Копенгагена въ Парижъ черезъ Гамбургъ) она говорила: «Представь себѣ, какъ было бы хорошо, если бы теперь на насъ наѣхалъ встрѣчный поѣздъ и раздробилъ въ куски. Вѣдь такъ часто бываютъ несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ! Почему бы судьбѣ не сжалиться надо мною!»

А во время длинныхъ дней и ночей, которыя намъ приходилось проводить вмѣстѣ въ дорогѣ, она говорила, говорила безпрестанно о себѣ, о своей жизни, своей судьбѣ, говорила больше сама съ собою, чѣмъ со мною, анализировала себя и все свое прошедшее, чтобы отыскать причину, почему она должна страдать, всегда быть несчастною, и почему ей не дается никогда именно то, чего она такъ страстно желала всю свою жизнь: почему ее никогда не любили тою истинною, цѣльною, исключительною любовью, о которой мечтала Алиса, почему она никогда не была всѣмъ для другого?

— Почему меня никто не можетъ полюбить?— постоянно спрашивала она. — Я могла бы больше дать любимому человѣку, чѣмъ многія другія женщины; почему же любятъ самыхъ незначительныхъ женщинъ, а только меня никто не любитъ?

Я пробовала найти объясненіе. Она требовала

слишкомъ многаго, она никогда не удовольствовалась бы тою любовью, которая выпадаетъ на долю большинства женщинъ. При этомъ она слишкомъ много углублялась въ самое себя, слишкомъ много предавалась мыслямъ о самой себѣ, о своемъ *я*; въ ней не было той любви, которая забываетъ себя для другого—она знала только ту любовь, которая требуетъ столько же, сколько даетъ. Наконецъ, она постоянно мучитъ себя и любимаго человѣка анализированіемъ ихъ взаимныхъ отношеній. Софья отчасти соглашалась съ справедливостью моихъ словъ.

Какъ ужасно грустенъ былъ нашъ пріѣздъ въ Парижъ—тотъ самый пріѣздъ, который мы столько разъ рисовали себѣ въ самыхъ радужныхъ краскахъ! Мы со станціи отправились прямо къ Нильсонамъ за полученіемъ своихъ писемъ, которыхъ ждали съ такимъ нетерпѣніемъ. Мы дѣйствительно получили ихъ, но принесенныя ими извѣстія заставили насъ глубоко задуматься. Я всего одинъ разъ передъ тѣмъ, въ 1884 г., проѣздомъ черезъ Лондонъ, заѣзжала въ Парижъ, и только самымъ поверхностнымъ образомъ познакомилась съ нимъ. Теперь я закидывала Софью сотнями вопросовъ относительно дворцовъ и площадей, встрѣчаемыхъ нами по пути въ нашъ отель, расположенный около площади Звѣзды. Но она всякій разъ отвѣчала мнѣ съ нетерпѣніемъ: «я не знаю, я не помню» и т. д. Ни Тюльери, ни площадь Согласія, ни дворецъ Промыш-

ленности, мимо которыхъ намъ приходилось проѣзжать, не возбуждали въ ней никакихъ воспоминанiй и не производили на нее никакого впечатлѣнiя. Парижъ, великiй, радостный Парижъ, бывшiй всегда ея любимымъ городомъ, въ которомъ она всегда мечтала со временемъ поселиться и въ которомъ столько времени уже прожила, представлялъ для нея въ эту минуту только мертвую массу домовъ и площадей, оставлявшую ее глубоко равнодушною, потому что письмо было не отъ *него*, а отъ одного изъ его друзей, и сообщаемыя имъ свѣдѣнiя были далеко не удовлетворительны.

Такимъ образомъ мы провели нѣсколько чрезвычайно тревожныхъ и безпокойныхъ недѣль въ этомъ Парижѣ, который всего годъ тому назадъ осыпалъ Софью изъявленiями своего удивленiя и уваженiя, а теперь какъ будто совершенно забылъ о ея существованiи.

Мы посѣтили всѣхъ ея и моихъ друзей, сдѣлали нѣсколько новыхъ знакомствъ, мы находились съ утра до ночи въ непрестанномъ движенiи, но не въ качествѣ туристовъ, потому что я за все это время не получила никакого понятiя ни о Парижѣ, ни о его достопримѣчательностяхъ, и даже не посѣтила Эйфелевой башни: весь нашъ искусственнымъ образомъ возбуждаемый интересъ сосредоточивался теперь на людяхъ и театрахъ, и мы старались по возможности изучить ихъ. Мы тон.оч вертѣлись постоянно въ

водовороте, стараясь всеми силами оживить въ себе исчезнувшій у насъ интересъ къ литературе. Кругъ нашихъ знакомыхъ представлялъ пестрое и весьма интересное смешеніе національностей и типовъ: тутъ были и две банкирскія семьи, одна—русско-еврейская, а другая—французская, проживавшія обе въ величественныхъ, уединенныхъ дворцахъ, устроенныхъ на аристократическій ладъ, съ лакеями въ короткихъ штиблетахъ и шелковыхъ чулкахъ и со всею традиціонною аристократическою роскошью; тутъ были русскіе ученые—мужчины и женщины, польскіе эмигранты, французскіе литераторы и литераторши, и скандинавы—Іонасъ Ли, Вальтеръ, Рунебергъ, Кнутъ Викзель, Ида Эриксонъ, и многіе другіе ученые, художники и литераторы. Софья, конечно, сделала также визиты французскимъ корифеямъ математики и получила отъ нихъ несколько приглашеній, но на этотъ разъ они интересовали ее гораздо меньше, чемъ прежде, потому что ея мысли были заняты совсемъ инымъ, а не математикою.

Средоточіемъ этого маленькаго кружка была одна изъ самыхъ интимныхъ подругъ Софьи, женщина, которою Софья несказанно восхищалась и которая сильно импонировала ей. Съ завистью, смешанною съ удивленіемъ—характеристическая ея черта—Софья находила у этой подруги именно те качества, которыми всегда желала больше всего обладать: красоту, редкую грацію, необыкновенное искусство одеваться

(каждый разъ, когда Софья пріѣзжала въ Парижъ, она заставляла свою подругу выбирать ей платья, но они никогда не имѣли на ней такого красиваго и изящнаго вида, какъ на прекрасной полькѣ), умѣнье составлять около себя избранный кружокъ поклонниковъ, готовыхъ идти въ огонь и воду за малѣйшую ея улыбку. Меньше всего Софья восхищалась тѣмъ, что больше всего цѣнилось другими у г-жи I.—ея умомъ и мужествомъ. Умъ, не обладавшій творческою силою, никогда не производилъ на Софью большого впечатлѣнія; что же касается до мужества, т.-е. мужества нравственнаго, то Софья считала, что и она сама въ достаточной степени обладаетъ имъ.

Жизнь, которую вела теперь г-жа I., послѣ пережитыхъ ею бурь, представлялась Софьѣ идеаломъ счастья. Вышедшая недавно замужъ за молодого человѣка, боготворившаго ее, окруженная друзьями, преклонявшимися передъ нею и понимавшими ее. обладавшая собственнымъ прекраснымъ домомъ, открытымъ для всѣхъ ея друзей и единомышленниковъ, проживавшая въ такомъ великомъ умственномъ центрѣ, какъ Парижъ, и въ то же время всецѣло преданная дѣлу, которое она считала своею миссіею и въ которое глубоко вѣрила,—она казалась Софьѣ самою счастливою изъ всѣхъ извѣстныхъ ей женщинъ.

Въ этомъ-то симпатичномъ кружкѣ Софья такъ откровенно выказывала свои мысли и чувства, такъ искренно открывала свою душу, какъ раньше нико-

гда иначе, какъ глазъ-на-глазъ съ близкими друзьями. Она говорила, какою неудовлетворенною чувствуетъ себя въ своей жизни, въ своихъ сухихъ научныхъ успѣхахъ, какъ охотно промѣняла бы свою судьбу со всею добытою ею знаменитостью и со всѣми одержанными ею научными побѣдами на судьбу самой обыкновенной женщины, окруженной любящими ее людьми, для которыхъ она была бы первою. Но она видѣла съ горечью, что никто ей не вѣритъ: всѣ самые близкіе ея друзья воображали, что она гораздо больше стремится къ удовлетворенію своего честолюбія, чѣмъ къ удовлетворенію потребностей своего сердца, и смѣялись надъ тѣмъ, что считали однимъ изъ ея обычныхъ парадоксовъ.

Одинъ только человѣкъ понялъ ее вполнѣ—Іонасъ Ли, и одна застольная рѣчь, сказанная имъ въ честь ея, тронула ее до слезъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ дней во время нашего пребыванія въ Парижѣ. Мы обѣдали у Іонаса Ли вмѣстѣ съ Григомъ и его женою, въ честь котораго устраивались въ это время празднества въ Парижѣ.

За столомъ царило то праздничное настроеніе, которое возникаетъ часто въ маленькомъ кружкѣ собравшихся лицъ, которыя всѣ рады видѣть другъ друга, всѣ знаютъ, понимаютъ и глубоко цѣнятъ одинъ другого.

Іонасъ Ли былъ на этотъ разъ въ ударѣ и держалъ одну рѣчь за другою. Это были горячія, фанта-

стическія рѣчи, нѣсколько запутанныя и смутныя, какими онѣ бываютъ у него въ большинствѣ случаевъ, но увлекательнымъ образомъ дѣйствующія на слушателей своею сердечностью и непосредственностью и тѣмъ политическимъ оттѣнкомъ, который онъ умѣлъ всегда придавать имъ. Обращаясь къ Софьѣ, онъ говорилъ съ нею не какъ съ знаменитою ученою, не какъ съ писательницею, а какъ съ маленькою Танею Раевскою, которую онъ научился такъ горячо любить и къ которой относился съ такою глубокою симпатіей. Ему было отъ души жаль этого бѣднаго, жаждавшаго любви и нѣжности ребенка, котораго никто не понималъ, и онъ сомнѣвался, чтобы и сама жизнь понимала его: насколько онъ могъ предугадать, жизнь надѣлила бѣднаго ребенка всѣми возможными дарами, осыпала его почестями и отличіями, отмѣтила успѣхами всѣ его шаги на разныхъ поприщахъ дѣятельности, а между тѣмъ маленькая дѣвочка по прежнему представляется ему стоящею съ протянутыми впередъ пустыми руками и съ умоляющимъ взглядомъ большихъ, широко раскрытыхъ глазъ. Чего она хочетъ, эта маленькая дѣвочка? Ей хочется, чтобы къ ней протянулась дружеская рука и дала ей апельсинъ.

— Благодарю васъ, г. Ли,—вскричала Софья, съ трудомъ сдерживая свои слезы,—много рѣчей приходилось мнѣ выслушать въ своей жизни, но ни одна не была такъ хорошо сказана.

Она была не въ силахъ вымолвить что-либо больше, и опустилась на стулъ, выпивъ стаканъ воды, чтобы подавить подступавшія къ горлу слезы.

Возвращаясь отъ Ли, она была въ такомъ счастливомъ настроеніи духа, въ какомъ я уже давно не видала ее. Наконецъ нашелся человѣкъ, который понялъ ее, который, ничего не зная о ея личныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, и видѣвъ ее только два-три раза, съумѣлъ, прочитавъ ея книгу, глубже заглянуть въ ея душу, въ ея внутренній міръ, чѣмъ большинство тѣхъ, кто считался ея лучшими друзьями и зналъ ее въ теченіе многихъ лѣтъ. Значитъ, литературная дѣятельность можетъ еще доставить радости, значитъ, стоитъ еще жить.

Выйдя отъ Ли, мы собрались идти еще въ другое мѣсто, но при своемъ непрестанномъ, ежедневномъ и ежечасномъ ожиданіи писемъ, Софья никогда не соглашалась надолго уходить изъ дома. Поэтому мы свернули въ сторону, чтобы зайти въ нашу гостинницу и повторить нашъ постоянный вопросъ: «Есть-ли письма?» Въ ту же минуту Софья схватила письмо, положенное возлѣ нашего номера, и бросилась бѣжать черезъ всѣ четыре лѣстницы въ наше помѣщеніе. Я медленно поднималась вслѣдъ за нею и прошла прямо въ свою комнату, чтобы не мѣшать ей. Но не успѣла я войти, какъ она вбѣжала ко мнѣ, бросилась мнѣ на шею, плача и смѣясь отъ радости, начала кружиться со мною по комнатѣ, и

наконецъ упала на диванъ, громко восклицая: «О, Боже! о, Боже! Что за счастье! О, я не въ силахъ вынести этого! Я умру! О что за счастье!»

Въ письмѣ объяснялось одно несчастное недоразумѣніе, до такой степени мучившее ее все это время, что она обратилась въ тѣнь самой себя.

На слѣдующій же вечеръ она уѣхала изъ Парижа, чтобы встрѣтиться съ человѣкомъ, отъ котораго зависѣла теперь ея дальнѣйшая судьба.

А я отправилась въ тотъ же вечеръ въ Римъ, гдѣ мое присутствіе было необходимо для того, чтобы добиться отъ папы расторженія моего перваго брака, безъ котораго не могъ состояться второй. Я не собиралась такъ скоро ѣхать въ Римъ, такъ какъ не хотѣла оставлять Софью одну въ Парижѣ и не думала, что настало уже время начать хлопоты въ Ватиканѣ. Но оказалось, что я пріѣхала какъ разъ во время для того, чтобы дать настоящій толчекъ своему дѣлу. Такимъ образомъ судьба насъ обѣихъ измѣнилась разомъ къ лучшему.

*

XV.

Пламя гаснетъ.

При разставаніи Софья осыпала меня самыми пылкими увѣреніями въ вѣчной дружбѣ и самыми убѣдительными просьбами не забывать этого времени, всегда помнить о немъ, и въ будущемъ сообщать другъ другу обо всѣхъ могущихъ произойти въ нашей жизни перемѣнахъ. Она говорила, что благодаря тяжелому времени, пережитому ею теперь въ Парижѣ, она чувствовала себя гораздо болѣе связанною со мною, чѣмъ когда-либо прежде, и обѣщала написать мнѣ тотчасъ послѣ встрѣчи съ своимъ другомъ; я также обѣщала извѣстить ее обо всемъ, что случится со мною въ Римѣ. Черезъ нѣсколько дней я дѣйствительно получила отъ нея короткое письмо, но въ

*

немъ не было и слѣда радости, горѣвшей въ ней такимъ яркимъ пламенемъ при отъѣздѣ и наполнявшей ее такими радужными надеждами. У меня, къ сожалѣнію, не сохранилось этого письма, но вотъ вкратцѣ его содержаніе: «Я вижу, что я и онъ—мы никогда не поймемъ другъ друга. Поэтому я возвращаюсь въ Стокгольмъ къ своимъ занятіямъ. Только въ одной работѣ могу я теперь найти утѣшеніе».

И этимъ все кончилось. Я не получала отъ нея больше никакихъ извѣстій въ теченіе всей зимы и весны, за исключеніемъ сердечнаго поздравленія въ маѣ по случаю моего бракосочетанія. Она страдала и не хотѣла разсказывать о своихъ страданіяхъ мнѣ, которая, какъ она знала, была теперь счастлива. А она никогда не могла заставить себя писать объ индифферентныхъ предметахъ, и потому молчала. Это молчаніе послѣ всѣхъ пылкихъ обѣщаній, данныхъ ею мнѣ по собственному побужденію во время нашего послѣдняго задушевнаго сожительства въ Парижѣ, глубоко оскорбляло и огорчало меня. Только позже я поняла, что она *не могла* поступить иначе.

Въ апрѣлѣ того же года (1890) она отправилась въ Россію. У нея были кое-какія надежды на полученіе мѣста ординарнаго академика въ Петербургѣ: это доставило бы ей самое выгодное положеніе, на какое она могла разсчитывать, положеніе, соединявшееся съ большимъ жалованьемъ и съ отсутствіемъ какихъ-либо стѣснительныхъ обя-

занностей, исключая необходимости проживать два мѣсяца въ году въ Петербургѣ; кромѣ того, это было высшее отличіе, какое можетъ достаться въ Россіи на долю ученыхъ людей. Она сильно увлекалась этими надеждами, осуществленіе которыхъ избавило бы ее отъ невыносимой теперь для нея необходимости жить въ Стокгольмѣ и доставило бы ей возможность осуществить свое давнишнее желаніе поселиться въ Парижѣ. Она говорила мнѣ во время нашего послѣдняго пребыванія въ этомъ городѣ: «Если нельзя доставить себѣ высшаго счастья въ жизни, счастья сердца, то жизнь во всякомъ случаѣ бываетъ еще сносною, когда живешь въ подходящей духовной средѣ, въ которой чувствуешь себя по душѣ. Но когда не имѣешь ни того, ни другого, жизнь становится просто невыносимою!» И она говорила мнѣ далѣе, что могла бы еще примириться съ жизнью, если бы ей удалось поселиться въ Парижѣ.

Я не знала ничего о томъ, на сколько удались ей всѣ эти планы, ни о томъ, куда она намѣревалась отправиться послѣ Петербурга,—въ послѣднее время весною она держала себя очень таинственно со всѣми близкими ей людьми—когда внезапно въ началѣ іюня мы встрѣтились съ нею въ Берлинѣ, куда я поѣхала послѣ свадьбы съ мужемъ, чтобы затѣмъ продолжать свой путь въ Швецію. Она

какъ разъ въ тотъ же день прибыла въ Берлинъ изъ Петербурга.

Она тамъ была въ необыкновенно возбужденномъ настроеніи, которое посторонними принималось всегда за жизнерадостную веселость, но за которымъ, какъ мнѣ было извѣстно, скрывалось всегда какое-нибудь разочарованіе. Ее необыкновенно любезно принимали въ Гельсингфорсѣ и въ Петербургѣ, она переходила отъ одного празднества къ другому, сдѣлала много самыхъ интересныхъ знакомствъ и держала рѣчь передъ собраніемъ въ тысячу человѣкъ. Она увѣряла, что чрезвычайно весело провела время и что ей были даны самыя блестящія надежды, но тѣмъ не менѣе держала себя очень таинственно относительно своихъ плановъ на будущее и наотрѣзъ отказалась дать мнѣ какія-либо болѣе точныя объясненія. Такъ же тщательно избѣгала она остаться со мною наединѣ, какъ бы изъ боязни моихъ разспросовъ. Мы провели вмѣстѣ нѣсколько веселыхъ дней въ постоянныхъ шуткахъ и смѣхѣ, но они тѣмъ не менѣе оставили во мнѣ непріятное впечатлѣніе, такъ какъ я ясно видѣла, на сколько она нервно возбуждена и какая глубокая дисгармонія царитъ у нея въ душѣ. О своихъ отношеніяхъ къ М. она сказала мнѣ только одно: она рѣшила никогда больше не выходить замужъ; она не желаетъ поступать такъ, какъ поступаетъ большинство женщинъ, которыя при первой возможности выйти за-

мужъ, забрасываютъ всѣ свои прежнія занятія и забываютъ о томъ, что онѣ считали раньше своимъ призваніемъ. Она ни за что не оставитъ своего мѣста въ Стокгольмѣ, пока не получитъ другого, лучшаго, или не пріобрѣтетъ такого положенія въ литературномъ мірѣ, которое давало бы ей возможность жить своими литературными заработками. Она не скрыла, впрочемъ, отъ меня своего намѣренія встрѣтиться этимъ лѣтомъ съ М. и отправиться съ нимъ путешествовать: это самый пріятный другъ и товарищъ, говорила она.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя мы опять встрѣтились въ Стокгольмѣ, куда она пріѣхала въ сентябрѣ къ началу лекцій. Ея искусственная веселость совершенно исчезла, она была очень грустная, печальная, и казалась чѣмъ-то сильно обезпокоенною, но по прежнему ни за что не хотѣла дать мнѣ заглянуть въ свою душу. Она тщательно избѣгала всякой возможности остаться со мною наединѣ и вообще выказывала большое равнодушіе ко всѣмъ намъ, не смотря на то, что считала насъ до сихъ поръ своими самыми близкими друзьями. Она, очевидно, всею душою стремилась въ другое мѣсто, признавая время своего пребыванія въ Стокгольмѣ временемъ изгнанія, и высчитывая постоянно, сколько дней оставалось до рождественскихъ вакансій, когда она собиралась опять уѣхать заграницу. Она находилась, повидимому, въ самомъ отчаянномъ поло-

женіи, какъ бы между двухъ огней: съ одной стороны она не могла жить съ М., а съ другой — не могла жить безъ него; она утратила всякую точку опоры въ жизни и была похожа на вырванное изъ почвы растеніе, которое нигдѣ не можетъ укорениться и потому вянетъ.

Братъ мой, переселившійся въ Діурсгольмъ, всячески убѣждалъ ее также переѣхать и нанять квартиру гдѣ-нибудь вблизи его, такъ какъ она до сихъ поръ всегда выбирала квартиры по сосѣдству съ нимъ, чтобы чаще и легче видѣться. Но хотя этотъ переѣздъ моего брата очень непріятно отозвался на ней, и еще сильнѣе заставилъ ее почувствовать свое одиночество въ Стокгольмѣ, тѣмъ не менѣе никакіе доводы не въ силахъ были заставить ее рѣшиться на переѣздъ.

— Кто знаетъ, сколько еще времени остается мнѣ прожить здѣсь въ Стокгольмѣ! Во всякомъ случаѣ это не можетъ долго продолжаться, — говорила она.—А если мнѣ придется и на слѣдующую зиму прожить въ Стокгольмѣ, я буду въ такомъ ужасномъ расположеніи духа, что мое сосѣдство не доставитъ вамъ никакого удовольствія.

Это чувство временности, непрочности ея теперешняго положенія было въ ней такъ сильно, что она начала мало-по-малу прерывать свои отношенія въ Стокгольмѣ, перестала посѣщать своихъ друзей, перестала показываться въ обществѣ, начала пренебре-

гать внутреннею обстановкою своего дома и своими туалетами. Измѣнился даже ея разговоръ: исчезли прежнія задушевность и живость, отличавшія его. Интересъ, выказываемый ею прежде ко всѣмъ областямъ человѣческаго мышленія и человѣческой жизни, утратилъ прежнюю силу; она ни о чемъ не могла думать теперь, кромѣ своей собственной жизненной трагедіи.

XVI.

Конецъ.

Послѣдній разъ видѣлась я съ Софьею въ одинъ изъ первыхъ дней декабря того же 1890 г. Она пріѣхала въ Діурсгольмъ, чтобы проститься съ нами передъ своимъ отъѣздомъ въ Ниццу. Никто изъ насъ не предчувствовалъ, что это наше прощаніе будетъ послѣднимъ. Мы сговорились съѣхаться въ Генуѣ тотчасъ послѣ Рождества, и потому самымъ мимолетнымъ образомъ простились другъ съ другомъ.

Но это свиданіе не состоялось по случаю ошибки въ адресѣ на телеграммѣ, которую мы должны были получить еще до нашего отъѣзда въ Италію. Между тѣмъ, какъ Софья и ея спутникъ ожидали насъ въ Генуѣ, мы проѣхали черезъ этотъ городъ, не имѣя понятія о томъ, что они находятся тамъ.

На новый годъ, который мы собирались провести вмѣстѣ, она отправилась со своимъ другомъ на прекрасное мраморное кладбище въ Генуѣ. Ея лицо вдругъ затуманилось и она вскричала, охваченная тяжелымъ предчувствіемъ: «Одинъ изъ насъ не переживетъ этого года, такъ какъ мы провели новый годъ на кладбищѣ».

Нѣсколько недѣль спустя она отправилась обратно въ Стокгольмъ. Это путешествіе, которому суждено было быть послѣднимъ въ ея жизни, оказалось не только самымъ мучительнымъ изъ всѣхъ сдѣланныхъ ею въ жизни путешествій, но и самымъ непріятнымъ съ внѣшней стороны.

Съ сердцемъ, измученнымъ горечью разлуки, съ сознаніемъ, что эти постоянныя терзанія просто убиваютъ ее, сидѣла она печальная въ купэ желѣзной дороги въ холодные морозные зимніе дни, представлявшіе такой разительный контрастъ съ только-что оставленнымъ ею мягкимъ воздухомъ, насыщеннымъ благоуханіями. Этотъ контрастъ между пламеннымъ солнечнымъ сіяніемъ у береговъ Средиземнаго моря и сѣвернымъ холодомъ получилъ теперь для нея какъ бы символическое значеніе, и она начала ненавидѣть холодъ и мракъ такъ же сильно, какъ любила солнечный свѣтъ и запахъ цвѣтовъ. Путешествіе ея и въ другихъ отношеніяхъ было необыкновенно мучительно. По странной ироніи судьбы, ей пришлось ѣхать совсѣмъ не по тому

пути, по которому она обыкновенно ѣздила изъ Берлина, гдѣ остановилась на нѣсколько дней. Въ Копенгагенѣ царила въ то время сильнѣйшая эпидемія оспы, а она питала такой паническій страхъ къ этой болѣзни, что не рѣшилась провести ночи въ Копенгагенѣ, а поѣхала въ объѣздъ черезъ острова. Благодаря этой дорогѣ, на которой пришлось постояно мѣнять поѣзда въ отвратительную погоду, она схватила сильную простуду. Въ Фредерицiи, куда она прiѣхала поздно ночью, въ бурю, подъ проливнымъ дождемъ, она не могла взять носильщика за неимѣнiемъ мелкой датской монеты, а принуждена была тащить сама свой багажъ, измокшая, утомленная, и настолько ослабѣвшая, что еле держалась на ногахъ. Прiѣхавъ на шестой день въ Стокгольмъ 4-го февраля утромъ, она почувствовала себя нездоровою. Тѣмъ не менѣе она проработала весь четвергъ и прочитала лекцiю въ пятницу, 6-го. Она всегда отличалась большою выносливостью и никогда не пропускала лекцiй, если была въ состоянiи держаться на ногахъ. Вечеромъ она отправилась на ужинъ въ обсерваторiю. Но здѣсь ее начало знобить, и она вышла одна на улицу, не будучи въ силахъ дольше оставаться въ обществѣ. Къ несчастью, она не нашла извозчика и сѣла въ дилижансъ; но при всегдашней непрактичности и незнанiи Стокгольма, она сѣла не туда, куда слѣдовало, и ей поэтому пришлось сдѣлать большой

объѣздъ. Одинокая, безпомощная, съ смертельною тоскою въ сердцѣ, сидѣла она въ дилижансѣ, дрожа отъ лихорадки въ холодную ночь, раздумывая о своей злосчастной судьбѣ. Въ этотъ же день утромъ она говорила моему брату, ректору Высшей Школы, о своемъ желаніи получить во что бы то ни стало отпускъ на апрѣль, чтобы уѣхать путешествовать. Всякій разъ, когда она въ отчаяніи возвращалась домой, она находила единственное утѣшеніе въ томъ, чтобы строить планы новыхъ поѣздокъ. А въ промежутки между этими поѣздками она старалась заглушить свою смертельную тоску и безпокойство усиленною работою. У нея было много плановъ новыхъ сочиненій въ головѣ, какъ въ области математики, такъ и въ области литературы, и она съ интересомъ разсказывала о нихъ. Моему брату она развивала планъ новой математической работы, которая, по его словамъ, должна была имѣть больше значенія, чѣмъ все, созданное ею до сихъ поръ. Элленъ Кей, которая часто видѣлась съ нею въ послѣдніе дни, она разсказывала содержаніе многихъ своихъ новыхъ повѣстей, которыя у нея были уже почти совсѣмъ разработаны въ головѣ. Одна изъ нихъ, уже начатая, должна была заключать въ себѣ характеристику ея отца, другая, на треть уже оконченная, составляла какъ бы продолженіе «Вѣры Воронцовой».

Какъ ни часто прежде Софья призывала смерть,

теперь она вовсе не желала умирать. По словамъ друзей, бывшихъ при ней въ послѣдніе дни, она никогда еще не выказывала такого смиренія передъ судьбою, какъ именно теперь. Она уже не надѣялась на цѣльное счастье, идеальное представленіе котораго сохраняла всегда въ глубинѣ своей души, но она горячо любила и тѣ разсѣянныя лучи счастья, которые грѣли и освѣщали ея путь.

Кромѣ того она высказывала всегда сильнѣйшій ужасъ передъ великимъ неизвѣстнымъ. Она говорила не разъ, что только неизвѣстность относительно наказанія, могущаго постигнуть послѣ смерти самоубійцъ, удерживала ее много разъ отъ того, чтобы наложить на себя руки и самовольно покинуть этотъ міръ. У нея не было какой-либо опредѣленной религіозной вѣры, но она вѣрила въ вѣчную жизнь для отдѣльныхъ индивидуумовъ, вѣрила въ нее и страшилась ея: больше всего страшилась она той ужасной минуты, когда прекращается жизнь. Она часто цитировала слова Гамлета:

Окончить жизнь—уснуть,
Не болѣе! И знать, что этотъ сонъ
Окончитъ грусть и тысячи ударовъ—
Удѣлъ живыхъ. Такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ. Умереть? Уснуть?
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?
Вотъ что дальнѣйшій заграждаетъ путь!
Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна!

И при своей живой фантазіи она рисовала себѣ ужасныя минуты, которыя приходится, быть можетъ, переживать человѣку, когда тѣло его въ физіологическомъ смыслѣ этого слова уже мертво, а нервная система еще терпитъ страданія, испытываетъ невыразимыя мученія, о которыхъ никто не имѣетъ понятія, кромѣ того, кто уже перешагнулъ въ вѣчность. Въ то же время она была горячимъ приверженцемъ сожиганія труповъ, такъ какъ, между прочимъ, боялась быть заживо погребенною, и нерѣдко въ такихъ яркихъ краскахъ рисовала чувства человѣка, неожиданно просыпающагося въ гробу, что возбуждала ужасъ въ своихъ слушателяхъ.

Но ея болѣзнь имѣла такой быстрый исходъ и носила такой тяжелый характеръ, что у нея не могло быть времени думать въ послѣднія минуты о томъ, что такъ часто рисовалось въ ея воображеніи. Единственныя слова, указывавшія на предчувствіе близкаго конца, были произнесены ею утромъ, 9-го, за двадцать часовъ до смерти: «Я ни за что не выскочу изъ этой болѣзни!», а вечеромъ того же дня: «Мнѣ кажется, что со мною должна произойти какая-то перемѣна».

Но во все остальное время она, напротивъ того, выражала мнѣніе, что ей предстоитъ продолжительная болѣзнь. Она не могла вообще много говорить, такъ какъ ее постоянно мучили сухой частый кашель, сильная лихорадка и недостатокъ дыханія,

что̀, вдобавокъ, сопровождалось чувствомъ сильнаго страха, вслѣдствіе чего она никакъ не хотѣла оставаться одна. Она говорила Элленъ Кей, почти постоянно сидѣвшей возлѣ нея: «если ты услышишь, что со мною сдѣлался припадокъ, сейчасъ же позови меня, а то я боюсь, что бы мнѣ не было плохо. Моя мать умерла въ такомъ именно припадкѣ страха. Если ты услышишь, что я стону во снѣ, разбуди меня поскорѣе и помоги мнѣ сейчасъ-же перемѣнить положеніе». Она страдала наслѣдственнымъ порокомъ сердца и поэтому часто выражала надежду умереть молодою. При аускультаціи оказалось, что страданіе это само по себѣ было самое незначительное, хотя оно навѣрное усиливало недостатокъ дыханія, уже въ достаточно сильной степени вызванный воспаленіемъ легкихъ.

Друзья, окружавшіе ея постель въ немногіе дни болѣзни, не могли достаточно нахвалиться ея добротою, кротостью и терпѣніемъ: она такъ много заботилась о другихъ, такъ боялась обезпокоить окружающихъ, выражала такую сердечную благодарность за малѣйшую оказанную ей услугу!

Ея маленькая дочь должна была отправиться во вторникъ на дѣтскій вечеръ, Софья очень интересовалась тѣмъ, чтобы она не пропустила этого удовольствія и просила своихъ друзей доставить ей все необходимое. Когда дѣвочка въ своемъ цыганскомъ костюмѣ пришла показаться матери въ понедѣльникъ

вечеромъ, послѣдняя ласково улыбнулась ей и пожелала побольше веселиться. Но не прошло послѣ этого и нѣсколькихъ часовъ, какъ дитя, разбуженное среди крѣпкаго сна, встрѣчало послѣдній взглядъ умирающей матери, съ нѣжностью обращенный на нее.

Такъ какъ доктора увѣряли, что близкой опасности не предстоитъ, а сама она такъ много заботилась о томъ, чтобы не утомлять своихъ друзей, то они оставили ее въ понедѣльникъ вечеромъ, продежуривъ у нея всѣ предъидущія ночи; при ней осталась только сестра милосердія. Доктора думали, что болѣзнь будетъ продолжительна: вслѣдствіе этого окружавшіе ее друзья, желая принести ей возможно больше пользы, рѣшили, что лучше собраться съ силами именно теперь, пока нѣтъ никакихъ показаній на предстоящую опасность. А между тѣмъ въ эту именно ночь долженъ былъ наступить рѣшительный моментъ.

Она спала глубокимъ сномъ, когда друзья оставили ее. Но уже въ два часа ее разбудили страданія: началась агонія. Она не показывала никакого признака сознанія, не могла ни двинуться, ни говорить, ни глотать. Это длилось два часа. Одинокая, покинутая всѣми, на рукахъ чужой сидѣлки, не говорившей даже на ея родномъ языкѣ, должна была она вынести эту послѣднюю тяжелую борьбу. Кто знаетъ, какое утѣшеніе принесъ бы ей дорогой

голосъ, какое облегченіе могло бы доставить ей въ эти два ужасные часа пожатіе дорогой руки! Мнѣ казалось всегда, что ее могло бы успокоить хотя немного присутствіе священника, который прочиталъ бы надъ ней отходную на русскомъ языкѣ. При томъ чувствѣ, которое она всегда выказывала относительно религіи своего дѣтства, и при живости своихъ дѣтскихъ воспоминаній, слова родной рѣчи прозвучали бы успокоительно въ ея ушахъ, если бы она была въ состояніи разслушать ихъ, руки ея въ предсмертныхъ судорогахъ схватились бы за крестъ, который утѣшалъ уже столько умирающихъ и который она сама всегда любила, какъ символъ человѣческихъ страданій. Но ничего! ничего! Ни одного утѣшительнаго слова, никакой поддержки! Любящая рука не прикоснулась къ ея горячему лбу! Одна, въ чужой странѣ, съ глубоко опечаленнымъ сердцемъ, съ разбитыми надеждами, а быть можетъ и съ дрожью передъ тѣмъ, что предстояло встрѣтить за гробомъ — такъ должна была окончить свое земное существованіе эта «огненная, мыслящая душа».

Изъ безнадежнаго мрака, который въ первое время горя по полученіи извѣстія о ея смерти облекалъ, какъ мнѣ казалось, ея смертное ложе, начали мало-по-малу проникать въ мою душу лучи свѣта.

Коротка или продолжительна жизнь—вопросъ второстепенный; вся суть въ томъ, насколько она бо-

гата содержаніемъ—для себя и для другихъ. А при такой точкѣ зрѣнія жизнь Софьи представляется гораздо длиннѣе жизни большинства людей. Она жила ускоренною жизнью, пила полною чашею изъ источника счастья и изъ источника горя, насыщала свой умъ у источника знаній, поднималась на всѣ высоты, на какія можетъ возносить фантазія,—и щедро надѣляла и другихъ богатствомъ своихъ знаній, своего опыта, своей фантазіи и своихъ чувствъ. Она всегда дѣйствовала на окружающихъ возбуждающимъ образомъ, будила въ нихъ мысли и чувства,—способность, составляющая отличительную черту талантливыхъ людей, если только они не живутъ обособленною, эгоистическою жизнью. Ни одинъ человѣкъ, вступавшій въ частыя сношенія съ нею, не могъ устоять противъ ея вліянія, не могъ не подчиниться увлекательному дѣйствію этого живого, искрящагося ума и этого горячаго чувства, согрѣвавшихъ своими теплыми лучами всѣхъ, кто пользовался ея обществомъ. Умъ ея именно потому оказывалъ такое плодотворное дѣйствіе, что она всею цѣлью своей жизни въ умственномъ отношеніи ставила общность интересовъ съ другими лицами и отличалась полнымъ отсутствіемъ эгоизма. И если въ ея мечтаніяхъ, предчувствіяхъ и надеждахъ примѣшивалось всегда много фантазіи и предразсудковъ, то въ нихъ замѣчалась несомнѣнно и необыкновенная прозорливость. Когда она въ разговорѣ съ вами

устремляла на васъ свои большіе близорукіе блестящіе глаза, свѣтящіеся умомъ, казалось всегда, что она проникаетъ въ самые сокровенные тайники вашей души. Какъ часто случалось ей послѣ одного только вскользь брошеннаго взгляда срывать маску, подъ которою иные всю свою жизнь скрываютъ передъ другими менѣе проницательными людьми свое настоящее лицо, и какъ часто открывала она какъ бы инстинктивно тайныя побужденія, скрытыя не только для постороннихъ, но и для тѣхъ людей, у которыхъ она ихъ находила. Ея художественный талантъ отличался такою же замѣчательною прозорливостью. Одного отдѣльнаго слова, одного, повидимому, совершенно незначительнаго эпизода, встрѣченнаго ею въ жизни, было иногда достаточно для того, чтобы открыть ей связь между причиною и слѣдствіемъ, и освѣтить передъ нею исторію всей жизни. Она во всемъ искала *связи*, — связи въ мірѣ мыслей, связи между событіями жизни,—да, она пробовала даже отыскивать связь между законами мышленія и явленіями жизни, и сознаніе, что она не можетъ ни видѣть, ни понимать чего-либо иначе, какъ урывками, всегда возбуждало въ ней чувство неудовлетворенія. Поэтому она часто предавалась мечтамъ о другой, высшей жизни, гдѣ мы, по прекрасному выраженію апостола, будемъ созерцать другъ друга не какъ черезъ зеркало въ темной долинѣ, а лицомъ къ лицу. Видѣть цѣлое во всѣхъ его многоразлич-

ныхъ проявленіяхъ—вотъ къ чему она стремилась всю жизнь, какъ изслѣдователь и какъ художникъ.

А что, если она достигла этого! Умъ смущается такою смутною, трудно представляемою возможностью, но грудь расширяется и сердце начинаетъ ускоренно биться отъ сладостной надежды на уничтоженіе горечи смерти.

При этомъ она всегда желала умереть молодою. Не смотря на врожденную веселость и бодрость духа, заставлявшую ее быть всегда на готовѣ воспринимать новыя впечатлѣнія, открывать новые источники радости, и дѣтски радоваться даже мелочамъ, въ глубинѣ ея души скрывались стремленія, которыхъ жизнь не могла никакъ удовлетворить, потому что той самой цѣльности и того самаго единства, которыя она искала въ области мысли, она жаждала достигнуть и въ области чувствъ: душа и умъ ея требовали абсолютной любви, въ которой интересы ея сливались бы совершенно съ интересами любимаго человѣка, а это было недостижимо, вслѣдствіе своеобразности жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, но главнымъ образомъ вслѣдствіе особенностей ея личнаго характера. Это отсутствіе связи между стремленіями ея ума и сердца съ одной стороны и обстоятельствами ея жизни съ другой, а отчасти и между этими стремленіями и ея собственнымъ темпераментомъ страшно угнетало ее. Только при этой точкѣ зрѣнія смерть ея получаетъ настоящее освѣщеніе.

Если же мы стали бы обсуждать вопросъ о ея смерти, принимая за исходную точку зрѣнія ея собственную вѣру въ глубокую связь, существующую между всѣми событіями жизни, мы сказали бы, что она должна была умереть не потому, что нѣсколько зловредныхъ и сильныхъ микробовъ завладѣли ея легкими, но потому, что жизнь не могла доставить ей того счастья, къ которому она страстно стремилась, потому что ей недоставало органической, необходимой связи между ея внутреннимъ и внѣшнимъ *я*, между ея мыслями и чувствами, ея темпераментомъ и ея умомъ. У нея было цѣльное міросозерцаніе, но въ дѣйствіяхъ ея эта цѣльность отсутствовала. Во всякомъ случаѣ она достигла того, къ чему стремилась всю жизнь—гармоніи, потому что гдѣ полный покой, тамъ и гармонія...

Рѣдко чья смерть вызывала въ такой сильной степени всеобщее участіе, какъ смерть Софьи. Почти со всѣхъ странъ цивилизованнаго міра, со всѣхъ концовъ его стекались въ Высшую Школу телеграммы съ выраженіями соболѣзнованія и сочувствія. Начиная отъ глубоко консервативной Петербургской Академіи, избравшей ее именно въ этомъ году своимъ членомъ-корреспондентомъ, и кончая учениками воскресныхъ школъ въ Тифлисѣ и учительницами народныхъ школъ въ Харьковѣ, всѣ спѣ-

шили отдать честь ея памяти. Русскія женщины рѣшили поставить памятникъ на ея могилѣ въ Стокгольмѣ, цѣлыя повозки цвѣтовъ покрывали могильную насыпь на стокгольмскомъ кладбищѣ, скрывавшую ея останки, а всѣ газеты и журналы напечатали статьи въ память удивительной женщины, принесшей бо̀льшую честь своему полу, чѣмъ кто-либо другой.

Но изъ всѣхъ этихъ надгробныхъ рѣчей, изъ всѣхъ этихъ посмертныхъ статей образъ ея выступаетъ какъ бы въ слишкомъ одностороннемъ видѣ, холоднымъ и безстрастнымъ. Она остается такимъ образомъ въ памяти потомства такою, какою она именно не желала оставаться: въ видѣ выдающагося таланта въ области науки и литературы, въ видѣ необыкновенно развитого утонченнаго художественнаго ума, въ видѣ гигантскаго женскаго образа, къ которому обыкновенный масштабъ совершенно непримѣнимъ и который внушаетъ намъ гораздо больше удивленія, чѣмъ симпатіи.

Быть можетъ, этимъ подробнымъ и неприкрашеннымъ изложеніемъ ея жизни, съ ея слабостями и заблужденіями, ея печалями и униженіями, а также и ея побѣдами и ея величіемъ, я нѣсколько сократила эти размѣры, такъ, что дала возможность примѣнить къ ней обыкновенный масштабъ. Но въ виду предположенной мною цѣли, въ виду моего желанія изобразить ее именно такою, какою она хотѣла, чтобы

ее знали и понимали, я должна была необходимо выдвинуть впередъ ея общечеловѣческія черты. Такимъ образомъ я заставила ее сойти съ пьедестала и подойти къ уровню обыкновенныхъ женщинъ, выказать себя не исключеніемъ, а, напротивъ того, подтвержденіемъ общаго правила, гласящаго, что жизнь сердца составляетъ центръ не только женской, но и вообще человѣческой природы, является центральнымъ факторомъ жизни, который дѣйствуетъ во всѣхъ людяхъ, болѣе или менѣе одаренныхъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1893 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ",

Въ вышедшихъ за 1893 г. №№ 1, 2 и 3—напечатано между прочимъ:

СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГЪ, романъ **К. Баранцевича**; МЕЧТАТЕЛЬ, разсказъ въ стихахъ **Я. Полонскаго**; ДѢТСТВО ПРОТАСОВА, повѣсть **Ф. Нефедова**; ПУСТОПЛЯСЫ, святочный разсказъ **Николая Лѣскова**; СУРАТСКАЯ КОФЕЙНЯ, гр. **Льва Толстого**; ШУРОЧКА, эскизъ **Л. Горева**; ЦАРЕВНА ПАНДЖАПА, восточная сказка **Кота Мурлыки**; ЗАПИСКИ 1825—1845 ГГ., **А. О. Смирновой** (Неизданные историческіе документы о Жуковскомъ, Пушкинѣ, Гоголѣ и др.); КРАСНАЯ ЗВѢЗДА, повѣсть **И. Павловскаго**; Изъ сборника разсказовъ **А. К. Леффлеръ-ди-Кайянелло**: 1) ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ, 2) СЕЗАМЪ ОТВОРИСЬ, 2) ГУСТЕНЪ ПОЛУЧИТЪ ПАСТОРАТЪ. Перев. со шведск. **М. Лучицкой**; МИСЪ БРЭДЕРТОНЪ, романъ **Гэмфри Уордъ**, перев. съ англ. **А. Веселовской**; ИДЕЯ ГЕРМЕСА ТОРРАНЦА, **Ант. Фогаццаро**, перев. съ итальянск. и др.

Стихотворенія: **Я. Ивашкевича, К. Льдова, Н. Минскаго, С. Фруга, Л. Ѳедорова** и др. Статьи: О ВЛІЯНІИ МУЗЫКИ НА ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ ОРГАНИЗМЪ, проф. **И. Тарханова**; КНИГОНОШИ И ОФЕНИ, **А. Пругавина**; ЕДИНСТВО ГЕРМАНІИ, **Л. Полонскаго**: ЖЕНЩИНА-ПРЕСТУПНИЦА, проф. **И. Фойницкаго**; ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДОКТРИНЫ ПРОШЛАГО ВѢКА, проф. **Максима Ковалевскаго**; ПИСЬМА ВЕЛИКАГО ЧЕЛОВѢКА, **В. Стасова**; ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА 60-хъ ГОДОВЪ, **Н. Ге**; ВОЛГА И ВОЛГАРИ, путевые очерки **А. Субботина**; ПИЩЕНСТВО НА РУСИ, **Л. Весина**; БОРЬБА СЪ РОСТОВЩИЧЕСТВОМЪ, **М. Соболева** и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ: 1) ОБЛАСТНОЙ И ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ; 2) ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ, **Л. Прозорова**; 3) НОВЫЯ КНИГИ; 4) ПИСЬМА ИЗЪ ЗА ГРАНИЦЫ: ИЗЪ АМЕРИКИ, **В. Макъ-Гаханъ**; — ИЗЪ ПАРИЖА, **Robert de Serisy**; — ИЗЪ ИТАЛІИ, **Н. Рускина**; 5) ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ; 6) ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, проф. **А. Трачевскаго**; 7) ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ, **А. Волынскаго**.

Условія подписки:	На годъ.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
Безъ доставки въ Спб.		Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
въ конторѣ журнала.	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб.	12 › 50 ›	6 » 50 »	6 » — ›	3 › 50 ›	3 › — ›	3 › — »	3 ›
Съ перес. въ Имперіи.	13 › 50 ›	7 » — ›	6 › 50 ›	3 › 50 ›	3 » 50 ›	3 › 50 ›	3 ›
За границей	15 › — ›	8 › — ›	7 › — ›	4 › — ›	4 › — ›	4 › — ›	3 ›

Вмѣсто разсрочки подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года **безъ повышенія годовой цѣны**.

Отдѣльная книга «Сѣвернаго Вѣстника» въ Главной Конторѣ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. Въ Гл. Конт. Спб., Троицкая ул., д. № 9; въ отдѣленіяхъ: въ книжн. маг. Фену и К° (въ СПБ.); въ конт. **Н. Печковской** (въ Москвѣ); во всѣхъ книжн. маг. **Н. П. Карбасникова** и **Новаго Времени**, въ кн. маг. **Н. Я. Оглоблина** (въ Кіевѣ); въ кн. маг. **Н. Я. Башмакова** (въ Казани) и друг.

Издательница **Л. Я. Гуревичъ**. Редакторъ **М. Н. Альбовъ**.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Второе значительно дополненное изданіе книги

А. С. ПРУГАВИНА:

ЗАПРОСЫ НАРОДА

и

ОБЯЗАННОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ

ВЪ ОБЛАСТИ

УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ И ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Изданіе редакціи „**Сѣвернаго Вѣстника**“.

Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ Главной конторѣ «Сѣвернаго Вѣстника»:
СПБ. Троицкая, д. № 9.

5

